

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Турчаненко Владимир Владимирович

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. С. ПУШКИНА
КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА:
ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, РЕАЛИЗАЦИЯ (1930-е–1950-е гг.)**

Специальность 5.9.1 — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Балакин Алексей Юрьевич

Санкт-Петербург

2025

Оглавление

Введение	4
Полное собрание сочинений как научная проблема. Эволюция и границы понятия <i>академическое издание</i>	9
Дискуссии об <i>академических изданиях</i> в XXI веке	23
Круг источников. Проблемы доступности материала и верификации выводов .	34
Глава 1. На пути к академическому Полному собранию сочинений Пушкина: идеи и концепции.....	43
1. 1. П. Е. Щеголев и Ю. Г. Оксман.....	46
1. 2. Комитет для издания сочинений Пушкина. Планы нереализованных собраний сочинений в 16 и 8 томах.....	50
1. 3. «Большой» и «малый» Пушкин на рубеже 1920-х–1930-х годов	57
1. 4. Реорганизация Пушкинской комиссии. Проект нового академического издания	67
1. 5. Конференция пушкинистов 1933 года.....	79
1. 5. 1. Состав академического издания	89
1. 5. 2. Композиция издания. Структура томов	92
1. 5. 3. Организационная структура издания.....	95
1. 5. 4. Цели и адресат академического издания	96
1. 5. 5. Итоги конференции	98
Глава 2. Советский академический Пушкин: реализация	103
2. 1. Контекст	104
2. 2. Организация работы.....	114
2. 2. 1. Пробный том	114
2. 2. 2. В. Д. Бонч-Бруевич во главе Редакции АПСС	120
2. 2. 3. Выдвижение АПСС на Сталинскую премию.....	127
2. 3. Критико-публицистическая проза в составе АПСС	136

2. 3. 1. Пушкин-критик: постановка проблемы и краткий обзор литературы по теме.....	137
2. 3. 2. Принципы публикации критико-публицистической прозы Пушкина	141
2. 3. 3. XI том: история подготовки (декабрь 1935 – ноябрь 1937 годов).....	149
2. 3. 4. XI том: история подготовки (декабрь 1937 – июнь 1941 годов).....	162
2. 3. 5. XI том: проект vs результат.....	175
Заключение	179
Список сокращений.....	181
Список архивных источников.....	183
Список литературы.....	184
Список иллюстративного материала	204
Приложение 1. Хроника заседаний Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина и редакторских совещаний в 1934–1948 гг.: Архивные источники	205
Приложение 2. Докладная записка В. Д. Бонч-Бруевича С. И. Вавилову об академическом издании Полного собрания сочинений Пушкина	216
Приложение 3. Композиция томов критико-публицистической прозы, отредактированных Ю. Г. Оксманом	241
Приложение 4. План расположения текстов тома 11 (Критика и публицистика) академического издания Полного собрания сочинений Пушкина. 1938 год, июнь (?)	245

Введение

Издание Пушкина есть целая большая проблема.

*Б. В. Томашевский*¹

Пушкиноведение традиционно принято считать наиболее разработанной областью отечественной науки о литературе. Бесспорным основанием для этого утверждения является колоссальный корпус публикаций, исследований, изданий, зафиксированных в «многотомной» библиографии пушкинских штудий — Пушкиниане², а также большое число вспомогательных научных и научно-справочных трудов, на которых, как правило, базируются все дальнейшие исследования в области науки о Пушкине. Важнейшими среди них, помимо уже упомянутой библиографической Пушкинианы, следует считать научное описание рукописей Пушкина (неотъемлемую часть которого составляет детально разработанная таблица сортов бумаги, бывшей в употреблении Пушкина)³, специальные исследования, посвященные истории заполнения отдельных его

¹ Из выступления в прениях по докладу Н. К. Пиксанова на Конференции пушкинистов 1933 г.

² Последней по времени в ряду многочисленных справочно-библиографических изданий стала составленная Л. А. Тимофеевой и Ю. А. Сорокиной «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1999. Юбилейный год» (СПб., 2019).

³ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937; Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева; отв. ред. Н. В. Измайлов. М.; Л., 1964; Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / Сост. Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотова. СПб., 2021 (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35); Описание бумаги А. С. Пушкина в автографах его, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Л., 1936 (машинопись; хранится в РО ИРЛИ).

рабочих тетрадей⁴ и их факсимильные издания⁵, летопись жизни и творчества Пушкина⁶, «Пушкинскую энциклопедию»⁷, четырехтомный свод «Пушкин в прижизненной критике»⁸. О важном пропедевтическом значении подобных изданий, которые в совокупности дают прочный фундамент для осуществления

⁴ Авторами этих исследований выступили С. М. Бонди (ПД 845 — Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое издание: Альбом 1833–1835 гг. М., 1939; ПД 846 — Из «последней тетради» Пушкина // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. Л., 1974. С. 377–397), В. Б. Сандомирская (Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД 838): (История заполнения) // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 238–271), С. А. Фомичев (Рабочая тетрадь Пушкина ПД 835: (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1983. Т. 11. С. 27–65; Рабочая тетрадь Пушкина ПД 832: (Из текстологических наблюдений) // Там же. Л., 1986. Т. 12. С. 224–242; Записная книжка Пушкина ПД 830: (История заполнения: л. 43–66 об.) // Там же. СПб., 2004. Т. 16–17. С. 43–56), Я. Л. Левкович (Рабочая тетрадь Пушкина ПД 841: (История заполнения) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 243–277; Рабочая тетрадь Пушкина ПД 842: (История заполнения) // Там же. Л., 1991. Т. 14. С. 148–162; Рабочая тетрадь Пушкина ПД 834: (История заполнения) // Там же. СПб., 1995. Т. 15. С. 201–234; Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839: (История заполнения) // Там же. СПб., 2004. Т. 16–17. С. 57–75), Н. Н. Петрунина (ПД 829 — Из наблюдений над «Лицейской тетрадью» Пушкина // Русская литература. 1991. № 3. С. 82–89), Р. В. Иезуитова (Рабочая тетрадь Пушкина ПД 836: (История заполнения) // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 121–147; Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833: (История заполнения) // Там же. СПб., 1995. Т. 15. С. 235–264), В. Д. Рак (Записная книжка Пушкина ПД 830: (История заполнения: л. 1–42 об.) // ПИМ. СПб., 2004. Т. 16–17. С. 5–42) и С. В. Березкина (Записная книжка Пушкина ПД 840: (История заполнения) // ПИМ. СПб., 2004. Т. 16–17. С. 76–93).

⁵ *Пушкин А. С. Рабочие тетради: В 8 т. / Науч. ред. С. А. Фомичев и Т. И. Краснобородько.* СПб., Лондон. 1995–1997; Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой: Факс. воспроизведение / Сост. и коммент. Т. И. Краснобородько; вступ. ст. С. А. Фомичева и Я. Л. Левкович. СПб., 1999; *Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: [В 3 т.] / Авт.-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова; науч. ред. и вступ. ст. С. А. Фомичева.* СПб., 2009. То же, переизд.: СПб., 2013.

⁶ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999; Т. 5, справочный. М., 2005 (сост.: т. 1 — М. А. Цявловский, т. 2 — М. А. Цявловский, Н. А. Тархова, т. 3–5 — Н. А. Тархова). То же, переизд.: СПб., 2024–2025.

⁷ Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009–2024. Вып. 1–5; Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Отв. ред. В. Д. Рак. СПб., 2004 (Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18–19); Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: [В 2 т.]. СПб., 2003–2005. То же, переизд.: СПб., 2011.

⁸ Пушкин в прижизненной критике: [Кн. 1]: 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001; [Кн. 2:] 1828–1830; [Кн. 3:] 1831–1833; [Кн. 4:] 1834–1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001–2008.

академического полного собрания сочинений Пушкина⁹, писали Н. В. Измайлов¹⁰ и С. А. Фомичев¹¹. Все указанные издания, традиционно и в достаточной мере условно называемые *вспомогательными*, были осуществлены в конце XX — первой четверти XXI веков, параллельно с подготовкой и выходом отдельных томов нового, третьего академического издания ПСС Пушкина.

Тем не менее приходится констатировать, что, несмотря на обширную базу, созданную за более чем полуторавековую историю пушкиноведения, полноценного законченного академического собрания сочинений Пушкина нет до сих пор — как нет и подробного исследования, которое бы обобщило и проанализировало опыт двух предыдущих академических собраний: издания Императорской Академии наук¹² и Академии наук СССР¹³. Особенно актуально оно в настоящее время, когда, повторю, идет интенсивная работа над третьим академическим изданием. И если опыт первого, дореволюционного АПСС, признанный во многом неудачным следующим поколением пушкинистов и получивший развернутую критику¹⁴, нуждается прежде всего в осмыслении *историческом*, то обстоятельное изучение истории подготовки второго, советского академического издания, представляется более чем необходимой с точки зрения *практической* — именно потому, что новое АПСС декларирует прямую связь с предыдущим изданием, следуя ему во многих аспектах, включая структуру издания: «Это многотомное издание <...> имеет своим непосредственным предшественником и ориентиром шестнадцатитомное

⁹ Далее в тексте используются следующие аббревиатуры: ПСС — полное собрание сочинений; ПССП — полное собрание сочинений и писем; АПСС — академическое полное собрание сочинений (в отношении *любого* из академических ПСС).

¹⁰ Измайлов Н. В. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 14–15.

¹¹ Фомичев С. А. О томе 2 (книга 2) полного собрания сочинений А. С. Пушкина. СПб., 2017. С. 3.

¹² Пушкин. Соч. СПб.; Пг.: Изд. Имп. Академии наук, 1899–1916 (т. 1–4, 11); Л.: Изд-во АН СССР, 1928–1929 (т. 9, кн. 1–2).

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Справочный том. Далее в тексте работы ссылки на это издание даются в скобках (римские цифры обозначают том, арабские — страницу).

¹⁴ Подробнее об этом см. ниже, глава 1.

(в двадцати книгах, со Справочным томом) издание Пушкина, выпущенное Академией наук СССР в 1937–1959 гг.»¹⁵.

Необходимость изучения «биографии» второго академического издания в контексте истории пушкинистики (и — шире — отечественного литературоведения) декларировалась еще его участниками. Так, отвечая на претензии в адрес АПСС, высказанные Е. Прохоровым на страницах журнала «Вопросы литературы», С. М. Бонди писал: «Рассказывать всю двадцатипятилетнюю историю осуществления академического издания Пушкина, историю борьбы редакторов издания за высокое научное качество его здесь нет возможности и надобности. Нет сомнения все же, что она когда-нибудь будет написана, так как в ней много поучительного и интересного»¹⁶. Н. В. Измайлов, обращаясь к заведующему редакцией АПСС В. Д. Бонч-Бруевичу в июле 1949 года, просил его «по возможности, сохранить для истории всю переписку по акад<емическому> Пушкину, хотя бы она и касалась рутинных будней подготовителей издания»¹⁷. Сам Бонч-Бруевич не раз сетовал о частично утраченных во время войны по вине Издательства Академии наук СССР материалов редакции, а также личных архивов литературоведов, в которых «навсегда погребенными для науки» оказались свидетельства «тяжелой редакторской работы над текстами Пушкина»¹⁸. Наконец, необходимость целенаправленного изучения и обобщения опыта академического издания ПСС Пушкина в виде отдельной, специальной, работы декларировалась в проблемной записке, подготовленной коллективом пушкинистов по заданию Пушкинской

¹⁵ Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет: 1813–1817 / Ред. тома В. Э. Вацура. СПб., 1994. С. 3; см. также: [Б. п.] От редакции // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 9–10.

¹⁶ Бонди С. Об академическом издании сочинений Пушкина // Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 125.

¹⁷ Письмо Н. В. Измайлова отложено в архиве Редакции АПСС (РО ИРЛИ. Ф. 373; к настоящему времени фонд прошел предварительную научно-техническую обработку).

¹⁸ См. подготовительные материалы к докладной записке В. Д. Бонч-Бруевича президенту АН СССР академику С. И. Вавилову о состоянии АПСС после войны, относящиеся к ноябрю 1946 г. (Там же).

комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР в начале 1960-х годов¹⁹. В 1987 году, вступая в дискуссию о проекте нового академического Пушкина, Ю. М. Лотман констатировал, что «опыт предыдущего издания никогда не был тщательно изучен и проанализирован»²⁰. Такое положение сохраняется до сих пор.

История подготовки советского академического издания ПСС Пушкина на сегодняшний день все еще не написана. Она реконструируется лишь в самых общих чертах по воспоминаниям некоторых участников издания, написанных с разной степенью (само)цензуры²¹. Эти свидетельства фрагментарны, порой в значительной степени субъективны, а приводимые в них факты и оценки зачастую нуждаются в верификации. Отсутствие научной «биографии» неизбежно приводит к искажению восприятия АПСС (в том числе в профессиональной среде), даже несмотря на неоднократно воспроизводившийся объясняющий нарратив о «тяжелой судьбе», «драме»²² академического Пушкина²³.

Вместе с тем академическое Полное собрание сочинений Пушкина и сегодня сохраняет статус одного из ключевых отечественных филологических проектов прошлого столетия — как за счет высокого уровня проведенной текстологической работы, «предмета гордости отечественной филологической науки» и «образца для других академических собраний сочинений русских классиков»²⁴ (практически все современные научные издания учитывают его опыт, отмечая *pro et contra* тех или

¹⁹ Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. 21. Вып. 1. С. 19.

²⁰ Лотман Ю. М. К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов науч. конф. 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 90.

²¹ См. об этом параграф «Круг источников. Проблемы доступности материала и верификации выводов».

²² См., например: Скотов Н. Н. Драма одного издания // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 2. С. 153–163.

²³ Здесь и далее используется принятое в обиходе участников АПСС наименование проекта.

²⁴ Рак В. Д. Новое академическое Полное собрание сочинений А. С. Пушкина // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 26. Об «этапном» значении большого академического издания ПСС Пушкина, «остающегося во многом образцом строго научной текстологической работы», писал Г. М. Фридлендер (Фридлендер Г. М. О научных принципах и задачах академических изданий русских классиков: (На материале Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50. № 5. С. 401–402).

иных эдиционных решений), так и по своему организационному масштабу: только в научной части издания было задействовано около пятидесяти человек²⁵. Более того, задав высокий стандарт научной и эдиционной работы, оно стало точкой отсчета в дискуссиях о принципах издания классиков, определяя их вектор и формируя границы понятия *академическое издание*.

Эти положения определяют **актуальность** настоящего исследования и его **новизну**.

Полное собрание сочинений как научная проблема. Эволюция и границы понятия *академическое издание*

Этот термин <академическое издание> даже после его разъяснений ничего не разъясняет!

<...> Его нужно совершенно отбросить, им пользоваться нельзя!

С. М. Бонди²⁶

Собрание сочинений есть научный конструкт, предлагающий читателю определенную оптику восприятия автора. Принимая решение о степени полноты публикуемого корпуса текстов, выбирая ту или иную композицию издания (распределение материала по томам / разделам и его систематизация внутри них), задавая соотношение авторского текста и научного аппарата, наконец, избирая принципы подачи основного текста и других его редакций и вариантов, редактор заведомо направляет читателя в определенное русло рецепции творческого наследия писателя — не случайно проблема *адресации* становится ключевой в

²⁵ По подсчетам Т. Г. Цявловской, над изданием работали «30 редакторов, 3 члена редкомитета <...>, 6 составителей указателей <...>, 7 переводчиков <...>. Всего 46 человек» (Турчаненко В. В. К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на Сталинскую премию // Codex manuscriptus. М., 2024. Вып. 5. С. 539). Подготовка каждого тома в первом академическом издании 1899–1929 гг. находилась преимущественно в ведении конкретного редактора — Л. Н. Майкова (т. 1), В. Е. Якушкина (т. 2, 3 (совм. с П. О. Морозовым) и 11 (совм. с Н. Н. Фирсовым)), П. О. Морозова (т. 4) и Н. К. Козмина (т. 9); тома не проходили контрольное рецензирование и не обсуждались коллегиально.

²⁶ Из выступления в прениях по докладу Н. К. Пиксанова на Конференции пушкинистов 1933 г. (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 78).

дискуссиях о типах изданий классиков. Более того, фигура читателя сохраняет свое довлеющее значение и в отношении стратегий подготовки изданий *академических*, которые принято воспринимать как источники текстов для массовых изданий.

Говоря об *академическом издании*, следует прежде всего четко определить его место среди всех изданий писателей-классиков и обозначить признаки, отличающие его от других изданий²⁷.

Еще в Декрете о Государственном издательстве, принятом в заседании ЦИК 29 декабря 1917 года, издания классиков были разделены на два типа: 1) полные научные и 2) сокращенные (избранные сочинения). Право на редакционную подготовку полных научных изданий закреплялось за Академией наук — «после демократизации ее в соответствии с новым строем государственной и общественной жизни России»²⁸. Это положение Декрета, вероятнее всего, основывалось в том числе и на успешном опыте подготовки Академией собрания сочинений *академического типа* — прежде всего ПСС Грибоедова, вышедшего в серии «Академическая библиотека русских писателей»²⁹. Получив монополию на издание классиков, Государственное издательство РСФСР после реорганизации

²⁷ До настоящего времени подобный обзор этой проблемы был предпринят лишь однажды. В 1973 г. вышел краткий очерк А. Л. Гришунина, в котором были зафиксированы только основные, «хрестоматийные» направления дискуссий по теме (учтены позиции Б. В. Томашевского, Д. Д. Благого, Е. И. Прохорова и Д. С. Лихачева; вскользь также упомянуты С. А. Рейсер и И. С. Зильберштейн) (см.: *Гришунин А. Л.* Проблема академических изданий русских писателей в советской текстологии // *Текстология славянских литератур*. Л., 1973. С. 70–81). Попытка найти место академического издания в типологии литературно-художественных изданий, предпринятая А. Ю. Самбуровой, привела исследовательницу к обескураживающему выводу: академическое издание признается ею «частной (и высшей) разновидностью» изданий *научного типа* (см.: *Самбунова А. Ю.* Место академического собрания сочинений в типологии литературно-художественных изданий // *Вестник МГУП*. 2011. № 8. С. 52).

²⁸ Декрет о Государственном издательстве // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг.* М., 1942. С. 221. Впервые: Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 2. 4 января.

²⁹ *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: [В 3 т.]: Издание Разряда изящной словесности Императорской Академии наук / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова. СПб., 1911–1917 (сер. «Академическая библиотека русских писателей», вып. 7–9). Другие выпуски этой серии (ПСС А. В. Кольцова, М. Ю. Лермонтова, Е. А. Баратынского) не получили высокой оценки научной общественности.

1921–1923 годов³⁰ начало — в соответствии с положениями Декрета — постепенно насыщать книжный рынок «избранными сочинениями». Классическим примером такого издания стало однотомное собрание сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева (Л.: ГИЗ, 1924), выдержавшее шесть переизданий³¹.

Одновременно с этим Российская Академия наук переживала в первой половине 1920-х годов тяжелый кризис (само)идентификации (до июля 1925 года она сохраняла статус республиканского учреждения наравне с Всеукраинской академией наук). Получив *всесоюзный* статус и оказавшись в ведении СНК СССР, Академия была вынуждена принять новый устав (1927). Однако темпы «коммунизации» академической науки не устраивали руководство Союза. Было решено увеличить число действительных членов Академии почти вдвое — как для того, чтобы принять представителей технических и естественных наук, так и для усиления коммунистической ячейки³². Провал на выборах 12 января 1929 года кандидатов-коммунистов А. М. Деборина, Н. М. Лукина и В. М. Фриче спровоцировал новую волну кризиса, кульминацией которого стало «академическое дело», обескровившее гуманитарный сектор Академии наук. В этих условиях вести редакционную подготовку «полных научных» изданий классиков внутри Академии было просто невозможно.

Широкая общественно-научная дискуссия о типологии изданий классиков отечественной литературы — на материале редакционно-издательской работы 1920-х–1940-х годов — развернулась в 1950-е годы. Ее катализатором выступила передовая статья «За высокую идейность в работе издательств!», опубликованная в 1952 году на страницах «Правды». В ней, в частности, было отмечено «снижение

³⁰ См.: Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. М., 2004. С. 235–237. Далее используются общепринятые сокращения — ГИЗ, Госиздат.

³¹ *Пушкин А. С.* Соч. / Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Л.: ГИЗ, 1924. То же: 2-е изд. 1925; 3-е изд. и 4-е изд. 1928; 5-е изд. 1929; 6-е изд. 1930; 5-е [7-е] изд. 1933.

³² Подробнее об этом см.: Управление наукой: Путеводитель по советскому прошлому / Науч. ред. Д. С. Секиринский; отв. ред. Е. А. Долгова. М., 2024. С. 53–54.

требовательности к качеству подготовки к печати и редактированию произведений классиков художественной литературы»³³. «Неряшливость, безответственность в издании книг нельзя расценить иначе, как неуважение к читателю, пренебрежение его интересами», — заключала передовица, призывая издательских работников к большевистской борьбе за «высокий идейный, научный и художественный уровень публикуемых произведений»³⁴. В интересах читателя и государства издательствам предписывалось обеспечить *тщательную научную подготовку текстов*. «Вслед за этой публикацией в общественно-политических и литературных газетах и журналах, в журналах АН СССР стали выходить критические статьи о собраниях сочинений Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова³⁵ и др. с примерами “недопустимого разнобоя”, ошибочных чтений, контаминации текстов, произвола в выборе вариантов и необоснованного включения их в основной публикуемый текст, произвола редакторов и т. п.», — резюмировал В. Ю. Афиани³⁶. «Советский читатель» устами критиков настойчиво требовал проверенных, *окончательных* текстов русских классиков³⁷.

³³ За высокую идейность в работе издательств! // Правда. 1952. № 141 (12343). 20 мая. С. 1.

³⁴ Там же.

³⁵ Речь об изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: [В 12 т.] / Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М.: Гослитиздат, 1948–1953; *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч.: [В 20 т.] / Под ред. В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского, П. Н. Лепешинского и др. М.: Гослитиздат, 1933–1941; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: [В 20 т.] / Под общ. ред. С. Д. Балухатого, В. П. Потемкина, Н. С. Тихонова. М.: Гослитиздат, 1944–1951.

³⁶ *Афиани В. Ю.* Текстологические дискуссии: к вопросу о механизме научных дискуссий в советский период // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: Материалы Всероссийской научной конференции, г. Москва, Архив РАН – РГГУ, 25 июня 2019 г. / Отв. ред. В. П. Козлов, отв. сост. И. Н. Ильина. М., 2019. С. 50. Ср. замечание К. Чуковского о критике изданий классиков отечественной литературы: «Она все еще не изжила своих старых пороков: импрессионистична, придирчива, оторвана от широких научных идей и почти никогда не считается с общим объемом произведенной работы, а чаще всего судит о ней по случайным и нехарактерным деталям» (*Чуковский К.* От дилетантизма к науке: Заметки текстолога // Новый мир. 1954. № 2. С. 254).

³⁷ Ср.: «Советский читатель не хочет и не может мириться с отсутствием стабильного текста классиков» (*Путинцев В.* О научном издании Герцена // Литературная газета. 1952. № 109 (2982). 9 сентября. С. 3). См. также: *Друзин В., Морозова В.* О принципах издания собрания сочинений Глеба Успенского // Литературная газета. 1952. № 148 (3021). 11 декабря. С. 3.

В программной статье «За образцовое издание классиков» Д. Д. Благой, Г. П. Макогоненко и Б. С. Мейлах призывали возложить ответственность за научную подготовку собраний классиков на АН СССР и Гослитиздат (в связи с ограниченными ресурсами Академии), причем работы в последнем должны были вестись, по мнению авторов, под наблюдением специально созданной текстологической комиссии. Академические издания (их специфика определялась полнотой и наличием научного обоснования текста³⁸ и его датировки) — как прерогативные для Академии наук — должны были стать источником для последующей перепечатки авторитетных, «стабильных» текстов другими издательствами³⁹. Отдельные же издания Гослитиздата должны были стремиться к академическому типу.

С критикой последнего утверждения выступил И. С. Зильберштейн. Проводя жесткую границу между изданиями академическими, включающими «и ранние, и незавершенные произведения, и варианты, и все до единого письма», становясь «на долгие годы <...> основным первоисточником для изданий любого типа», и массовыми, он настаивал на необходимости неизменно ориентироваться на *читателя* (и, следовательно, на *тираж*): «Совершенно очевидно, что собрание сочинений, предназначенное для миллионной аудитории, по составу своему и по композиции должно резко отличаться от издания академического»⁴⁰. В этом отношении стремление Гослитиздата выпускать издания академического типа (автор статьи сосредоточил свое внимание на полных собраниях сочинений и писем Некрасова и Чехова⁴¹) — «не достоинство, а скорее недостаток». Зильберштейн

³⁸ Ср.: «В академических изданиях совершенно необходима мотивировка выбора того или иного текста как основного, а также обязательно должны быть исчерпывающе указаны исправления, внесенные по рукописям» (*Гудзий Н. К., Жданов В. А.* Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 242).

³⁹ См.: *Благой Д., Макогоненко Г., Мейлах Б.* За образцовое издание классиков // Литературная газета. 1952. № 85 (2958). 15 июля. С. 3.

⁴⁰ *Зильберштейн И.* Издание классиков — дело всенародного значения // Литературная газета. 1952. № 98 (2971). 14 августа. С. 3.

⁴¹ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: [В 12 т.]. М.: Гослитиздат, 1948–1953; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: [В 20 т.]. М.: Гослитиздат, 1944–1951.

мыслил прагматически: освободив массовое издание сочинений и писем Некрасова от вариантов, «незрелых» и неоконченных произведений, а также писем на «узко деловые темы», можно было бы вместо 12-томного собрания тиражом в 50 тысяч экземпляров выпустить 6-томное вдвое большим тиражом.

В основу суждений Зильберштейна был положен изначально неверный тезис о популярном, «массовом» характере изданий ПССП Некрасова и Чехова. На это справедливо указал заведующий редакцией русской классической литературы Гослитиздата В. Григоренко: «И. Зильберштейн знает только двух читателей: читателя, имеющего “специальные интересы”, и читателя массового. Для первого следует издавать академические собрания сочинений, включающие “все дошедшие до нас произведения писателя”, а для второго — собрания сочинений должны “состоять из произведений классических, образцовых”»⁴². Григоренко подчеркивал, что подготовленные Гослитиздатом полные собрания сочинений и писем представляют собой особый тип научно-популярного издания, «первый шаг» на пути к будущим академическим изданиям, а их адресат — читатель, «проявляющий глубокий интерес к жизни и творчеству» писателя⁴³.

Подобный тип издания был обоснован еще Б. В. Томашевским, который, однако, предлагал иную схему его подготовки.

В докладной записке 1950 года, поданной в связи с разработкой программы издания русских классиков в Академии наук СССР (за два года до активной дискуссии, развернувшейся на страницах «Литературной газеты»), Б. В. Томашевский поставил вопрос о *типах академических изданий* (определение «академическое» в записке крупнейшего текстолога и участника нескольких

⁴² Григоренко В. Еще раз об издании классиков // Литературная газета. 1952. № 140 (3013). 20 ноября. С. 3.

⁴³ Там же. Ср. фрагмент письма преподавателя литературы из Киева Г. Григорьева: «И. Зильберштейн делит читателей на две половины. <...> Но он не принимает во внимание того, что массовый читатель — вовсе не однородная группа. У нас имеются десятки тысяч читателей неспециалистов, весьма живо интересующихся академическими изданиями сочинений классиков» (За образцовое издание классиков: [Обзор писем в редакцию] // Литературная газета. 1952. № 131 (3004). 28 октября. С. 3).

изданий Пушкина указывало на институциональную принадлежность издания⁴⁴). По мнению исследователя, ключевой задачей Академии наук в отношении писателей-классиков является «выработка, на основании первоисточников, проверенного, подлинного текста, свободного от всяких искажений»⁴⁵. Эта задача определяет типологию академических изданий, первым из которых является *текстологическое* (отличается «совершенной полнотой текста» — как по составу произведений, так и по полноте вариантов). Такие издания подразделяются, в свою очередь, на два типа: с минимальными примечаниями (для тех писателей, которые «достаточно представлены в массовых изданиях») и с более развернутым комментарием (для редко издаваемых классиков)⁴⁶. Вслед за текстологическим изданием, по мнению Томашевского, следует выпускать *научно проверенное издание для широкого читателя* — ПСС с избранными вариантами и краткими примечаниями⁴⁷. Наконец, по убеждению Б. В. Томашевского, крайне необходимы академические издания отдельных значительных произведений: «Если мы имеем подобные издания “Писем” Плиния⁴⁸ и т. п., то мы вправе желать подобных же изданий, например, для “Путешествия” Радищева, для комедий Фонвизина, для поэм Пушкина»⁴⁹, — замечал исследователь.

⁴⁴ В том же значении термин *академическое издание* (т. е. издание, подготовленное в Академии наук / выходящее под грифом Академии наук) — без специального указания или определения, как само собой разумеющееся, — использовался Б. В. Томашевским и Г. О. Винокуром в программных работах 1920-х годов (см.: Винокур Г. Критика поэтического текста. М., 1927; Томашевский Б. Писатель и книга: Очерк текстологии. [М.; Л.], 1928).

⁴⁵ Томашевский Б. В. Сочинения русских классиков в изданиях Академии наук СССР // Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 244.

⁴⁶ Там же. С. 245.

⁴⁷ Такое издание сочинений Пушкина в 10 томах (М.; Л., 1949; то же: Л., 1950–1951) было подготовлено Томашевским на базе ПСС в 16 томах ([М.; Л.], 1937–1949); в научном обиходе они получили названия «малое академическое» и «большое академическое» издания соответственно. «Малое» академическое издание позднее выдержало еще три переиздания.

⁴⁸ Речь об изд.: Письма Плиния Младшего / Пер. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватура и В. С. Соколова; примеч. М. Е. Сергеенко и В. С. Соколова. М.; Л., 1950 (Сер. «Литературные памятники»).

⁴⁹ Томашевский Б. В. Сочинения русских классиков в изданиях Академии наук СССР. С. 246. Четверть века спустя к изданиям произведений отечественной литературы в серии «Литературные памятники» были справедливо предъявлены «академические» требования: безупречной точности текста и наличия текстологического «паспорта» — в т. ч. «исчерпывающих

В предложенной издательской программе Томашевский проводил идею подготовки Академией наук доступного научно-массового издания, которое бы сочетало в себе высокий научный уровень подготовки текста с обращением к широкой читательской аудитории. «Академическое издание адресуется к исследователю. Оно в некоторой степени упускает из виду момент простого чтения, у него задача изучения, — объяснял он в лекции 1952 года для аспирантов и сотрудников Пушкинского Дома. — Академическое издание — это подготовка популярного издания»⁵⁰.

Выступая на совещании по вопросам текстологии (10–13 мая 1954 года)⁵¹, Д. Д. Благой разделил издания классиков в зависимости от их «обращенности к различному кругу читателей» (основное деление — *научные vs. популярные* издания, внутри которого «может быть намечен еще ряд разновидностей»): «*Так называемые академические издания, издания полных собраний сочинений, многотомные издания избранных сочинений, однотомники, издания, составленные по жанровым признакам, издания отдельных произведений <...>, издания особого назначения, например, специально для школ и т. п. и, наконец, массовые издания с небывалыми доселе — порядка от 200 до 500 тысяч — тиражами*»⁵². Исследователь

указаний» на исправления, внесенные в текст по рукописным источникам (см.: Розанова С. Профиль издания обязывает: (Русская литература в «Литературных памятниках») // Вопросы литературы. 1974. № 10. С. 224, 227).

⁵⁰ Томашевский Б. В. Писатель и книга. 2-е изд. С. 218.

⁵¹ Совещание, организованное совместно ИМЛИ и ИРЛИ, проходило в Москве; после программных докладов Д. Д. Благого и В. С. Нечаевой развернулись трехдневные прения. См.: Совещание по вопросам текстологии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1954. Т. 13. Вып. 4. С. 392–396. В рамках подготовки к этому совещанию ряд «красных» критиков и литературоведов опубликовали статьи, вскрывающие «порочные практики» работы редакторов. Обратим внимание на одну из таких публикаций, в которой К. Н. Григорьян разбирает текстологические «ошибки» Б. М. Эйхенбаума, допущенные им при подготовке «Современной идиллии» для ПСС Салтыкова-Щедрина; а Н. М. Онуфриев обличает «попытки» Б. В. Томашевского и Г. О. Винокура «утвердить в текстологии чисто субъективистское направление» (см.: Онуфриев Н. М., Гайденков Н. М., Григорьян К. Н. Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков // Советская книга. 1953. № 3. С. 97–98; 106–107).

⁵² Благой Д. Д. Типы советских изданий русских писателей-классиков // Вопросы текстологии: Сб. ст. / Отв. ред. В. С. Нечаева. М., 1957. С. 10, 9; курсив мой. — В. Т.

положительно оценивал подобное разнообразие, отмечая вместе с тем «недостаточно четкое установление <...> назначения» того или иного издания⁵³.

Обозрев ландшафт современного издательского поля, Благой — дав краткие характеристики изданиям Пушкина, Гоголя, Г. Успенского, Белинского, Л. Толстого⁵⁴, которые было принято считать академическими (в докладе Благого — «так называемые академические»), — заключил: только ПСС Пушкина «наиболее приближается» к подлинно академическому.

По мнению Благого, максимально строго подошедшего к определению *академического издания*, которое должно включать все литературное наследство писателя, воспроизводить все варианты текста (рукописные и печатные) и не содержать материалов критического и историко-литературного характера⁵⁵, советская текстология могла бы обеспечить подготовку такого продукта для любого из классиков «в расчете “на века”», для чего требовалось ограничить его справочный аппарат лишь источниковедческими, библиографическими и текстологическими справками⁵⁶, т. е. отказаться от историко-литературного и реального комментария. В качестве иллюстрации неудачного опыта Благой привел «пробный» том АПСС Пушкина, выпущенный в 1935 году, который «на 257 страниц основного пушкинского текста содержал 323 страницы статей-комментариев». Это, по мнению исследователя, превращает собрание сочинений в «собрание исследовательских статей о Пушкине»⁵⁷. Отмечу, что подобная точка

⁵³ Там же. С. 9.

⁵⁴ Речь об изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952; *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1941–1954; *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959 (на момент доклада Д. Д. Благого вышли из печати три тома, еще два тома были сданы в печать); *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.]. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1964.

⁵⁵ Ср.: «Этот материал при стремительном развитии науки о литературе устаревает скорее всего» (Там же. С. 14).

⁵⁶ Там же. С. 13, 14.

⁵⁷ Там же. С. 15.

зрения резко отличалась от позиции, изложенной в программной монографии «Пушкин: Итоги и проблемы изучения»⁵⁸.

Полемически по отношению к позиции Благого на текстологическом совещании 1954 года выступил Ю. Г. Оксман. Поддерживая декларируемые Благим высокие требования к академическим изданиям классиков, Оксман подчеркивал недопустимость негативно-нигилистической оценки предыдущего опыта, который является фактом истории литературоведения: «Мы — советские текстологи — пришли к работе по изданию классиков в результате опыта прошлых изданий. Некоторой ошибкой Дмитрия Дмитриевича <...> является невольное зачеркивание того, что было сделано на этом участке нашими текстологами — дореволюционными и советскими». «У нас есть не так называемые академические издания, а академические издания, которые были в свое время, в свой определенный период, жили полноценной жизнью, на которых мы учились, на недостатках и достижениях которых строится сегодняшняя наука», — констатировал Оксман⁵⁹. В качестве основного отличия академического издания от других научных изданий он выделял *метод* построения АПСС: «Подлинно академическим изданием является издание, основанное на *критическом изучении всех первоисточников*, связанных с творчеством того или иного писателя (первоисточников печатных и рукописных)»⁶⁰. По мнению Оксмана, вполне академическими являются ПСС Пушкина и Г. Успенского, а также издания «Библиотеки поэта», отредактированные Б. В. Томашевским⁶¹.

⁵⁸ Измайлов Н. В. Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 607–608.

⁵⁹ Текст выступления Ю. Г. Оксмана 12 мая 1954 года опубликован М. А. Фроловым (см.: Фролов М. А. «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 400).

⁶⁰ Там же. С. 401; курсив мой. — В. Т.

⁶¹ Там же. Под редакцией Томашевского в малой и большой сериях «Библиотеки поэта» вышли «Ирои-комическая поэма» (Л., 1933), «Полное собрание стихотворений» А. А. Дельвига (Л., 1934; М.; Л., 1936), «Стихотворения» К. Н. Батюшкова (М., 1936; М., 1948), трехтомное издание «Стихотворений» А. С. Пушкина (Л., 1955).

Существенно менее строгим (по сравнению с Ю. Г. Оксманом и тем более Д. Д. Благим) в отношении академических изданий был Б. М. Эйхенбаум. В 1953 году в проспекте несостоявшейся книги «Основы текстологии» исследователь перечисляет *издания академического типа* — «с вариантами, текстологическими комментариями и проч.»: это ПСС Пушкина, Лермонтова, Крылова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Чехова, Добролюбова, Чернышевского, Гоголя, Г. Успенского, Л. Толстого, Белинского и Герцена⁶². К числу спорных вопросов Эйхенбаум относит установку на воспроизведение в издании «даже самого академического типа» *всех* вариантов текста (что резко контрастирует с позицией, которую занимали Б. В. Томашевский и Д. Д. Благой). Так, исследователь обращает внимание на перегруженный другими редакциями и вариантами шестой том АПСС Пушкина («Евгений Онегин» под редакцией Томашевского). «В научных изданиях надо публиковать все черновые редакции произведения, — замечает Эйхенбаум, — что же касается вариантов, то надо давать их в отобранном виде и сопровождать этот отбор редакторской сводкой»⁶³.

В стороне от общего направления дискуссии находятся размышления Н. К. Гудзия о целесообразности включения в собрания *сочинений* писателей их *писем* и других интимных биографических документов (например, частных, не литературных *дневников*). Он предложил следующее разделение эпистолярия в зависимости от его прагматики и адресации: рассчитанный автором на обнародование (сюда входят письма как литературный жанр и письма, содержащие «высказывания по вопросам идеологического, публицистического, общественно-политического характера») и не рассчитанный на публикацию. Гудзий пришел к заключению, что «раздельное издание сочинений писателя <...> и его частных писем должно стать нормой»⁶⁴; с его точки зрения, это никак не повлияет на принцип *полноты* академического издания. По мнению исследователя, задача

⁶² Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии // Редактор и книга: Сб. ст. М., 1962. Вып. 3. С. 44.

⁶³ Там же. С. 77.

⁶⁴ Гудзий Н. По поводу Полных собраний сочинений писателей // Вопросы литературы. 1959. № 6. С. 199.

подготовки АПСС заключается в представлении *творчества* писателя и материалов для его «познания», для чего «из фактов его жизни должны быть разумно отобраны лишь такие, которые могут послужить разрешению этой задачи», поэтому он был убежден, что «для литературоведческого использования биографические разыскания должны иметь свои границы»⁶⁵. С такой же позицией он выступил в 1933 году на конференции пушкинистов⁶⁶.

Е. И. Прохоров, выстраивая типологию изданий русских писателей-классиков в «Основах текстологии», в качестве дифференцирующего признака избрал характер работы над текстом при его подготовке к публикации⁶⁷: это либо буквальное воспроизведение источника (документальные издания), либо подготовка текста специалистом-текстологом (критические, или научные), либо «обыкновенная перепечатка» (массовые)⁶⁸. Академическое издание определялось Прохоровым как «высшая форма критического издания»⁶⁹. Исследователь выделил три основных признака такого издания: 1) наличие «исчерпывающих текстов» (имеется в виду полнота корпуса), 2) установление «подлинно авторского текста

⁶⁵ Там же. С. 206.

⁶⁶ Подробнее см. ниже, с. 93. Любопытно, что с точкой зрения Гудзия продолжают полемизировать и сегодня, несмотря на ее очевидную методологическую архаичность. Обозначая — абсолютно справедливо — очевидную необходимость включения в академическое собрание сочинений Вяч. Иванова записей его «галлюцинаций» (документов в ряде случаев «достаточно интимных») для «познания творчества писателя», Г. В. Обатнин, тем не менее, делает соответствующую оговорку-реверанс в сторону Гудзия (см.: *Обатнин Г. В.* Об одной проблеме подготовки академического собрания Вяч. Иванова // *Русский модернизм: Проблемы текстологии*: Сб. ст. СПб., 2001. С. 203).

⁶⁷ *Прохоров Е. И.* Типы изданий // *Основы текстологии* / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 136. Предложенная типология изданий позднее взята за основу Л. А. Спиридоновой в кн.: *Спиридонова Л. А.* Текстология: теория и практика / Отв. ред. А. Г. Плотникова. М., 2019. С. 25–32.

⁶⁸ Подобная установка на «обыкновенную перепечатку» текста из академического издания вызывала жесткое сопротивление Б. В. Томашевского, который подчеркивал необходимость научно обоснованного выбора текста для массового издания. Исследователь обосновывал свою позицию различием задач академического и массового изданий: для первого существенное значение имеет «точное документирование текстовой *эволюции* произведения», для второго же важен текст как *результат* (см.: *Томашевский Б. В.* Об издании классиков // *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. 2-е изд. С. 228–229; курсив мой. — *В. Т.*).

⁶⁹ Основы текстологии. С. 141.

<...> с тем, чтобы в дальнейшем перепечатывать его в изданиях не академического типа» и 3) подготовка «разностороннего и глубокого научного аппарата»⁷⁰.

Упрощенной по сравнению с описанной выше предстает типология изданий, предложенная А. Л. Гришуниным (формально схожая с описанной позицией Д. Д. Благого). В ней принципиальное, дифференцирующее значение имеет предварительно проведенная научная работа (научные, или критические издания) или же ее отсутствие (массовые издания). К обозначенным выше признакам академического издания писателя-классика (полнота состава, точность текстов, научно-справочный аппарат) исследователь добавлял выделенный особо *научный комментарий*⁷¹.

Существенно отличается от типологий Прохорова и Гришунина классификация типов изданий художественной литературы, предложенная С. А. Рейсером: «А. Издания документальные (факсимильные, фоторепродукционные, дипломатические и пр.). Б. Академические издания. В. Издания популярные и научно-массовые. Г. Жанровые и тематические сборники. Д. Антологии. Е. Переводы»⁷². Хотя исследователь и отмечал ее «удобство для текстологического анализа», приходится указать на очевидные недостатки этой типологии, первым из которых является отсутствие дифференцирующего признака. Классификация Рейсера не имеет ни научно обоснованной структуры (так, например, на одном уровне с академическими изданиями отдельных классиков оказываются *сборники* или *антологии*, которые, во-первых, объединяют в себе произведения нескольких авторов и, во-вторых, логически попадают в другой раздел, являясь подвидом популярных и научно-массовых изданий), ни четких дефиниций. Академическое издание определялось Рейсером метафорически, через «право <...> полного опубликования абсолютно всего когда-либо написанного автором», «которое заслужил далеко не всякий писатель»⁷³. Исследователь уточнял,

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 314–315.

⁷² Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978. С. 122–123.

⁷³ Там же. С. 125.

что речь здесь идет исключительно о творческом наследии, и в качестве примера указывал на сборник «Рукою Пушкина» (М.; Л., 1935), значительная часть материалов которого «справедливо» оказалась за бортом академического ПСС Пушкина. Здесь точка зрения Рейсера вступает в противоречие с позицией редакторов издания, которые приложили все усилия, чтобы сохранить том литературных и автобиографических материалов (т. 12) в составе АПСС. Только под давлением Издательства АН СССР они были вынуждены пересмотреть состав и композицию одиннадцатого и двенадцатого томов, скрыв от читателя изъятие текстов путем распределения критической прозы Пушкина между двумя томами вместо намеченных двух книг одного, одиннадцатого, тома⁷⁴.

Сомневался Рейсер и в необходимости публикации всех вариантов текста в академическом издании. Солидаризируясь с мнением Эйхенбаума, он, впрочем, пошел дальше, отметив нецелесообразность траты «огромного количества бумаги и денег»⁷⁵ на воспроизведение результатов текстологической работы. В контексте этого более чем спорного утверждения вызывает удивление предложение «почаще переиздавать» академическое издание — пусть и небольшими тиражами⁷⁶.

С критикой термина «академическое издание» выступил Д. С. Лихачев. Акцентируя внимание на его этимологии (тип издания, выработанный в Академии наук), автор «Текстологии» указал на расширение репертуара изданий, выпускаемых издательством АН СССР, значительная часть которых не является академическими в строгом значении слова. Ученый справедливо подчеркнул значение «научно-образцового», которое закрепилось за термином *академическое издание*, обратив внимание между тем на принципиальное несоответствие изданий ПСС Пушкина и Гоголя этому высокому статусу⁷⁷. Это утверждение — без

⁷⁴ Подробнее см. об этом ниже, глава 2.

⁷⁵ Рейсер С. А. Основы текстологии. С. 39.

⁷⁶ Там же. С. 126.

⁷⁷ Ср.: «Два издания, в которых принято по преимуществу видеть тип академического издания, — шестнадцатитомное издание сочинений Пушкина и четырнадцатитомное издание сочинений Гоголя — обладают существенными недостатками (в первом, например, отсутствует научный аппарат). Поэтому и они не могут быть признаны «научно-образцовыми» (Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1964. С. 72).

необходимых в данном случае пояснений — приходится признать как минимум категоричным. Так, несмотря на очевидные недостатки полного собрания сочинений Пушкина (допущенные исключительно по вине партийных функционеров и издательских чиновников, от которых зависело издание), подготовленного Академией наук в 1930-е–1940-е годы, несколько поколений филологов признавали и признают за ним ведущую роль в истории отечественного литературоведения, а отсутствие в нем развернутых комментариев не может служить основанием для понижения его статуса.

Дискуссии об академических изданиях в XXI веке

В ходе текстологических дискуссий второй половины XX века термин *академическое издание* — применительно к художественной литературе — получил всестороннюю критическую оценку. Описанные выше расхождения во взглядах на издания этого типа (порой весьма принципиальные) со временем отошли на второй план, а сам термин получил дефиниции, закрепленные в авторитетной справочной литературе:

Академическое издание — 1) особенно тщательно подготовленное издание, содержащее научно выверенный текст и его различные варианты, снабженное обстоятельными комментариями и др. справочными материалами. К числу А. и. принадлежат наиболее полные собрания сочинений классиков мировой литературы, науки, общественной мысли (например, собрание сочинений А. С. Пушкина в 16 тт., в 20 книгах, М. В. Ломоносова в 8 тт., И. П. Павлова в 6 тт. и др.)⁷⁸

В приведенном определении, однако, отсутствует один из ключевых критериев академического издания — полнота корпуса произведений. Впрочем, он учтен в другой энциклопедической статье — «Собрание сочинений»: «К этому типу <научное издание> относятся т. н. академические С. с., которые включают *все*

⁷⁸ Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М., 1969–1986. Т. 1. С. 312. Ср.: «2) Иногда А. и. называют издания существовавшего в 1922–38 изд-ва “Academia” или вообще издания, публикуемые академиями»; курсив мой. — В. Т. В этом значении термин использовал, в частности, Б. В. Томашевский.

произведения автора, варианты, редакции, черновики, а также дневники, письма, записки и др.; они обычно выходят небольшим тиражом»⁷⁹.

Абсолютно созвучная «Основам текстологии» под редакцией В. С. Нечаевой дефиниция академического издания дана в дополнительном томе «Краткой литературной энциклопедии»: «Высший тип критич<еского> издания — академическое — предполагает, помимо точно установленных текстов, исчерпывающую полноту состава, композицию, позволяющую восстановить историю творчества, сопроводит<ельный> аппарат, отражающий уровень и состояние науч<ного> изучения автора»⁸⁰. Наконец, аналогичное определение закреплено в «Литературной энциклопедии терминов и понятий»:

Академическое издание — высшая форма изданий, при подготовке которых проводится научная критика текста. А. и. исчерпывающе охватывает все творческое наследие писателя, содержит подлинный авторский текст его произведений, черновики и варианты, а также научный сопроводительный аппарат, отражающий состояние изучения текстов писателя и характеризующий работу текстологов, готовивших это издание.⁸¹

Вместе с тем приходится констатировать, что примеров завершенных академических изданий, которые бы в полной мере соответствовали выработанным требованиям, фактически нет. В советское время от сторонних вмешательств (прежде всего это проявления идеологической цензуры) пострадали ПСС Лермонтова, Гоголя, Чехова; неполными оказались издания Тургенева и Достоевского⁸². Это утверждение, однако, не отменяет самого термина — в том числе применительно к изданиям незавершенным, работа над которыми была

⁷⁹ Тяпкин Б. Г. Собрание сочинений // Там же. Т. 24. Кн. 1. С. 10; курсив мой. — В. Т.

⁸⁰ Опульская Л. Д. Издание литературных произведений // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. Стб. 327. Ср. ее же метафорическое определение: «Академическое издание — всегда охранный грамота наследию классика» (Громова-Опульская Л. Д. Принципы современной текстологии и академическое издание Есенина // Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды / Отв. ред. М. И. Щербакова. М., 2005. С. 465).

⁸¹ Прохоров Е. И. Академическое издание // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001. Стб. 20.

⁸² См.: Лавров А. В. Об издании собраний сочинений русских классиков: (Несколько тезисов) // Лавров А. В. Тексты и комментарии: Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб., 2018. С. 8–10.

начата в перестроечное и постперестроечное время и продолжается сегодня в соответствии с установленными высокими академическими стандартами.

В XXI веке содержание понятия «академическое издание» принципиально не пересматривалось. Несмотря на существенные изменения в современной филологии и издательском деле, а также отсутствие широкого общественного интереса к научной подготовке произведений художественной литературы, академические институты — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН — продолжают работу над подготовкой академических изданий, причем для Института мировой литературы деятельность по «подготовке академических изданий сочинений классиков отечественной литературы» является уставной⁸³.

Однако в связи с наличием как минимум двух противоположных взглядов на академические издания — *традиционного* в отношении полноты корпуса основных текстов и вариантов (восходящего к тезисам Д. Д. Благого) и так называемого «*компромиссного*» (Б. М. Эйхенбаум, С. А. Рейсер, Ю. Г. Оксман) — дискуссии в профессиональном сообществе продолжаются и сегодня. Укажем на некоторые реперные точки, так или иначе связанные с попытками актуализации рассматриваемого понятия.

Полифония взглядов на академические издания классиков во всей полноте обнаружила себя в материалах, изданных по итогам русско-французского круглого стола, посвященного проблемам текстологии и эдиционной практики (март 2002 года)⁸⁴.

⁸³ Пункт 21.1 Устава ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (утвержден приказом № 447 Минобрнауки России от 25 июля 2018 г.). Ср. пп. 21.1 и 21.8 Устава ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук: «подготовка и издание собраний сочинений» (утвержден приказом № 373 Минобрнауки России от 25 июля 2018 г.).

⁸⁴ Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003. 344 с.

Справедливо указывая на отсутствие в западноевропейской практике установки на публикацию *всех* редакций и вариантов того или иного художественного произведения, Е. Е. Дмитриева отметила существенное превосходство «академической» подготовки текста над его комментированием в отечественной традиции: «Основным следствием описанной ситуации явилось то, что статус текстолога оказался несравненно выше статуса комментатора»⁸⁵. Это доминирующее положение, по мнению Дмитриевой, укрепило концепт «канонического» или «основного» *текста* (наиболее авторитетного, отражающего «последнюю авторскую волю»)⁸⁶, который впоследствии распространяется в массовых изданиях. Заслуживает внимания точка зрения Е. Е. Дмитриевой о формировании установки на канонический текст классиков под прямым влиянием советского политического диктата⁸⁷, которая, однако, в достаточной степени не доказана. Направление дискуссии 1952 года об издании классиков, спровоцированной передовой статьей в газете «Правда», задавали сами участники (около)литературоведческого поля. Ни в коей мере не исключая внешнего воздействия (примеры которого будут подробно описаны далее), следует, однако, оставлять право последнего голоса за непосредственными участниками изданий.

⁸⁵ Дмитриева Е. Е. Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // Там же. С. 35.

⁸⁶ Программными в отношении закрепления понятия «канонический текст» стали положения В. С. Нечаевой, высказанные в докладе «Установление канонического текста литературных произведений» (Совещание по вопросам текстологии. С. 393) и в статье «Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков» (Вопросы текстологии: Сб. ст. М., 1957. С. 29–88). В 1954 г. В. С. Нечаева возглавила созданный в ИМЛИ Сектор текстологии. Непримирым ее оппонентом был Б. В. Томашевский, который отрицал понятие «последней авторской воли» и возможность окончательной фиксации канонического текста (на совещании 1954 г. его точку зрения поддержали Т. Г. Цявловская и П. Н. Берков). В свою очередь В. С. Нечаева настаивала на пагубном влиянии работ Б. В. Томашевского и Г. О. Винокура 1920-х гг., в которых «находят себе “теоретическую основу” отдельные факты субъективизма, снизившие ценность некоторых изданий писателей-классиков» (Там же. С. 39).

⁸⁷ «Логика здесь была приблизительно такова: классика нельзя выпускать на люди (т. е. к читателям) непричесанным. У классика не должно быть лакун, противоречий, во всяком случае немотивированных, а потому задача текстолога — показать товар лицом, создать тот идеальный текст, который затем будет тиражироваться в школьных учебниках, массовых изданиях и т. д.» (Дмитриева Е. Е. Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? С. 36).

В качестве примера «доведенного до крайности» стремления получить канонический, окончательный текст Е. Е. Дмитриева приводит советское академическое издание ПСС Пушкина⁸⁸. Вне всяких сомнений, это утверждение приходится признать неверным — как минимум потому, что сами редакторы АПСС выступали с критикой этого термина⁸⁹. В стремлении же дать текстологические реконструкции никак нельзя видеть следствие внешнего, номенклатурного воздействия.

Уже упомянутый тезис Б. В. Томашевского — *академическое* издание предшествует изданию *популярному* — был пересмотрен А. М. Грачевой в процессе работы над изданиями писателей-эмигрантов и классиков XX века. Проблемы, связанные с изучением истории текста (рассредоточенность и недоступность архивов) и отсутствием полных библиографий (как собственно писательских, так и исследовательской литературы), вынуждают современных исследователей идти в другом направлении — от издания популярного к академическому⁹⁰.

Необходимость пересмотра традиционных установок академического издания (прежде всего в части работы над комментарием), «сложившихся в недрах

⁸⁸ См.: «Между тем многие места, “критически” восстановленные его издателями, при новом пересмотре рукописей не читаются» (Там же. С. 40). В качестве доказательства этих положений Е. Е. Дмитриева ссылается на неназванный доклад В. Д. Рака (речь идет о докладе «Как текстологи создали пушкинский шедевр», посвященном черновому наброску «Царь увидел пред собою...», на конференции «Актуальные проблемы текстологии русской литературы» (июнь 2001 г.); краткое изложение выступления см. в хронике, подготовленной А. Г. Гродецкой (Русская литература. 2001. № 4. С. 224)).

⁸⁹ Помимо обозначенной выше позиции Томашевского см., например, следующие высказывания: «Нет оснований для того, чтобы говорить о раз навсегда данном, неизменном, каноническом тексте. <...> Нет положения в науке, которое не может быть изменено, подправлено, а иногда и опрокинуто!» (С. М. Бонди); «Я тоже <...> решительно отрицаю саму возможность канонического, т. е. навсегда незыблемого текста. <...> у нас есть “критический” текст, а не “канонический” текст. Это не канон, а научно выработанный текст на определенных методах, которые могут быть подвергнуты критике» (Н. В. Измайлов) — цит. по: Рак В. Д. Как текстологи создавали и разрушали пушкинский шедевр: (О тексте чернового наброска «Царь увидел пред собою...») // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. ст. СПб., 2003. С. 345.

⁹⁰ Грачева А. М. Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции: (Собрание сочинений А. М. Ремизова) // Проблемы текстологии и эдиционной практики. С. 66, 68.

позитивистской науки», отработанных на материале классиков XIX века⁹¹ и противоречащих принципам существования модернистского текста была обозначена редакторами академического ПССП А. А. Блока. «В случае с символистским текстом напряжение возникает между “запретом на интерпретацию”, налагаемым на комментатора принципами академического “объективизма”, и невозможностью избежать таковой, поскольку символистский текст предполагает герменевтическую перспективу *par excellence*», — отмечает Н. Ю. Грякалова⁹². Работа текстологов-блоковедов также поставила под сомнение принцип выбора основного, канонического, текста в соответствии с «последней авторской волей», под которую впоследствии «подверстываются» его редакции и варианты: так, например, О. А. Кузнецова обосновала необходимость учета *авторского сборника* как единицы текстологического исследования⁹³.

В апреле 2005 года на выездном заседании Секции языка и литературы Отделения историко-филологических наук РАН с докладом «Академические издания: музей или полигон?» выступил А. Ю. Балакин. Он указал на очевидное разрушение самого типа классических академических изданий, установившегося во второй половине прошлого столетия, и предложил сместить фокус исследовательской работы литературоведческих институтов на подготовку компактных научных изданий. По мнению докладчика, решением затяжного кризиса с выпуском крайне трудоемких многотомных ПСС могли бы стать «подготовленные со всей тщательностью издания» отдельных произведений или полные собрания произведений определенного жанра (например, стихотворений

⁹¹ Так, по мнению Н. В. Лощинской, именно «трудностями психологической перестройки» московских текстологов, применявших принципы издания произведений XIX века к модернистскому тексту, можно объяснить ряд неудачных решений (изъятие пунктуационных вариантов, отсутствие подачи вариативности в авторских написаниях (*дышет* / *дышит*) и др.), отраженных в томах 1–4 АПССП Блока (см.: Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» // *Russian Studies*. 2000. Т. 3. № 3. С. 452).

⁹² Грякалова Н. Ю. Символистский текст: модусы интерпретации: (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // Проблемы текстологии и эдиционной практики. С. 112.

⁹³ См.: Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века». С. 450.

или драматических произведений) того или иного автора⁹⁴. Тогда же А. Ю. Балакин — вероятно, впервые в отечественной текстологической практике, — поднял вопрос о назревшей необходимости подготовки электронных изданий собраний сочинений, дублирующих и при необходимости дополняющих печатные.

Феномену *вторых* академических изданий собраний сочинений был посвящен специальный круглый стол, который состоялся в апреле 2010 года в Пушкинском Доме⁹⁵. Вопрос типологии академических изданий (полное / малое / второе, исправленное и дополненное) был поднят в программном выступлении А. М. Грачевой. Акцент на принципиальном различии понятий «новое академическое издание» и «второе, исправленное и дополненное академическое издание» был сделан В. Д. Раком в свете развернувшейся полемики вокруг второго академического издания ПСС Ф. М. Достоевского⁹⁶. Изначальные установки работы над ним не предполагали ни «*обязательной фронтальной сверки всех текстов Достоевского с их печатными и рукописными источниками*», ни «*коренной переработки комментария ПСС₁ с полной заменой уже существующего текста*»⁹⁷, так как опорным, базовым — и в отношении текстологии, и в отношении комментария — признавалось 30-томное академическое Полное собрание сочинений Достоевского, выпущенное в 1972–1990 годах. Работа по внесению исправлений и дополнений предполагала ликвидацию неточностей и лакун предыдущего издания, а также его «*очищение*» от реликтов советской идеологии»⁹⁸.

⁹⁴ См. хронику этого заседания: *Лукина В. А.* Современные проблемы текстологии русской литературы // *Русская литература*. 2005. № 4. С. 225–226; см. также: В текстологической комиссии ОИФН / Хронику подгот. Н. В. Корниенко и В. Б. Черкасский // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения*. М., 2009. С. 740.

⁹⁵ См. хронику: *Трофимова Т. Б.* Круглый стол «Вторые академические собрания сочинений русских писателей» // *Русская литература*. 2011. № 1. С. 265–268.

⁹⁶ Программа (концептуальный взгляд, принципы подготовки) второго АПСС Достоевского в 35 томах представлена в статье В. Е. Багно и В. Д. Рака «О втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» (см.: *Русская литература*. 2009. № 3. С. 60–68).

⁹⁷ Там же. С. 61–62, 63.

⁹⁸ Там же. С. 63.

В. Д. Рак на примере трех академических изданий ПСС Пушкина показывал, что каждое из них было *новым* по отношению к предыдущему, так как готовилось (и готовится — в случае с третьим по счету АПСС) на своих, специально выработанных текстологических и комментаторских принципах⁹⁹. Зная не только печальную судьбу изданий сочинений Пушкина, предпринятых Императорской и советской академиями, но и представляя необходимый объем человеческих и материальных ресурсов для работы над *новым* академическим изданием, В. Е. Багно и В. Д. Рак отстаивали — в случае с АПСС Достоевского — формат исправленного и дополненного переиздания. Это решение подверглось критике со стороны В. Е. Ветловской и Б. Н. Тихомирова¹⁰⁰, развернутый ответ которым дала Н. Ф. Буданова¹⁰¹. К настоящему времени в составе второго, исправленного и дополненного, академического ПСС Достоевского вышло из печати 9 томов серии «Художественные произведения»¹⁰².

В 2011 году на заседании Президиума РАН с докладом «Проблемы академических изданий классиков русской литературы» выступил А. В. Лавров. Отметив расширение границ понятия *русская классическая литература* за счет

⁹⁹ См.: Трофимова Т. Б. Круглый стол «Вторые академические собрания сочинений русских писателей». С. 266.

¹⁰⁰ См.: Ветловская В. Е., Тихомиров Б. Н. Об академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2009. № 3. С. 69–73. Позиция авторов этой заметки отражает основные вехи обширной полемики, которая затронула аспекты орфографического и пунктуационного режима издания текстов Достоевского (см., например: Касаткина Т. А. Пунктуация как художественный прием: К проблеме текстологии произведений Ф. М. Достоевского в XX веке // Достоевский: дополнения к комментарию. М., 2005. С. 7–26; Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск, 2009. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». С. 3–26), а также проблему академического комментария и его границ (см., например: Касаткина Т. А. От редактора // Достоевский: дополнения к комментарию. М., 2005. С. 3–6; Тихомиров Б. Н. Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура. СПб., 2008. № 24. С. 117–126).

¹⁰¹ См.: Буданова Н. Ф. К спорам о втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2010. № 2. С. 32–40.

¹⁰² См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 томах. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2013–2020. Т. 1–9. О специфике этого издания см. статью: Багно В. Е., Тарасова Н. А. Второе академическое собрание сочинений Ф. М. Достоевского в Пушкинском Доме: К 200-летию со дня рождения писателя // Вестник РАН. 2021. Т. 91. № 12. С. 1157–1169.

включения в него писателей XX века и потребность в обеспечении читателя надежными, проверенными, текстами этих писателей на фоне «потоков халтуры»¹⁰³, докладчик обозначил ряд проблем, связанных с подготовкой академических ПСС, ключевой из которых является «катастрофическая» нехватка квалифицированных кадров:

Планомерного воспроизводства специалистов-филологов, способных к такой работе, фактически нет: в большинстве своем университеты уделяют внимание чему угодно, только не так называемым вспомогательным филологическим дисциплинам, которые на самом деле являются базовыми, — это источниковедение, текстология, библиография; без свободного владения этим профессиональным арсеналом трудиться над академическими изданиями невозможно.¹⁰⁴

В этих условиях А. В. Лавров предложил — продолжая работу над «полноценными и традиционными» АПСС — ориентироваться на подготовку компактных собраний сочинений *малого академического типа*, в которых творчество писателя представлено «во всем доступном объеме, но без претензии на исчерпывающую, “академическую” полноту воспроизведения всех авторских версий текста и на столь же исчерпывающее, многоаспектное его комментирование»¹⁰⁵. В качестве примеров таких «надежных» изданий, которые ориентированы как на специалиста, так и на искушенного читателя, докладчик выделил собрания сочинений Б. Л. Пастернака, А. М. Ремизова, М. А. Волошина, В. Хлебникова¹⁰⁶.

¹⁰³ Для характеристики ныне сложившейся ситуации с массовыми изданиями писателей первой трети XX в. А. В. Лавров использует формулировку О. Мандельштама, который в 1929 г. именно так описал массовый «вброс» на отечественный книжный рынок переводов зарубежной беллетристики.

¹⁰⁴ Лавров А. В. Проблемы академических изданий классиков русской литературы // Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 11. С. 974.

¹⁰⁵ Там же. С. 975. Идею подготовки малых академических собраний сочинений писателей А. В. Лавров проводил последовательно со второй половины 1990-х гг. — см., например, резюме его установочного доклада на специальном текстологическом заседании международной конференции «Евгений Замятин и культура XX века» в ноябре 1999 г. (Russian Studies. 2000. Т. 3. № 3. С. 443–444).

¹⁰⁶ Речь об изд.: Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: Слово, 2003–2005; Ремизов А. М. Собр. соч.: [В 10 т.]. М.: Русская книга, 2000–2003; Волошин М. А. Собр. соч.:

Участники дискуссии, которая последовала за докладом Лаврова, подчеркнули первостепенное значение академических ПСС для развития отечественной гуманитарной науки¹⁰⁷. Вместе с тем в выступлении директора издательства «Наука» такие издания были признаны убыточными в связи с падением интереса к чтению, утратой института подписки на многотомные издания, а также развитием «электронных СМИ», на фоне которого печатные книги могут вовсе «выйти из употребления»¹⁰⁸. 14 лет спустя приходится констатировать дефектную оптику подобного визионерства.

В результате эволюции понятия «академическое издание», траектория которой была намечена в предыдущих двух параграфах, в научном сообществе сформировался компромиссный взгляд на *академическое издание*, парадоксальным образом сочетающий строгие требования (они продолжают декларироваться и приниматься агентами научного поля) с готовностью пойти на уступки в виде мотивированных исключений¹⁰⁹. Традиция подготовки академических изданий, которая сформировалась и затем многие десятилетия развивалась в Пушкинском Доме, с 2015 года получила свое оформление и в виде электронной библиотеки «Академические собрания сочинений» (russian-literature.org)¹¹⁰. На сегодняшний

[В 13 т.]. М.: Эллис Лак [Т. 1–12]; Азбуковник [Т. 13], 2003–2015; *Хлебников В.* Собр. соч.: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006.

¹⁰⁷ «Фундаментальная наука в чистом виде» (В. А. Келдыш), «государственная задача» (В. Е. Багно), «приоритетное направление фундаментальной науки» (Л. А. Спиридонова) — такие оценки академическим изданиям были даны участниками прений по докладу А. В. Лаврова (Острые вопросы фундаментальной филологической науки / Подгот. Г. В. Чуба // Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 11. С. 978–980).

¹⁰⁸ Там же. С. 980.

¹⁰⁹ Еще Б. Я. Бухштаб в 1976 г. настаивал на широком диапазоне норм классификации изданий: «Ведь если считать представителями типа лишь *идеальные* образцы, а остальные опускать “вниз” — есть опасность, что все окажется “внизу”» (*Бухштаб Б. Я.* Проблемы типологии литературно-художественных изданий // Книга. Исследования и материалы. М., 1976. Вып. 32. С. 14). Исследователь предлагал ориентироваться не на жесткие стандарты, а на *тенденцию*.

¹¹⁰ См.: *Гуськов С. Н., Бодрова А. С.* Академические собрания сочинений русских писателей: электронный ресурс Пушкинского Дома // Информационные ресурсы России. 2020. № 5. С. 16–19.

день в ней представлены 38 многотомных изданий, менее половины из которых соответствуют критериям, заявленным в ее описании¹¹¹, что вполне убедительно свидетельствует о размытии границ анализируемого мною понятия «академическое издание».

Принципы подготовки третьего по счету академического издания ПСС Пушкина, выработанные его редакцией на рубеже XX и XXI веков, базируются на установках предыдущего, советского академического издания, которые неоднократно обсуждались — как кулуарно, внутри профессионального сообщества, так и публично, на страницах научных изданий и в периодической печати. Вероятнее всего, именно в этом заключается известная обособленность этого проекта от обозначенных выше дискуссионных направлений последних десятилетий о специфике академических изданий.

Один из крупнейших отечественных гуманитарных проектов, «академический Пушкин» 1930-х–1940-х годов установил высокие стандарты подготовки полного собрания сочинений. Он выступает своеобразным образцом, задает системы координат, в которых обсуждаются другие академические издания, а их редакторы нередко сверяют свои текстологические решения с аналогичными случаями пушкинской текстологии¹¹². Тем важнее обратиться к истории АПСС 1937–1949 годов, которая, как уже было отмечено, нуждается в пристальном изучении и научной рефлексии.

¹¹¹ «Полнота и точность представления всего литературного, критического, публицистического, служебного и эпистолярного наследия писателя; учет всех рукописных и печатных источников текста, исчерпывающий научно-справочный аппарат» (Там же. С. 17).

¹¹² См., например: *Мисникевич Т. В.* К проблеме основного текста в лирике Федора Сологуба: По материалам творческого архива поэта в Рукописном отделе ИРЛИ // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 434–435; *Двинятина Т. М.* Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2015. С. 308.

Круг источников. Проблемы доступности материала и верификации выводов

Материалы, непосредственно посвященные истории советского АПСС и доступные широкому кругу исследователей, крайне немногочисленны — это прежде всего итоговые статьи участников проекта, подготовленные после его завершения. Об обстоятельствах подготовки академического издания, определивших его достижения и очевидные недостатки, писал, используя неизбежные фигуры умолчания, в 1963 году С. М. Бонди — в ответ на открытое письмо Е. И. Прохорова¹¹³. Ключевые установки советского академического ПСС и его место в эволюции пушкинских изданий были рассмотрены Н. В. Измайловым в главе «Текстология» коллективной монографии «Пушкин: Итоги и проблемы изучения»¹¹⁴. Очевидные смысловые лакуны в этих публикациях, вызванные прежде всего жесткой самоцензурой в условиях всестороннего политико-идеологического контроля, были в полной мере компенсированы монографией Л. Л. Домгера «Советское академическое издание Пушкина», отпечатанной мизерным тиражом в Нью-Йорке и не получившей широко распространения¹¹⁵. Этот материал сегодня известен в виде двух публикаций, вышедших за рубежом во второй половине 1980-х годов уже после смерти автора¹¹⁶. Рассказ Домгера о событиях 1930-х годов (он был участником издания с 1935 по 1941 годы; попав в плен в августе 1942 года, он уже в мае 1943 года перебрался в Берлин, в то время как коллеги по редакции АПСС долгое время считали его «убитым немцами на

¹¹³ См.: Бонди С. Об академическом издании сочинений Пушкина. С. 123–132.

¹¹⁴ См.: Измайлов Н. В. Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 577–591.

¹¹⁵ См.: Domherr L. The Pushkin Edition of the U.S.S.R. Academy of Sciences. N. Y., 1953. 110 p. (Research Program on the U.S.S.R. Mimeographed Series. No. 45). Монография была написана и опубликована на русском языке и отпечатана на ротапринте (заявленный тираж — 250 экземпляров; фактический тираж был, судя по всему, существенно меньше).

¹¹⁶ Текст монографии с сокращениями был опубликован в «Новом журнале» (см.: Домгерр Л. Л. Советское академическое издание Пушкина // The New Review. Нью-Йорк. 1987. Кн. 167. С. 228–252), дополнения к нему вышли в виде отдельной публикации в том же году (см.: Домгерр Л. Л. Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг.: (Материалы и комментарии) // Записки русской академической группы в США. 1987. Т. 20. С. 295–348).

Кавказе»¹¹⁷) в значительной степени мемуаристичен, отдельные его положения не подтверждаются документально, верификация других затруднена¹¹⁸. Впрочем, книга Домгера — исключительный по своей ценности источник, едва ли не единственный *оформленный* нарратив одного из участников проекта. «Благодаря Домгеру исследователи истории русской науки о литературе получили пусть краткую, но правдивую и до сих пор единственную историю этого дерзкого научного начинания, предпринятого накануне Большого террора и последующих потрясений», — отмечал А. Устинов¹¹⁹.

Библиография собственно научных исследований о советском академическом издании полного собрания сочинений Пушкина не содержит и десятка позиций¹²⁰. Прежде всего следует сказать о ключевых работах Т. И. Краснобородько¹²¹ и Е. О. Ларионовой¹²², в которых с опорой на архивные материалы реконструируются отдельные этапы научной «биографии» издания. Особое внимание советскому АПСС уделили в своих статьях о новом академическом издании Пушкина

¹¹⁷ См. докладную записку В. Д. Бонч-Бруевича (Приложение 2).

¹¹⁸ Вместе с тем современники отмечали «большое общественно-политическое значение» свидетельств Домгера о «вмешательстве властей в дело изучения Пушкина» (Г. Аронсон; Новое русское слово. 1953. № 15 (121). 20 сент. С. 8); «похвальную беспристрастность» в критике царской и советской власти и в целом «спокойный тон» повествования и фактическую насыщенность (М. Фридберг; American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. Iss. 2 (April). P. 271).

¹¹⁹ Устинов А. Б. Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. ст. и мат. к 50-летию Лазаря Флейшмана. Стэнфорд, 1994. С. 472.

¹²⁰ Имеются в виду работы, посвященные непосредственно академическому ПСС. Круг публикаций, в которых исследователи апеллируют к истории академического издания, разумеется, существенно шире.

¹²¹ См.: Краснобородько Т. И. «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания (по материалам архива Редакции академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина) // Русская литература. 1989. № 1. С. 145–152.

¹²² См.: Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов: у истоков академического издания А. С. Пушкина // Русская литература. 2024. № 2. С. 9–48.

Н. В. Измайлов¹²³, В. Д. Рак¹²⁴ и С. А. Фомичев¹²⁵. Недавно были опубликованы обзоры отдельных материалов по истории АПСС из Архива РАН¹²⁶ и Архива А. М. Горького¹²⁷.

Отдельные сюжеты, связанные с академическим изданием Пушкина, были разработаны публикаторами научного, эпистолярного и мемуарного наследия филологов прошлого столетия.

Поиск в архивах сохранившихся комментариев к АПСС, подготовку которых осуществляли редакторы соответствующих текстов, мог бы стать продуктивным направлением на нынешнем этапе работы над академическим изданием Пушкина и происходить параллельно с подготовкой отдельных томов¹²⁸. Однако зачастую эти материалы остаются невостребованными, несмотря на их доступность.

Крайне немногочисленны публикации документов, фиксирующих ход обсуждения той или иной научно-эдиционной проблемы, связанной с подготовкой второго академического издания¹²⁹. Между тем обращение к такого рода

¹²³ См.: Измайлов Н. В. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина. С. 5–16.

¹²⁴ См.: Рак В. Д. Новое академическое Полное собрание сочинений А. С. Пушкина // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 24–32.

¹²⁵ См.: Фомичев С. А. Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003. С. 129–141.

¹²⁶ См.: Кузьменко Т. А. К истории академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина (1937–1949) // Берковские чтения – 2019. Книжная культура в контексте международных контактов. М., 2019. Ч. 1. С. 227–234.

¹²⁷ См.: Шуган О. В. А. М. Горький в главной редакции Полного академического собрания сочинений А. С. Пушкина (к 155-летию со дня рождения М. Горького) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 98–115.

¹²⁸ См., например, публикацию трех блестящих заметок-комментариев Г. О. Винокура к текстам Пушкина, подготовленную О. Проскуриным (см.: Проскурин О. Из наследия Винокура-пушкиниста // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 36–54).

¹²⁹ Из истории советского академического издания сочинений Пушкина: Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 258–277. Здесь отмечу также интерес исследователей к протоколам заседаний Пушкинской комиссии, на которых выступала А. А. Ахматова — участница ряда «пушкинских» проектов, в т. ч. и АПСС (см.: Тименчик Р. Д. Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.,

источникам позволяет «услышать голос» исследователей предшествующих поколений и включить их в актуальную полемику буквально на уровне *прямой речи*.

Гораздо оптимистичнее обстоит дело с публикацией эпистолярия, дневников и воспоминаний. Не имея возможности дать полный свод упоминаний советского академического издания Пушкина в источниках этого рода, отошлю к библиографическому отделу монографии «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны)¹³⁰. Обращение к эго-документам¹³¹ в контексте работы над историей АПСС существенно обогащает исследовательский нарратив.

Источники, по которым следует осуществлять реконструкцию истории подготовки советского академического Полного собрания сочинений Пушкина, в большинстве своем остаются малоизученными (или же вовсе не изученными). В настоящее время по-прежнему остается недоступным для исследователей фонд Редакции академического издания ПСС Пушкина¹³². Труды и дни академического пушкиноведения восстанавливаются мной прежде всего с опорой на материалы, отложившиеся в фондах участников и организаторов АПСС: С. М. Бонди (РГАЛИ).

1982. С. 115–118; Слепков Я. В. Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: творческая история // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 378–379).

¹³⁰ См.: Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025. С. 694–697.

¹³¹ Источники приведены по хронологии их публикации: Устинов А. Б. Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. ст. и мат. к 50-летию Лазаря Флейшмана. Стэнфорд, 1994. С. 471–544; Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. 1944–1954 / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 1998; Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000; «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-х годов) / Публ. М. Д. Эльзона, предисл. В. Д. Рака, примеч. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 3. С. 137–184; № 4. С. 182–220; 2004. № 1. С. 145–199; № 2. С. 189–244; 2005. № 4. С. 140–201; 2006. № 1. С. 227–273; Виноградов В. В. «Жду перемен в своей судьбе»: Письма к жене из вятской ссылки (1934–1936) / Сост., подгот. текста А. Б. Гуськовой; науч. ред. Н. Я. Козел; коммент. А. Б. Гуськовой, Н. Я. Козел. СПб., 2024 и др.

¹³² РО ИРЛИ. Ф. 373. Он был сформирован из двух «домашних» архивов ключевых организаторов проекта — В. Д. Бонч-Бруевича и М. А. и Т. Г. Цявловских. Предварительная систематизация материалов фонда была осуществлена в начале 1980-х гг.

Ф. 3281), В. Д. Бонч-Бруевича (НИОР РГБ. Ф. 369), В. В. Гиппиуса (РО ИРЛИ. Ф. 47), П. И. Лебедева-Полянского (АРАН. Ф. 597), Л. Б. Модзалевского (РО ИРЛИ. Ф. 187), Ю. Г. Оксмана (РГАЛИ. Ф. 2567), Б. В. Томашевского (НИОР РГБ. Ф. 645), М. А. и Т. Г. Цявловских (РО ИРЛИ. Ф. 387; РГАЛИ. Ф. 2558), Б. М. Эйхенбаума (РГАЛИ. Ф. 1527), Д. П. Якубовича (РО ИРЛИ. Ф. 800), а также в фондах институций, задействованных в реализации ключевых «пушкинских» проектов в интересующий меня период: Института русской литературы АН СССР (СПбФ АРАН. Ф. 150), Отделения общественных наук АН СССР (АРАН. Ф. 394), Отделения литературы и языка АН СССР (АРАН. Ф. 456), Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (АРАН. Ф. 397), Государственного литературного музея (РГАЛИ. Ф. 612) и др.¹³³ Одним из наиболее ценных архивных комплексов, аккумулирующим источники по истории пушкиноведения, является Пушкинский фонд ИРЛИ (РО ИРЛИ. Ф. 244)¹³⁴.

В контексте обращения к широкому кругу источников — преимущественно архивных — несколько надуманной может показаться проблема *верификации выводов*. Тем не менее эта проблема неизбежно возникает, когда мы обращаемся к реалиям научного поля внутри крайне нестабильной политико-идеологической

¹³³ Приношу глубокую благодарность коллегам, которые в разное время оказали мне содействие как в совместном изучении и публикации ряда архивных источников по истории академического пушкиноведения, так и в расширении их круга, — прежде всего Т. И. Краснобородько и С. И. Панову, а также А. Ю. Балакину, Л. Д. Зародовой, Я. В. Слепкову, Л. К. Хитрово, Д. М. Цыганову. В ходе работы над диссертационным исследованием я использовал материалы ныне подготовленных (совместно с Е. В. Головченко, В. С. Отяковским и Г. Бабак) к печати публикаций. Также в моем распоряжении находилась подборка материалов (выписки из архивных источников и периодической печати), собранных в рамках реализации научного проекта РГНФ № 08-04-00092а «Советское пушкиноведение в 1930–1940-е годы» в 2008–2009 гг. Т. И. Краснобородько, Е. О. Ларионовой и С. Б. Федотовой, которые были мне любезно предоставлены.

¹³⁴ В последнее время обширная опись 31 («Исследовательские материалы и библиография о Пушкине») указанного фонда пополнилась материалами несостоявшегося седьмого выпуска «Временника Пушкинской комиссии» (см.: *Турчаненко В. В.* Незавершенный редакторский труд Д. П. Якубовича (седьмой «Временник Пушкинской комиссии») // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2024. Вып. 38. С. 223–240) и стенограммами заседаний Всесоюзных Пушкинских конференций 1952–1969 гг.

обстановки. В этих реалиях свидетельства официального документа, заметки в вечерней газете и личного письма могут быть прямо противоположны — и из этого абсолютно не следует, что отдавать безоговорочное предпочтение нужно личному письму как наименее подверженному автоцензурному вмешательству. Для таких случаев существуют разные подходы, самым распространенным из которых является аргументированная приоритезация одного из источников (в т. ч. путем дискредитации других). Ему, однако, не противоречит весьма удачная метафора, сформулированная Е. О. Ларионовой: в своей работе с источниками историк науки должен постоянно использовать три «линейки», поверяя каждый вывод наблюдениями и документами из трех разных сфер — официальной, публичной и интимной (личной).

Не имея возможности проводить эту операцию так часто, как бы этого хотелось, я, тем не менее, старался регулярно прикладывать эти «линейки» к формирующемуся нарративу о советском академическом издании Пушкина. Этим стремлением в том числе обусловлен живой интерес к разработке побочных сюжетов о проектах-спутниках АПСС (Пушкинской энциклопедии, Временнике Пушкинской комиссии и др.), а также ряда биографических этюдов («Черноморские открытки» Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича, А. А. Ахматова в кругу пушкинистов, каталог рисунков Якубовича и др.). Последние нацелены в том числе на описание *повседневной, бытовой жизни* пушкинистов, изучение которой в контексте исследований повседневности оказывается крайне продуктивным¹³⁵: движение от общего представления о научном поле к его частным деталям путем бытовизации и антропологизации исторической действительности

¹³⁵ Обоснование теоретической рамки см.: Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социо-логос. Социология, антропология, метафизика. М., 1991. С. 39–50; Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сб. науч. раб. СПб., 2003. С. 7–14.

дает возможность «уточнять и усложнять» модель этого поля¹³⁶, говоря проще — лучше понимать происходящее.

Меж тем указанные побочные сюжеты, существенно обогатившие контекст и заострившие исследовательскую оптику, вошли в текст диссертации исключительно в виде библиографических ссылок. Стремлением не нарушать связности повествования обусловлено и существенное сокращение объема цитируемого материала. В фокусе внимания настоящего исследования — прежде всего эволюция взглядов на полное собрание сочинений Пушкина от его замысла к воплощению, а также специфика работы пушкинистов над изданием. Анализируя источники и размышляя над их компоновкой и включением в контекст истории — как литературы вообще, так и науки о литературе в частности — я пользовался различными научными подходами: отдавая предпочтение традиционному историко-литературному, мне регулярно приходилось обращаться к истории идей и понятий, институциональной истории, а также инструментарию современной текстологии. В этом отношении **методология** исследования представляется вполне конвенциональной.

Таким образом, **целью** диссертации является комплексное осмысление полного собрания сочинений Пушкина как *научной проблемы* на основании реконструкции истории проекта по подготовке академического издания ПСС в 1930-е–1950-е годы. Достижение этой цели стало возможным благодаря решению ряда частных **задач**:

- определить границы понятия *академическое издание*, показать его эволюцию в контексте дискуссий второй половины XX – начала XXI веков;
- обозначить место академического издания Полного собрания сочинений Пушкина в дискуссиях об изданиях классиков;

¹³⁶ О бытовизации / антропологизации исторического процесса как продуктивном инструменте для исследования прошлого см.: *Лебина Н.* Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города. 1917–1991. М., 2023. С. 500–506.

– собрать и проанализировать опубликованные источники по истории подготовки советского академического издания Полного собрания сочинений Пушкина;

– обследовать фонды участников и организаторов АПСС, а также фонды институций, задействованных в реализации ключевых «пушкинских» проектов, в архивохранилищах Москвы (РГАЛИ, НИОР РГБ, АРАН) и Санкт-Петербурга (РО ИРЛИ, СПбФ АРАН, ОР РНБ); выявить в них и систематизировать источники по истории подготовки АПСС;

– реконструировать движение *замысла* нового академического издания ПСС Пушкина в 1920-е — начале 1930-х годов; проанализировать *концепции* несостоявшихся проектов и т. н. «репетиционных» изданий;

– обозначить роли отдельных институций и ключевых организаторов в эволюции и трансформации *идеи* подготовки академического издания ПСС Пушкина;

– описать комплекс *научных проблем*, возникающих при подготовке академического издания; реконструировать систему точек зрения исследователей — идеологов и участников АПСС на эти проблемы;

– охарактеризовать исторический контекст, в котором готовилось академическое издание ПСС Пушкина; показать влияние *внеположных науке* обстоятельств на реализацию *научного проекта*;

– реконструировать историю публикации текстов критико-публицистической прозы Пушкина в академическом издании как наиболее трудного с текстологической и эдиционной точки зрения корпуса, вобравшего в себя весь комплекс научных проблем, связанных с подготовкой АПСС; проанализировать предложенные редакторами и рецензентами тома решения.

Последовательное решение указанных задач определило движение исследовательского нарратива, в **структуре** которого выделяются введение, две главы, заключение, список принятых в работе сокращений, перечень архивных источников, список литературы, список иллюстративного материала, а также четыре приложения.

Выводы диссертационного исследования прошли разностороннюю **апробацию**. Так, основные положения и результаты работы изложены в **11 публикациях** (2 из них подготовлены в соавторстве) общим объемом 13,5 а. л., из которых 5 статей опубликованы в рецензируемых научных журналах, входящих в Перечень ВАК РФ (в т. ч. 4 статьи в изданиях, индексируемых международными базами данных Web of Science и Scopus), а также в **монографии** (в соавторстве с Д. М. Цыгановым) «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны) (М.: Новое литературное обозрение, 2025).

Результаты исследования неоднократно обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях: Открытая конференция студентов-филологов (Санкт-Петербургский государственный университет, 2020, 2023), «Пушкин и книга» (Государственный музей А. С. Пушкина, 2021, 2023), Международная конференция молодых филологов (Таллинский университет, Эстония, 2022), Михайловские Пушкинские чтения (Пушкинский Заповедник, 2022), Чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2022, 2023, 2024), «Институциональная история 1920–1930-х годов: организации, стратегии, практики» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2023), «История отечественной культуры в архивных документах» (Российская национальная библиотека, 2023), «Поэтика (для) университетов: гуманитарная академия и авангардная литературная традиция» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2024), «“Мой лучший opus”: Пушкинский Дом Бориса Львовича Модзалевского» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2024), «Пушкин и мировая культура» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2024), «Анна Ахматова и ...» (Ахматовские чтения) (Российская национальная библиотека, 2024), «От Оргкомитета союза советских писателей к I Всесоюзному съезду советских писателей: Организационные стратегии, источники финансирования, эстетические теории, художественные практики (1920–1950-е годы)» (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2024) и др.

Глава 1. На пути к академическому Полному собранию сочинений Пушкина: идеи и концепции

Задача настоящей главы — наметить траекторию движения отечественного пушкиноведения к академическому Полному собранию сочинений Пушкина в конце 1920-х – начале 1930-х годов и ввести в научный оборот новые материалы, связанные с обсуждением будущего издания¹³⁷. Стремление изучить *эволюцию научной идеи* связано с одним из ключевых положений истории науки, которое опирается на тезис о первостепенном значении *обстоятельств* развития научного знания и их прямом влиянии на научный результат. Исходя из этого, конечный научный продукт оказывается обусловлен обстоятельствами его создания, в т. ч. внеположными ему; результат оказывается определён и определен не только траекторией движения научной мысли, но и внешними факторами. Таким образом, эта теоретическая рамка легитимизирует структуру предложенного в настоящей главе нарратива, который описывает не только эволюцию научных взглядов на академического Пушкина в 1920-е–1930-е годы, но и обстоятельства, сопутствовавшие принятию тех или иных решений. К этой же стратегии представления материала я обращусь и в следующей главе, которая посвящена непосредственно реализации проекта по подготовке второго АПСС в условиях беспрецедентного политического и административного давления на научный коллектив издания.

¹³⁷ Отдельные положения настоящей главы были ранее представлены в статьях: Турчаненко В. В. 1) Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. Таллин, 2020. [Вып.] 18. С. 64–74; 2) Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы // *Летняя школа по русской литературе*. 2021. Т. 17. № 2. С. 189–209 (расширенную версию см. в кн.: Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!» С. 214–239); 3) Подводя итоги советского пушкиноведения: доклад Н. К. Пиксанова на Пушкинской конференции 1937 года // *Новое литературное обозрение*. 2022. № 5 (177). С. 119–134 (см. также дополненный вариант: «Нельзя замалчивать вопиющих пробелов и срывов»: К истории советского пушкиноведения за двадцать лет // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!» С. 336–359); 4) «Пишу в стихах посланье в Сочи...»: Черноморские открытки Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича (лето 1933 года) // «...И не кончается строка»: Сб. в честь Марии Наумовны Виролайнен. СПб., 2024. С. 267–297.

В самых общих чертах путь от «старой» науки о Пушкине к «новому», советскому пушкиноведению намечен в вышедшей в 1966 году коллективной монографии «Пушкин: Итоги и проблемы изучения». В главе, посвященной текстологии, Н. В. Измайлов справедливо отмечает, что начало XX столетия — вплоть до революции 1917 года — прошло «под знаком двух больших, обобщающих изданий»: собрания сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова и первого академического издания ПСС Пушкина¹³⁸. Анализу отдельных удачных решений и обстоятельной критике этих проектов посвящены очерки Н. В. Измайлова, С. М. Бонди, Б. В. Томашевского и др.; для нашего же исследования существенно важными оказываются принципы организации работы над каждым из этих собраний сочинений. Так, издание Брокгауза и Ефрона¹³⁹, несмотря на многие его недостатки, стало своего рода концептуальным зеркалом знаменитого университетского семинария, «симптомом времени», как удачно заметил Томашевский¹⁴⁰. Для подготовки этого издания Венгеров привлек представителей разных школ и поколений — около пятидесяти человек. Это, с одной стороны, привело к смешению исследовательских методов и направлений, а с другой — позволило в краткие сроки аккумулировать большое количество нового историко-литературного, биографического и даже текстологического материала.

¹³⁸ Измайлов Н. В. Текстология. С. 565.

¹³⁹ Пушкин А. С. [Собр. соч. в 6 т.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг.: Изд. Брокгауза–Ефрона, 1907–1915. В роскошно оформленном и богато иллюстрированном издании произведения Пушкина и примечания к ним (в т. 1 комментарий следовал сразу за текстом; начиная с т. 2 он был отнесен в конец книги) перемежались статьями и заметками самой разнообразной тематики — историко-литературные эссе о текстах (и даже рисунках!) Пушкина соседствовали с биографическими очерками разных этапов его жизненного пути и словесными портретами-медальонами его ближайших знакомых. Пестрота и разнородность материала, а также своеобразный принцип композиции томов вызывали прямо противоположные оценки современников. Вместе с тем издание действительно стало «своего рода Пушкинской энциклопедией» того времени, как его и задумывал Венгеров (см. примеч. от редакции в т. 1, с. 3).

¹⁴⁰ О значении фигуры С. А. Венгерова для развития пушкиноведения и специфике его научно-организационной деятельности см.: Томашевский Б. В. Основные этапы изучения Пушкина // Томашевский Б. Пушкин. Кн. 2-я: Материалы к монографии (1824–1837). М.; Л., 1961. С. 467–468.

Издание Императорской Академии наук¹⁴¹, начатое академиком Л. Н. Майковым, впервые декларировало потребность всестороннего изучения рукописных источников и публикации всех извлеченных из них текстов. Впрочем, тогда же обнаружилось отсутствие методологии работы с рукописями — как в отношении установления основного текста, так и подачи других редакций и вариантов. Несмотря на формальное «коллективное управление» изданием (после смерти Майкова для продолжения АПСС была специально учреждена Пушкинская комиссия¹⁴²), каждый том находился в единоличном ведении конкретного редактора. Черода смертей руководителей комиссии — И. Н. Жданова († 11 июля 1901 г.), А. Н. Веселовского († 10 октября 1906 г.), Ф. Е. Корша († 16 февраля 1915 г.), а также отсутствие четкого плана и стратегии подготовки издания не могли не отразиться на работе исследователей: собрание сочинений предсказуемо не было доведено до конца.

Ключевую роль на пути к изданию ПСС Пушкина сыграло однотомное собрание сочинений под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева, выдержавшее семь изданий¹⁴³. Принцип его композиции заключался в публикации прежде всего того, что было напечатано (или же подготовлено к печати) Пушкиным при его жизни; в каждом разделе за таким «основным» блоком следовал подраздел с избранными неопубликованными произведениями. Позднее, в 1933 году,

¹⁴¹ *Пушкин*. Соч. СПб.; Пг.: Изд. Имп. Академии наук, 1899–1916 (т. 1–4, 11); Л.: Изд-во АН СССР, 1928–1929 (т. 9, кн. 1–2).

¹⁴² До настоящего времени деятельность Пушкинской комиссии Императорской Академии наук не становилась предметом специального изучения. Заседания комиссии начались в октябре 1900 г.; созданный комиссией печатный орган «Пушкин и его современники» несколько раз публиковал извлечения из протоколов заседаний (с октября 1900 года по январь 1908 года) — см.: 1) Извлечения из протоколов заседаний Комиссии с октября 1900 по октябрь 1902 года // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 7–32 (1-я паг.); 2) Извлечения из протоколов заседаний Комиссии с марта 1903 по февраль 1904 года // Там же. СПб., 1904. Вып. 2. С. 1–16 (1-я паг.); 3) Извлечения из протоколов заседаний Комиссии с апреля 1904 по январь 1908 года // Там же. СПб., 1908. Вып. 8. С. 1–37 (1-я паг.).

¹⁴³ *Пушкин*. Соч. / Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Л.: ГИЗ, 1924 (1-е изд.); переиздания перечислены выше, с. 11, примеч. 31.

Б. В. Томашевский буквально отрекся от этого издания¹⁴⁴ — но не отказался от подобной идеи его построения, не соглашаясь с хронологическим принципом публикации лирики, предложенным М. А. Цявловским.

1. 1. П. Е. Щеголев и Ю. Г. Оксман

Значимую роль в судьбе советского академического издания ПСС Пушкина сыграл П. Е. Щеголев. Будучи членом Пушкинской комиссии Императорской Академии наук, в «старом» (первом) АПСС он отвечал за подготовку биографического тома (т. XII). «Но годы шли, а биография не двигалась, — вспоминал Н. В. Измайлов. — П. Е. увлекся другой темой и написал другое замечательное исследование — “Дуэль и смерть Пушкина”, классическое по размаху, документированности и точности, хотя и устаревшее вскоре по концепции»¹⁴⁵.

Во второй половине 1920-х годов Щеголев выступил инициатором нового академического Пушкина. Существенную поддержку ему оказывал Ю. Г. Оксман¹⁴⁶, на исключительном межинституциональном положении которого следует остановиться особо. Питомец Пушкинского семинария под руководством С. А. Венгерова, он быстро стал видным игроком научного поля, имея к тридцати годам за плечами обширный опыт преподавательской (профессор Новороссийского университета и одесского Института народного образования) и научно-административной работы в качестве руководителя Одесского губернского

¹⁴⁴ «Мое отношение к однотомнику. Отрекаюсь от однотомника 1924 г. Девять лет тому назад... Шесть стереотипных изданий. Даже при условии перепечатки нет возможности перерабатывать, есть возможность только поставить заплату. Но отвечать за работу, сделанную девять лет назад, я не могу. Этим самым определяется мое отношение к однотомнику» (*Ларионова Е. О.* Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 39).

¹⁴⁵ *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. и коммент. Н. А. Прозоровой // *Пушкинист Н. В. Измайлов. В Петербурге и Оренбурге.* Калуга, 2008. С. 48.

¹⁴⁶ Краткие биографические справки о нем см. в кн.: *Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005.* СПб., 2005. С. 77–78 (авт. Т. И. Краснобородько); 497. Научной биографии ученого посвящено фундаментальное исследование М. А. Фролова «Проблемы текстологии в научном наследии Ю. Г. Оксмана» (дис. ... канд. филол. наук. М., 2013).

архивного управления, ректора Археологического института в Одессе (1921–1923) и одного из учредителей одесской постоянной Пушкинской комиссии (1923)¹⁴⁷. Вернувшись в Петроград, Оксман преподавал в Петроградском (Ленинградском) государственном университете, был сотрудником Петроградского отделения Центрархива и действительным членом Государственного института истории искусств. В 1924 году Оксман вместе с П. Е. Щеголевым задумал семинарий «Пушкин и его время» для студентов этнолого-лингвистического и архивно-археографического отделений Факультета общественных наук Ленинградского университета¹⁴⁸. В рамках этого семинария его участниками (прежде всего Л. Б. Модзалевским и Г. Д. Вержбицким) было составлено краткое описание пушкинских фондов Библиотеки Академии наук и Государственной Публичной библиотеки, а также проведены другие текстологические и источниковедческие работы¹⁴⁹.

¹⁴⁷ См. письмо Ю. Г. Оксмана к Н. К. Пиксанову от 29 июля 1923 г.: «15 июля праздновала культурная Одесса столетие со дня переезда Пушкина в Одессу. Программа чествования, разработанная мною, осуществлена, однако, была далеко не полностью. Заседание всех научных обществ в ознаменование юбилея не состоялось и отложено на неопред^еленное время, ибо власти местные — нашли почему-то “академические торжества в честь не украинского поэта ныне несвоевременными”. Пришлось ограничиться лишь постановлением об учреждении в Одессе постоянной Пушкинской комиссии по собиранию, разработке и популяризации всех материалов, связанных с пребыванием Пушкина на юге (бюро: А. М. Дерибас, я и М. И. Мандес), выпуском особого пушкинского приложения к местным “Известиям” <...> и школьными, наконец, чествованиями и спектаклями, кот^орые продолжаются по сей день...» (РО ИРЛИ. Ф. 496 (не обработан)). За указание на этот источник приношу благодарность С. И. Панову.

¹⁴⁸ Письмо Ю. Г. Оксмана к П. Е. Щеголеву (датируется по содержанию весной 1924 г.) см.: «Искренне Ваш Юл. Оксман»: (Письма 1914–1970-х гг.) / Публ. М. Д. Эльзона, предисл. В. Д. Рака, примеч. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 3. С. 150; письмо Оксмана к Н. К. Пиксанову от 12 сентября 1924 г.: «Убедил П. Е. Щеголева вести со мною с осени Пушкинский семинарий и сейчас усиленно работаю над своими частями “Введения в изучение Пушкина”» (РО ИРЛИ. Ф. 496).

¹⁴⁹ См. письмо Оксмана к Пиксанову от 26 января 1925 г.: «Очень тяготит университет, где к каждой лекции приходится готовиться по неск^олько часов, где даже в семинарии приходится быть каждую минуту начеку, отражая самые неожиданные выверты формалистов, марксистов, футуристов, экспрессионистов и т. п. “индивидов”, заполнивших Пушкинский семинарий. Правда, сделано последним даже за полгода кое-что полезное: 1) опись пушк^инских рукописей, наход^ящихся в Ленинграде, 2) транскрипция запис^ной книжки Пушк^ина в Пуб^личной Биб^лиотеке, 3) библиография воспроизвед^ений в печати автографов Пушкина...» (РО ИРЛИ. Ф. 496).

С сентября 1923 года (месяц спустя после возвращения из Одессы) Оксман становится сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома, сохраняя этот статус вплоть до сокращения в ноябре 1929 года в связи с «чисткой» академических учреждений в рамках «академического дела». К этому времени относится его тесное сотрудничество с одним из основателей Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевским¹⁵⁰. Это был стратегический ход, которым Оксман, формально зачисленный в штат института лишь в октябре 1933 года, буквально вписал себя в первое поколение пушкинотомцев. Такое межинституциональное положение во второй половине 1920-х годов (Университет — Центрархив — ГИИИ — Пушкинский Дом) позволило ему впоследствии, после смерти П. Е. Щеголева, фактически возглавить подготовку нового академического издания ПСС Пушкина.

Стоит особо отметить стремление Щеголева и Оксмана объединить разрозненные в то время силы пушкинистов, организовать и оформить пушкинские штудии. «Сейчас затевается у нас объединение всех пушкинистов на коалиционных началах (от Лернера до Томашевского и от Модзалевского до Эйхенбаума), — сообщал Оксман своему старшему товарищу и учителю Н. К. Пиксанову в январе 1925 года. — Символом единения будет издание сборников в Ленгизе под ред. П. Е. Щеголева. Впрочем, “соглашательства” и “блоки” слишком уж скомпрометированы в политике, чтобы можно было ждать толку от аналогич<ных>

¹⁵⁰ См. письмо Б. Л. Модзалевского к П. Н. Сакулину от 2 февраля 1924 г.: «Наш “Атеней” зародился, видно, не под счастливою звездою: до сих пор мы с Оксманом (или, лучше сказать, Оксман со мною) не можем добиться сверстки всей книжки, которая даже набрана еще не до конца. Причиною этого — малосильность (денежная) нашего издателя, загруженность Академической типографии (в которой книжка печатается) и, отчасти, горячность молодого редактора, еще не слишком опытного в редакторских делах. В сумме все эти причины дали задержку и скачки в работе, — а Вы хорошо знаете, что в издательском деле плановость и аккуратность столь же необходимы, как во многих других, и что одной стремительностью тут не возьмешь. Но в общем с Ю. Г. Оксманом работать очень приятно, и я уверен, что если “Атенею” суждено существовать и после 1-й книжки, то и дело пойдет лучше, и наши сношения с Вами получат более организованный характер» (РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 586. Л. 5–5 об.). Помимо совместной работы над историко-литературным временником «Атеней» (кн. 1–2 — Л., 1924; кн. 3 — Л., 1926), Оксман и Модзалевский вместе редактировали сборник «Декабристы: Неизданные материалы и статьи» (М., 1925) и составили (при участии Н. Ф. Лаврова) хрестоматию «Декабристы: Отрывки из источников» (М.; Л., 1926).

действий на пушкинском фронте»¹⁵¹. Двумя годами позже Оксман разработал концепцию «вселенинградского» Пушкинского комитета при Государственном институте истории искусств. «В основу его рабочего плана хочу положить тезисы ваших “социологич<еских> проблем пушкиноведения”, для чего нужно будет координироваться с вашей Пушкин<ской> Комиссией»¹⁵², — обращался Оксман к Пиксанову как председателю Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности в Москве, надеясь заручиться его поддержкой. Тогда же, летом 1927 года, Оксман задумался о возрождении Пушкинской комиссии Академии наук (с целью наладить работу по академическому изданию ПСС Пушкина) и об организации «Пушкинского съезда»¹⁵³ — все эти предприятия удастся реализовать, но несколькими годами позже, в совершенно иных обстоятельствах. Пушкинский комитет при ГИИИ был учрежден осенью 1927 года¹⁵⁴, просуществовал под фактическим руководством Ю. Г. Оксмана

¹⁵¹ РО ИРЛИ. Ф. 496.

¹⁵² Там же; письмо от 10 мая 1927 г. Под «социологическими проблемами пушкиноведения» имеются в виду темы, намеченные Н. К. Пиксановым в разделе «Социологические анализы» его «Пушкинской студии» (Пг.: Атений, 1922): «Пушкин и власть», «Пушкин и декабристы», «Пушкин и дворянство» и др.

¹⁵³ См. письмо Ю. Г. Оксмана к Н. К. Пиксанову от 4 августа 1927 г.: «Кроме дел личных, хочу сговориться с вами и о Пушкинском Комитете <при ГИИИ>, и о возрождении академической Пушкин<ской> Комиссии, о чем уже составил пространную записку, вернее “вопл”». Не столько этим “воплем”, сколько Институтским Комитетом, — обеспокоил Б. Л. Модзалевского и академич<еских> старцев, которые “принципиально” не прочь восстановить работу по акад<емическому> изданию (план оконч<ить> акад<емического> Пушкина к 100-летию со дня смерти). Хорошо бы и эти вопросы профильтровать на Пушкинском съезде, кот<орый> контрабандно можно вообще превратить в ученую конференцию истор<иков> рус<ской> литер<атур>ы» (РО ИРЛИ. Ф. 496). 15 декабря 1927 г. после долгого перерыва состоялось заседание Пушкинской комиссии АН, на котором в ее состав были избраны С. Ф. Платонов, Н. В. Измайлов и Б. В. Томашевский. В записной книжке Б. Л. Модзалевский фиксирует, что на этом заседании произошел «инцидент с Оксманом» (Оксман не был избран в члены Комиссии) (см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. С. 41, 187–188).

¹⁵⁴ См.: «При Всероссийском институте истории искусств организован Пушкинский комитет. Этот комитет будет первым научно-исследовательским учреждением по работе над материалами о Пушкине, по учету того, что делается по изучению творчества Пушкина в СССР, и будет руководить работами по редактированию и комментированию пушкинских рукописей. Одна из главных задач комитета — выпуск собрания сочинений Пушкина в 12 томах. 20 декабря

немногим более двух лет и был упразднен в марте 1930 года (вместе с Комитетом русского языка под руководством В. В. Виноградова) на фоне общего «развала» института¹⁵⁵.

1. 2. Комитет для издания сочинений Пушкина. Планы нереализованных собраний сочинений в 16 и 8 томах

В марте 1928 г. в Москве состоялось совещание крупнейших пушкинистов, которые признали академическое издание ПСС Пушкина «преждевременным и пока невозможным»¹⁵⁶. «Московское совещание, между нами говоря, показалось всем мало деловым, — отмечал Ю. Г. Оксман в письме к Н. К. Пиксанову от 11 апреля 1928 года. — Единственный большой его плюс — это демонстрация единства пушкинистов, отказавшихся перед престолом Павла Никитича <Сакулина> от всяких дразг, ссор, личных и принципиальных столкновений. Обнаружилось, что работа может пойти дружно, дельно и интенсивно, но техника и организация уяснены, очевидно, еще не до конца»¹⁵⁷. До недавнего времени было принято считать¹⁵⁸ — опираясь, прежде всего, на мемуары Измайлова, — что на том же совещании (или же вскоре после него) постановили «готовить шеститомное полное (предварительное) издание, проверенное по рукописям»¹⁵⁹. Однако сейчас приходится констатировать разработку — уже в Ленинграде — промежуточного,

в Москве состоится первое организационное собрание комитета по поводу этого издания» (Правда. 1927. № 275 (3807). 1 декабря. С. 4).

¹⁵⁵ См.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам. М., 2014. С. 84.

¹⁵⁶ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. С. 50. Участники совещания — П. Н. Сакулин (председатель), В. В. Вересаев, Л. П. Гроссман, В. М. Жирмунский, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, Н. К. Пиксанов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, П. Е. Щеголев — запечатлены на коллективной фотографии (см., например: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 30).

¹⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 496.

¹⁵⁸ Это утверждение содержится в недавних публикациях — см.: Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 9; Балакин А. Ю., Турчаненко В. В. Анна Ахматова и Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 389.

¹⁵⁹ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. С. 50.

компромиссного варианта полного собрания сочинений «академического типа» в 16 томах, а также облегченного издания в 8 томах. Эти идеи предшествовали проектам несостоявшегося 12-томного ПСС¹⁶⁰ и 6-томного собрания сочинений, которое было издано в качестве приложения к журналу «Красная нива» в 1930–1931 годах¹⁶¹.

Сохранившийся протокол совещания членов Комитета для издания сочинений Пушкина, которое состоялось в Ленинграде 8 апреля 1928 года (спустя две недели после московского заседания; на пятый день после смерти Б. Л. Модзалевского), написан рукой Н. В. Измайлова — на него было возложено исполнение обязанностей секретаря¹⁶². Документ не отражает хода прений, а лишь фиксирует «пожелания», которые следовало довести до сведения председателя названного комитета — П. Н. Сакулина. Все участники совещания (за исключением москвича М. А. Цявловского) — ленинградцы (В. М. Жирмунский, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, П. Е. Щеголев), что позволяет сделать предположение о некотором оппозиционном настрое по отношению к другим участникам московского совещания, забаллотировавшего идею подготовки нового академического издания.

Существенный интерес представляет план собрания сочинений, составленный Цявловским и доработанный по итогам совещания:

¹⁶⁰ Ср. воспоминания Л. Л. Домгера: «<Госиздат>, выпустивший к тому времени прекрасный однотомник избранных сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского, задумал организовать, при руководящем участии П. Е. Щеголева, издание полного собрания сочинений в двух вариантах: большого, 12-томного, “облегченного академического” типа и малого, 6-томного, без вариантов и черновых редакций, с кратким комментарием или совсем без оногo» (*Домгерр Л. Л.* Советское академическое издание Пушкина // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1987. Кн. 167. С. 231). Позднее идею подготовки 12-томного ПСС Пушкина — в серии «Академическая библиотека русских писателей» — продвигал Н. К. Пиксанов; это предложение было озвучено им осенью 1932 г. в контексте полемики с Пушкинской комиссией.

¹⁶¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИЗ, 1930–1931. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно — КН.

¹⁶² РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 49. Л. 1–2 об.

№ тома	Содержание	Исполнители (план М. А. Цявловского)	Предложенные изменения в состав исполнителей
I	Лирика	М. А. Цявловский	
II			
III			
IV			
V	Поэмы	В. М. Жирмунский, Н. В. Измайлов	Ввести С. М. Бонди («Руслан и Людмила»)
VI		Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский	
VII	«Евгений Онегин»	Б. В. Томашевский	
VIII	Драматургия	Л. П. Гроссман, Н. К. Пиксанов	
IX	Художественная проза	Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, П. Н. Сакулин	Ввести Б. М. Эйхенбаума («Повести Белкина») и П. Е. Щеголева («История села Горюхина»)
X			
XI	Критика	Ю. Г. Оксман	
XII			
XIII	Исторические материалы	П. Е. Щеголев	
XIV			
XV	Письма	Н. В. Измайлов, М. А. Цявловский	Текст — Н. В. Измайлов, М. А. Цявловский; весь комментарий — Н. О. Лернер
XVI			

В тексте протокола нигде не фигурирует определение «полное» для предполагавшегося собрания сочинений. Однако и план издания, и отдельные замечания позволяют сделать вывод о стремлении комитета к полноте корпуса пушкинских текстов. Так, например, среди подготовительных работ к изданию было намечено составление описи всех рукописей, которые хранились тогда в московском Румянцевском Музее — с указанием «всех отдельных произведений, заметок, надписей, рисунков и т. п. на каждом листе». Аналогичную работу, проведенную Л. Б. Модзалевским в «ленинградских хранилищах» и уже «приготовленную к печати»¹⁶³, предполагалось «размножить» в рукописи среди

¹⁶³ Речь идет об описании рукописей Пушкина в собрании Публичной библиотеки в Ленинграде, подготовленном Л. Б. Модзалевским для серии «Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР». Этот труд оказался единственным опубликованным из намеченных шести выпусков указанной серии; подробнее о концепции описания рукописей см.:

участников нового издания. Для работы над новым собранием сочинений планировалось также пополнить коллекцию фотокопий пушкинских рукописей С. А. Венгерова, которая находилась в Ленинграде¹⁶⁴, путем ее тщательной ревизии и досъемки отсутствующих листов в московских архивохранилищах (прежде всего — в Румянцевском Музее). Все эти работы, как и будущее издание, предполагалось обеспечить (ввиду отсутствия средств на это у Академии наук) за счет ГИЗа — Государственного издательства РСФСР, которое возглавлялось в то время революционером А. Б. Халатовым. Взаимодействие с издательством осуществлял М. А. Цявловский.

Любопытно, что на точно такой же бумаге и теми же чернилами, какими был написан протокол совещания Комитета для издания сочинений Пушкина 8 апреля 1928 года, был составлен — вероятно, тогда же (или несколькими днями спустя)¹⁶⁵ — план 8-томного издания сочинений Пушкина (5 основных томов + 3 дополнительных), инициируемого Пушкинским Домом¹⁶⁶, принципиально отличный как по композиции, так и по своим задачам.

В пояснительной записке к этому плану дана краткая характеристика предшествующим многотомным изданиям. Общее определение — устаревшие «как по полноте, так и по точности текста и по характеру комментария» — дополнено в ней оценками отдельных издательских проектов. Непригодными для широкого пользования названы «слишком тяжеловесное», «перегруженное статьями разного достоинства и характера» собрание сочинений под редакцией С. А. Венгерова; «незаконченное» академическое издание; «содержащее много ошибок в тексте», но вместе с тем «самое удобное и обработанное» из всех имеющихся издание товарищества «Просвещение» под редакцией П. О. Морозова. Госиздатовский однотомник, существенным недостатком которого предсказуемо оказывается неполнота корпуса пушкинских текстов, — «даже в пределах художественных

[Измайлов Н. В., Оксман Ю. Г.] От редакции // Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929. С. 5–14 (1-я паг.).

¹⁶⁴ Ныне хранится в составе Пушкинского фонда ИРЛИ (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 9).

¹⁶⁵ В описанном протоколе шеститомное собрание сочинений не упоминается.

¹⁶⁶ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 49. Л. 3–4.

произведений», по мнению авторов записки, «дает о творчестве Пушкина крайне недостаточное понятие», а «самая однотомность делает его очень не-гибким и потому неудобным для общественного пользования»¹⁶⁷.

Особое внимание в документе уделено размежеванию проектируемого собрания сочинений с планом «большого» издания, предпринимаемого ГИЗом. «Задуманное <...> “академическое” издание преследует совершенно особые цели: исчерпать рукописное наследие Пушкина в виде вариантов и комментария по истории текста. Оно предназначено для очень квалифицированного читателя, имеющего специальные историко-литературные интересы». Среди аргументов в пользу 8-томного издания — его коммерческая выгода, ведь большое издание академического типа «не может рассчитывать на особенно широкий и быстрый сбыт» и вряд ли может быть быстро подготовлено к печати, в то время как «рынок нуждается в дешевом, доступном, доброкачественном и полном издании П<ушкина>»¹⁶⁸.

Распределение материала по томам — к нему Н. В. Измайлов возвращался как минимум дважды (изначально написанный текст правлен другими чернилами; тогда же или позднее оставлены карандашные пометы — подсчет количества страниц в каждом томе в соответствии с изданием товарищества «Просвещение» 1903–1906 гг.) — интересно с концептуальной точки зрения. Публикуя в 1925 году программу издания, намеченную самим поэтом, Томашевский замечал: «В этот план-завещание не мешало бы заглядывать каждому издателю сочинений Пушкина»¹⁶⁹. В стремлении дать читателю «полного» и «подлинного» Пушкина, авторы плана (вероятно, П. Е. Щеголев, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский и Н. В. Измайлов) обращаются к пушкинской композиции собрания сочинений:

¹⁶⁷ Там же. Л. 3 об.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ *Томашевский Б.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 18. Первые два издания своего однотомника Томашевский открыл лирикой, что, по его признанию, было «невольной уступкой традиции»; начиная с третьего издания (Л., 1928) собрание сочинений открывалось поэмами (см.: *Ларионова Е. О.* Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 16).

сначала — поэмы, затем — «Евгений Онегин» и драматические произведения, и лишь потом — стихотворения¹⁷⁰:

№ тома	Содержание	Кол-во страниц
I	Поэмы и повести в стихах: «Бова» (1815), «Монах» (1816), «Руслан и Людмила» (1820), «Кавказский пленник» (1821), «Братья-разбойники» (1822), «Вадим» (1822), «Гавриилиада» (1822–1823), «Бахчисарайский фонтан» (1823), «Цыганы» (1824), «Граф Нулин» (1825), «Полтава» (1828), «Домик в Коломне» (1830), «Галуб»¹⁷¹ (1833), «Родословная моего героя» (1833), «Медный всадник» (1833), «Анджело» (1833) Сказки	415
II	«Евгений Онегин» Драматические произведения: «Борис Годунов» (1825), «Сцена из Фауста» (1826), 4 «маленькие трагедии» (1830), «Русалка» (1832), «Сцены из рыцарских времен» (1835). Отрывки и наброски. Приложения к «Евгению Онегину» Здесь же: Биографическая статья	390
III	Стихотворения 1814–1836: 1. Введенные Пушкиным в собрания стихотворений. 2. Прочие напечатанные при жизни; отделанные, но не печатавшиеся. 3. Неотделанные стихотворения, отрывки и черновые наброски, извлеченные из рукописей.	580
IV	Художественная проза: «Арап Петра Великого» (1827), «Повести Белкина» (1830), «История села Горюхина» (1830), «Дубровский» (1832), «Пиковая Дама» (1833), «Египетские ночи» (1835), «Капитанская дочка» (1833–1836). Неоконченные повести, отрывки и наброски 1819–1835 гг.; «Путешествие в Арзрум» (1829–1836), «Table-Talk» (1831–1835?), «Кирджали», Записки Нащокина	610
V	Критическая проза, журнальные статьи, автобиографические материалы, разные заметки 1819–1836 гг. «История Пугачевского бунта» (1833–1834)	510

¹⁷⁰ Пушкин неоднократно варьировал композицию собрания собственных сочинений. Интересно, что в планах, составленных поэтом в 1830 г., собрание его сочинений открывается поэмами: 1) ПД 715 (лист, вырванный из рабочей тетради ПД 838) — написан, вероятно, в конце указанного года; и 2) более ранний, в тетради ПД 839 (л. 65), датируемый М. А. Цявловским началом июня 1830 г. (№ 14 и 12 в кн. «Рукою Пушкина» соответственно).

¹⁷¹ Неверное чтение В. А. Жуковским имени отца Тазита — Гасуба — впервые исправил С. М. Бонди в издании «Красной нивы».

Дополнительные тома:		
VI	Исторические материалы: Приложения к «Истории Пугачевского бунта», Материалы и «История Петра» (1834–1836), Камчатские дела (1837)	680
VII	Письма 1815–1830 гг.	750
VIII	Письма 1831–1836 гг.	

Публикуемый план¹⁷² несостоявшегося собрания сочинений в 8 томах отражает в том числе эволюцию взглядов на отдельные тексты Пушкина. Так, если «История Пугачева» оказывается в одном томе с критической прозой, вероятнее всего, исключительно по техническим соображениям (даже после перемещения этого текста объем шестого тома значительно превышает объем пятого), то включение в том художественной прозы «Table-Talk» и «Записок П. В. Н^ащокина» весьма симптоматично и свидетельствует о восприятии этих текстов пушкинистами во второй половине 1920-х годов как фикциональных.

Коротко остановимся на редакционных установках этого издания — дать «1) полный и точный текст сочинений Пушкина, 2) важнейшие варианты в приложениях, 3) необходимейший, очень краткий комментарий, 4) некоторые необходимейшие вступительные статьи»¹⁷³. Корпус пушкинских текстов предполагалось публиковать *полностью*, восстанавливая цензурные правки или лакуны в опубликованных при жизни поэта текстах по рукописям, извлекая оттуда же ненапечатанное и оставшееся в черновиках. Вместе с тем *варианты* — в составе *комментария* — ограничивались избранными, «имеющими коренное значение для истории текста и дающими особые редакции его» (в качестве примеров в пояснительной записке приводятся «откинутые» строфы «Евгения Онегина», «Домика в Коломне», «Езерского»). Собственно же *комментарий* в проекте представлял собой перечень следующих сведений: источники текста (рукописные и печатные), время его создания и история «самым сжатым образом», а также

¹⁷² РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 49. Л. 3.

¹⁷³ Там же. Л. 4.

ссылки на исследовательскую литературу взамен историко-литературного и реального комментария.

Таким образом, к концу весны 1928 года существовало два проекта собраний сочинений Пушкина, продвижение которых целиком зависело от их будущих исполнителей — пушкинистов. Стремления П. Е. Щеголева и Ю. Г. Оксмана «реанимировать» академическое издание, «сплотить» силы пушкинистов, организовать необходимую научно-техническую работу по изучению источников (прежде всего рукописных) не давали желаемых результатов на фоне стремительно меняющейся общественно-политической обстановки. Более чем выразительно, горько-иронически характеризует положение академического пушкиноведения в то время Б. Л. Модзалевский в письме к М. А. Цявловскому от 16 августа 1927 года:

О Съезде Пушкинистов слухи и у нас ходят. Позиция Н. К. Пиксанова очень огорчительна для меня, но ведь надо же когда-нибудь начать действительный поход против не-марксистов, чтобы утвердиться на позициях. Но я надеюсь, что чувство справедливости возьмет-таки верх, и он не забудет здешних Пушкинистов. Участие в деле таких больших Пушкинистов, как Томашевский, Оксман и Измайлов (о себе не говорю — я уже устарел и к большой работе не способен) не было бы бесполезно в таком большом деле. И где же и на чем же другом можно лучше объединить все достойные силы, как не на Пушкине! Это все проклятая кружковщина и российское недоброжелательство, от которого мы уже столько страдали и, по-видимому, еще будем страдать. Но не будем отчаиваться, — поживем — увидим.¹⁷⁴

1. 3. «Большой» и «малый» Пушкин на рубеже 1920-х–1930-х годов

Вероятнее всего, какое-то время идея подготовки условно «академического», или как его чаще называли в переписке «большого», 16-томного собрания сочинений Пушкина преобладала над проектом «облегченного» 8-томного издания. Переговоры с ГИЗом о запуске издания, отягощаемые разногласиями в среде пушкинистов, затягивались. В августе 1928 года стараниями П. Е. Щеголева в

¹⁷⁴ РО ИРЛИ. Ф. 387. № 233. Л. 29.

Комитет для издания сочинений Пушкина¹⁷⁵ были введены — по политическим соображениям — А. В. Луначарский и Демьян Бедный, что вызвало резко отрицательную оценку Оксмана в письме к Н. К. Пиксанову: «Переворот в Пушкинском Редакц<ионном> Комитете, конечно, дело П. Е. Щеголева, который давно уже сие замыслил и методически осуществлял. Можно ли, однако, поправить дело путем отказа от сотрудничества в этом начинании П. Н. Сакулина и вас? Думаю, что едва ли. <...> Думается, что задача и ваша и Павла Никитича сейчас не допустить только превращения пушкинского издания в очередную аферу Щеголева. А работать он, конечно, не будет и, в лучшем случае, издание будет вести Илья Зильберштейн»¹⁷⁶.

Ретроспективный взгляд на историю издания текстов Пушкина позволяет дать емкий комментарий эмоциональной оценке Оксмана. «Стратегия противодействия» Н. К. Пиксанова, сыгравшего впоследствии заметную роль в обсуждении нового академического ПСС Пушкина, далее будет описана подробно. Здесь же достаточно отметить, что его отказ сотрудничать с обновленным Комитетом для издания сочинений Пушкина не повлиял на П. Н. Сакулина, который вскоре дал свое согласие на участие в редакционных делах. Его председательство в Комитете было в большей степени формальным; реальная власть сосредоточилась в руках Щеголева, с которым впоследствии в течение 1929 года были заключены генеральные договоры на два пушкинских издания — сначала на большое 12-томное «академического типа» с ГИЗом¹⁷⁷, а затем и на

¹⁷⁵ Встречаются и другие наименования — Редакционный комитет, Редакция.

¹⁷⁶ РО ИРЛИ. Ф. 496; письмо от 20 сентября 1928 г.

¹⁷⁷ Договор был заключен не ранее марта 1929 г. — см. письмо Щеголева к Цявловскому от 28 февраля 1929 г.: «От И. И. Ионова я слышал, что академический Пушкин прошел через Правление <Госиздата>, официальных уведомлений я не имею. Пожалуйста, наведите справку в Госиздате. Если это так, то я немедленно приеду для заключения договора и распределения работы» (РО ИРЛИ. Ф. 387. № 352. Л. 4–5). В связи с тем, что часть документов ГИЗа была утрачена (в фонде издательства в Государственном архиве Российской Федерации 1929 и 1930 гг. представлены фрагментарно, очень ограниченным кругом документов — см. ГАРФ. Ф. Р–395. Оп. 14), а договоры и переписка П. Е. Щеголева с ГИЗом (РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. № 219. 15 л.) оказались недоступны, доподлинно установить дату заключения договора и его условия мне пока не удалось.

малое 6-томное с «Известиями» — редакцией газеты ЦИК СССР и ВЦИК, приложением к которой выходил тонкий литературно-художественный журнал «Красная нива» (1923–1931)¹⁷⁸.

Как уже было отмечено, роль П. Е. Щеголева в деле организации научной и издательской работы в области пушкинистики в 1920-е годы трудно переоценить. Спешный запуск красненивского издания¹⁷⁹, к которому некоторые участники проекта относились скорее негативно, на деле существенно продвинул пушкинскую текстологию. Этот научный рывок был по достоинству оценен лишь впоследствии. Так, Н. В. Измайлов справедливо писал, что «Издание “Красной нивы” послужило образцом и основанием (в смысле редактирования текстов, состава и расположения материала) для ряда последующих изданий», а также «стало школой текстологических изучений и текстологической практики для основных участников “большого” академического издания»¹⁸⁰.

Важно подчеркнуть, что работа над собранием сочинений Пушкина, которое выходило приложением к «Красной ниве», шла *параллельно* с работой над большим, условно «академическим» изданием (даже задолго до официального его оформления¹⁸¹) и воспринималась редакторами не просто как подготовительная к академическому ПСС. Не раз в мемуарных источниках и эпистолярной «репетиционное» красненивское издание упоминается как *(пред)академическое*, а

¹⁷⁸ Обсуждение и заключение договора проходило осенью 1929 г. — см. дневниковые записи Н. С. Ашукина от 12 сентября и 29 октября (Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном. 1914–1933 / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой // НЛО. 1999. № 38. С. 201).

¹⁷⁹ Ср. в письме Щеголева к Цявловскому от 27 октября 1929 г.: «Получил сообщение: не могу ли я повлиять на тов. Цявл<овского> и просить сего тов<арища> предоставить первую часть не 1 декабря, а 15 ноября. Не смею влиять» (РО ИРЛИ. Ф. 387. № 352. Л. 6). Напомню, что договор на издание был заключен в конце октября 1929 г.

¹⁸⁰ Измайлов Н. В. Текстология. С. 578.

¹⁸¹ См., например, записи в «пушкинском» дневнике М. А. и Т. Г. Цявловских, посвященные находке рукописи поэмы «Монах» в архиве А. М. Горчакова и борьбе за первенство ее публикации: «20-го ноября <1928 г.> говорил по телефону с Щеголевым. Он сказал, что узнал все от меня через Ахматову и, приехав в Москву, или даже еще из Петербурга, снесся с Демьяном Бедным. Здесь Щег<олев> с Дем<ьяном> Бедным в качестве членов Редакционного комитета академ<ического> изд<ания> Пушкина обратились к Халатову, который в свою очередь снесся с М. Н. Покровским как главой Центрархива» (Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 73; курсив мой — В. Т.).

его редколлегия именуется «редакцией академического издания». Более того, оба издательских проекта были объединены *общей редакцией* и общими подготовительными работами, связанными прежде всего с изучением автографов Пушкина¹⁸². Это обеспечило «скромному приложению» к литературно-художественному журналу беспрецедентно высокий уровень (по сравнению с предыдущими изданиями) текстологической подготовки и полноту корпуса текстов — в красненинское издание впервые вошли многие отрывки и наброски, которые ранее не включались в собрания сочинений Пушкина¹⁸³. «В Москве работал над прозой Пушкина и, надеюсь, что дам много худож^ественных и крит^ико-публ^ицистических текстов заново — никогда не думал, что так безобразно плохо издан у нас Пушкин, — сообщал Ю. Г. Оксман И. Я. Айзенштоку, — (целые страницы появятся впервые даже в так^их вещах, как “Рославлев”, “Роман в письмах”, “Цезарь путешествовал”, “Гости съезжались на дачу”; шесть-семь будет дано планов интереснейших неизв^естных произведений, в том числе и начало повести о прапорщике Черниговского полка (sic!))»¹⁸⁴.

Небезосновательный скепсис Оксмана относительно возможности реализации большого издания — в противовес красненинскому, регулярный выпуск которого обеспечивался жесткими условиями договоров с «Известиями ЦИК СССР и ВЦИК», — отразился в ряде доверительных писем к его постоянным

¹⁸² Помимо точечного изучения конкретных текстов редакторами соответствующих томов и разделов издания, с осени 1929 г. по заданию Общей редакции сочинений Пушкина Т. Г. Зенгер работала над фронтальным изучением и описанием пушкинских рукописей, получая за эту работу 120 рублей ежемесячно (см.: РО ИРЛИ. Ф. 387. № 449). С марта 1930 г. она же исполняла обязанности московского секретаря П. Е. Щеголева (Там же. № 430. Л. 1, 3).

¹⁸³ Ср.: «Таким образом, издание, даваемое подписчикам “Красной Нивы”, явится первым изданием, в котором текст сочинений великого поэта в результате критической проработки всего рукописного материала будет освобожден от многих ошибок предшествующих изданий, пропусков и искажений, возникших в условиях царской цензуры» (выдержка из рекламной листовки).

¹⁸⁴ Письмо от 30 апреля 1930 г. Оксман перечисляет тексты, которые он готовил для красненинского издания (см. оглавление в: КН. Т. 4). Особо отмечена «<Повесть о прапорщике Черниговского полка>» (в АПСС опубликована под редакторским заглавием «<Записки молодого человека>» (VIII, 403–405)) в связи с украинской темой, которая сближала корреспондентов и имела особое звучание в их переписке.

корреспондентам. «От П. Е. Щеголева услышал о вашем отказе участвовать в Пушкине, — писал он Н. К. Пиксанову 11 октября 1929 года. — Может быть, вы и правы не только по существу, но и тактически»¹⁸⁵. Речь здесь идет, вероятно, не только о визионерстве и «несбыточных проектах» Щеголева (вспомним, как Оксман годом ранее определял возглавляемое им издание — «очередная афера»), но и о стиле его работы: вследствие тяжелой болезни Щеголев постепенно ослаблял контроль над Общей редакцией сочинений Пушкина и все реже вникал в частные текстологические проблемы, отдавая их решение на откуп редакторам соответствующих *opus'ов*. «Надо сказать, что в шеститомнике никакой собственно организованной редакции не было. Мы знаем — был Луначарский, был Демьян Бедный, был В. И. Соловьев, они почти ничего не делали, а всем ведал П. Е. Щеголев, — вспоминал М. А. Цявловский на конференции пушкинистов в мае 1933 года. — Никаких инструкций, никаких планов не было, все шло в патриархальном порядке: вот Павел Елисеевич придет, вот мы поговорим за ужином (правда, за ужином не пили) — и дело этим кончается. Соберемся у Николая Сергеевича <Ашукина> на чердаке, он махнет рукой вкусно: “Валяйте так” — и кончено»¹⁸⁶.

Саркастическим оценкам Цявловского тогда противостоял Б. В. Томашевский: «Это была большая фигура, но, к сожалению, он умер в процессе издания. Здесь совершенно напрасно слишком остро на него нападают. Может быть, и у меня у самого имеются нападки слишком острые на дефекты в работе Павла Елисеевича. Нужно сказать, что здесь большую роль играли объективные причины, но главная причина заключалась в том, что он был умирающим во время издания. Он умер у станка. <...> Когда мы приходили, мы видели, что не довести ему это дело до конца. <...> Но какое культурное наслаждение было работать с Павлом Елисеевичем. Было наслаждение приходить к нему, с ним советоваться. А как он освещал

¹⁸⁵ РО ИРЛИ. Ф. 496. Интересно, что отказ Пиксанова не был вполне категоричным: позднее для нового издания он подготовил статью о «Евгении Онегине» (см.: Там же; письмо от 17 октября 1930 г.).

¹⁸⁶ Цит. по: *Ларионова Е. О.* Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 35–36.

вопросы? Это был исключительной тонкости, исключительного понимания человек. Понятно, он был гораздо выше своего издания. Когда он говорил об издании, становилось ясно, что он мог бы сделать, но беда в том, что сил не было, силы пали. Конечно, расхлябанность в организации была, конечно, тут доля личной вины есть. Но не этим его следует помянуть»¹⁸⁷.

Смерть П. Е. Щеголева 22 января 1931 года стала потрясением для всех участников пушкинских изданий¹⁸⁸ — и особенно для Оксмана. Сблизившись с Щеголевым в ходе почти ежедневной работы над пушкинскими штудиями в течение 1930 года, он тяжело переживал эту утрату¹⁸⁹. Организация дальнейших работ по малым изданиям — к тому моменту Госиздат (ГИЗ) прекратил свое существование, а его юридическим преемником, Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ), были заключены договоры на очередное 6-томное издание — легла на Оксмана¹⁹⁰. Многие годы спустя на листе из журнала «Красная нива» за 1931 год с некрологической заметкой о редакторах краснониевского Пушкина — П. Н. Сакулине и П. Е. Щеголеве — Оксман сделал помету: «Смерть П. Е. Щеголева и выдвинула меня на его место для того, чтобы изд<ание> доведено было до конца»¹⁹¹.

¹⁸⁷ Там же. С. 41.

¹⁸⁸ Ср.: «За день до смерти он часа три работал со мной над текстами последнего Краснониевского тома, — писал Оксман Пиксанову 27 января 1931 г., — потом часа два спорил с приехавшим к нему Н. Ф. Бельчиковым по поводу его статьи “Пушкиноведение”, завалил Бельч<икова> поручениями в Москву, потом писал предисловие к “Будням Пушкина”, потом подготовил все материалы к очеред<ному> заседанию редколлегии по Пушкинск<ому> изд<анию> (ждали Луначарского) и т. д. и т. п.» (РО ИРЛИ. Ф. 496).

¹⁸⁹ «Старые деловые связи выросли в дружеские, и уход его из жизни для меня большая личная потеря» (Там же).

¹⁹⁰ См.: «Для “большого” издания Пушкина смерть П<авла> Е<лисеевича> почти катастрофа, ибо прочие члены глав<ной> ред<акции> далеки от издания и очень мало связаны с фактическими редакторами отд<ельных> томов. Пока что я взял на себя руководство всеми делами по оконч<анию> малого издания (в обоих его вариантах), а “Путеводитель по Пушк<ину>” самим Пав<лом> Елис<еевичем> сдан был в технич<ескую> обработку Томашевскому и Якубовичу. Возможно, что глав<ная> редакция поручит все дела по большому изд<анию> М. А. Цявловскому. Всех нас смущает только его вопиющая неделовитость...» (Там же).

¹⁹¹ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1430. Л. 48. Впервые опубликовано М. А. Фроловым (см.: Проблемы текстологии в научном наследии Ю. Г. Оксмана. С. 83).

Прежде чем перейти к описанию нового этапа в эволюции идеи академического издания ПСС Пушкина, следует остановиться на сопоставлении структуры двух шеститомников — краснониевского и ГИХЛовского¹⁹².

№ тома	КН	ГИХЛ 1931–1933	ГИХЛ 1934 ¹⁹³
I	Стихотворения 1814–1825 (512 текстов + приложение) <i>Ред. М. А. Цявловский</i>	Стихотворения 1814–1825 (514 текстов + приложение) <i>Ред. М. А. Цявловский</i>	Стихотворения 1814–1825 (519 текстов + приложение) <i>Ред. М. А. Цявловский</i>
II	Стихотворения 1826–1836 (364 текста + приложение) <i>Ред. М. А. Цявловский</i> Сказки <i>Ред. Ю. Н. Верховский</i>	Стихотворения 1826–1836 (360 текстов + приложение) <i>Ред. М. А. Цявловский</i> Сказки (не указ. на титульном листе тома)	Стихотворения 1826–1836 (361 текст + приложение) <i>Ред. М. А. Цявловский</i> Сказки (не указ. на титульном листе тома)
III	Поэмы, драмы <i>Ред. С. М. Бонди, Б. В. Томашевский и П. Е. Щеголев</i> *Выделен специальный раздел «Приложения»	Поэмы, драмы <i>Ред. С. М. Бонди, Б. В. Томашевский и П. Е. Щеголев</i> *Выделен специальный раздел «Приложения»	Поэмы, драмы <i>Ред. С. М. Бонди, Б. В. Томашевский и П. Е. Щеголев</i> *«Приложений» нет
IV	«Евгений Онегин» + «Приложения» <i>Ред. Б. В. Томашевский</i> Повести + «Отрывки» и «Планы» <i>Ред. С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, П. Е. Щеголев, Д. П. Якубович</i>	«Евгений Онегин» + «Приложения» <i>Ред. Б. В. Томашевский</i> Повести + «Отрывки и наброски» и «Планы» <i>Общ. ред. Ю. Г. Оксман</i> «Путешествие в Арзрум...» <i>Ред. Ю. Н. Тынянов</i>	«Евгений Онегин» + «Приложения» <i>Ред. Б. В. Томашевский</i> Повести + «Отрывки и наброски» и «Планы» <i>Общ. ред. Ю. Г. Оксман</i> «Путешествие в Арзрум...» <i>Ред. Ю. Н. Тынянов</i>

¹⁹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1933. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно — ГИХЛ 1931–1933. Реконструкция истории подготовки собраний сочинений Пушкина Государственным издательством художественной литературы (с 1934 г. ГИХЛ именовался Гослитиздатом, однако обозначение на титульных листах не изменилось) находится за рамками настоящего исследования.

¹⁹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, М. А. Цявловского, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно — ГИХЛ 1934.

	«Путешествие в Арзрум...» <i>Ред. Ю. Н. Тынянов</i> *Выделен специальный раздел «Приложения»	*Выделен специальный раздел «Приложения»	*Выделен специальный раздел «Приложения»
V	Критика, история, автобиография <i>Ред. Н. К. Козмин, Н. О. Лернер, Ю. Г. Оксман, П. Е. Щеголев</i>	Критика, история, автобиография [Кн. 1:] Опубликовано и подготавливавшееся к печати <i>Ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголев</i> Критика, история, автобиография [Кн. 2:] Неизданное и черновое <i>Ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголев</i>	Критика, история, публицистика: Опубликованное и подготавливавшееся к печати <i>Ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголев</i>
VI	Путеводитель по Пушкину [Ред. Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович]	— ¹⁹⁴	Критика, история, публицистика: Неизданное и черновое <i>Ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголев</i>

Таблица наглядно демонстрирует различия на первый взгляд однотипных изданий. «Параллельно с “красноивским” шеститомник начал выходить другим изданием, по особой подписке. В издание были внесены исправления и изменения, впрочем, *весьма незначительные*», — замечает Е. О. Ларионова¹⁹⁵. Вместе с тем обращает на себя внимание (помимо действительно незначительной доработки М. А. Цявловским томов лирики) существенная переработка тома «Критики, истории и автобиографии», проведенная Ю. Г. Оксманом. «Недавно только закончил работу по малому Пушкину, — писал он Н. К. Пиксанову 25 мая 1931 года, — перестроив и заново выверив для отд<ельного> издания всю критико-публиц<истическую>, историч<ескую> и автобиограф<афическую> прозу Пушкина.

¹⁹⁴ Ср.: «На титульных страницах всех пяти томов значится “Полное собрание сочинений в шести томах” — по существу томов — 5, а книг — 6» (ГИХЛ 1931–1933. Т. 5. С. 501).

¹⁹⁵ Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 21; курсив мой — В. Т.

(Худ<ожественную> прозу сдал еще в нач<але> года.) Довольно много нашел, вернее прочел, и нового — например, план введения в “Ист<орию> Петра Великого”, несколько социально-экономических заметок и т. п. Много бился, разрешая вопрос о композиции пестрого материала, но в общем доволен, хотя и пойдет вся моя работа под чужим флагом номинальных редакторов»¹⁹⁶. Компоновка томов критической (критико-публицистической) прозы — одна из сложнейших задач ПСС Пушкина, о которой пойдет речь далее применительно к советскому академическому изданию. Здесь же важно отметить, что работа Оксмана, проведенная в 1930–1931 годах в рамках подготовки малых шеститомных изданий, стала первым удачным опытом концептуального осмысления этого материала, который был положен в основу аналогичных книг 9-томного ПСС, вышедшего к пушкинскому «юбилею» в издательстве «Academia»¹⁹⁷.

В приведенной таблице также наглядно показано изъятие из ГИХЛ 1931–1933 «Путеводителя по Пушкину» (КН. Т. 6) с сохранением шеститомной структуры издания в ГИХЛ 1934 и дальнейших переизданиях.

«Путеводитель» был задуман Щеголевым в качестве альтернативы при-/послетекстовому комментарию и мыслился как органичная часть собрания сочинений для широкой читательской аудитории. Сформировав первоначальный словник при участии В. А. Мануйлова, Щеголев передал дальнейшую работу над «Путеводителем» Б. В. Томашевскому и Д. П. Якубовичу. Задуманный изначально как «опыт “Пушкинской энциклопедии”»¹⁹⁸, справочный том был сокращен по требованию издательства путем изъятия практически всех обзорных статей и

¹⁹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 496. Ср.: «Я совсем погиб в последние недели из-за бесконечных корректур тома Пуш<кина> в изд<ательстве> “Кр<асной> нивы”, IV и V т<омов> в отд<ельном> ГИЗ издании, да двух декабр<истских> сборников. Поэтому ни на что не способен, никуда не выхожу даже и трубку с телеф<она> снял, а сам одурел. Кончатся все эти бедствия недели через три-четыре, но меня, вероятно, свезут к Николаю Чудотворцу...» (письмо И. Я. Айзенштоку от 11 марта 1931 г.).

¹⁹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. [М.; Л.]: Academia, 1935–1937. Т. 1–6, 8–9; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 7. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно — Acad. в 9 т.

¹⁹⁸ Цит. по: Из истории справочных пушкинских изданий / Публ. И. С. Чистовой // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 278.

библиографических отсылок и минимизации цитирования. Несмотря на то, что одна из задач, кажется, была выполнена¹⁹⁹ — читатель получил справочник, содержащий необходимые разъяснения для условно «полноценного» понимания и восприятия пушкинского текста (словник «Путеводителя» содержит около 2700 позиций, включая как объемные статьи, вынесенные в список «важнейших», — *Байрон, вина* (описаны «обычные в быту вина», включая гоголь-моголь), *Лицей, элегия* и др., так и краткие толкования — *булат, ключница, турнир* и др.), — другая задача, которая заключалась в основательной систематизации и «насыщенном описании» контекста жизни и творчества Пушкина, осталась нерешенной. В предисловии к «Путеводителю» редакторы выразили надежду на его продолжение: «Редакция отчетливо видит недостатки, промахи и пробелы “Путеводителя”. Над ним нужна дальнейшая работа. Мы уверены, что это — не последнее его издание»²⁰⁰. Однако в ходе переиздания «краснониевского» собрания сочинений Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ) в 1931–1933 годах договориться о подготовке «Путеводителя» в первоначальном, расширенном виде не удалось. Т. Г. Зенгер-Цявловская, получив на руки вышедший из печати четвертый том нового издания в конце января 1933 года, писала Якубовичу: «Путеводитель зарезан самым решительным образом, о чем уже есть и лаконичная вкладка в IV томе».²⁰¹ Это обстоятельство послужило катализатором для развития другого проекта — Пушкинской энциклопедии, обсуждение которой относится к концу 1933 – началу 1934 годов²⁰².

¹⁹⁹ Безусловно, для внешнего наблюдателя, не пушкиноведа, не существовало никаких задач, кроме одной — «*приблизить Пушкина к широким массам, сделать его доступным для читателя из рабочих и крестьян, для каждого учащегося*» (*Бедный Д., Луначарский А., Соловьев В.* От редакции // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 5; курсив мой — В. Т.).

²⁰⁰ Там же. С. 7.

²⁰¹ РО ИРЛИ. Ф. 800. № 173. Л. 8.

²⁰² О дискуссиях вокруг московского и ленинградского проектов «Пушкинской энциклопедии» в 1933–1934 гг. см.: *Турчаненко В. В.* Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы: К истории справочных пушкинских изданий // *Турчаненко В. В., Цыганов Д. М.* «Пушкин наш, советский!» С. 214–239.

«Большой» Пушкин, задуманный Щеголевым, так и не был реализован. После его смерти подготовка текстов и комментариев для этого издания по инерции продолжалась, судя по всему, вплоть до конца 1931 года под формальным руководством М. А. Цявловского. Об этом свидетельствует в том числе полная рассогласованность работ над большим и малыми ПСС: так, 31 декабря Н. К. Козминым были отправлены в Отдел классиков ГИХЛ текст и комментарии к тому критической прозы для 12-томного ПСС, сделанные по старому плану²⁰³. «Большой Пушкин как будто бы приказал долго жить. По крайней мере, его нет в планах 1932 г. Что будет с нашей работой — не знаю, хотя почти два года потрачено на нее, да и какой работы!» — сетовал Ю. Г. Оксман²⁰⁴.

1. 4. Реорганизация Пушкинской комиссии. Проект нового академического издания

Намечая вехи истории пушкиноведения, нельзя не отметить схожие стратегии реагирования научного сообщества на утрату лидера, крупной фигуры, обеспечивающей продвижение тех или иных проектов, прежде всего издательских. Так, смерть П. Е. Щеголева запустила в кругу пушкинистов те же процессы, что и кончина Л. Н. Майкова в 1900 году. Необходимость консолидации научных сил для продолжения работы выразилась в обоих случаях в организации *Пушкинской комиссии*²⁰⁵.

28 апреля 1931 года в Институте русской литературы²⁰⁶ под председательством А. В. Луначарского — бывшего наркома просвещения, а с февраля 1931 г.

²⁰³ РО ИРЛИ. Ф. 387. № 181. Л. 11–11 об.

²⁰⁴ Там же. Ф. 496; письмо от 25 декабря 1931 г.

²⁰⁵ В 1931 г. старая комиссия была *реорганизована* на новых основаниях.

²⁰⁶ На протяжении 1930–1940-х гг. Институт несколько раз менял свое официальное название (Институт новой литературы, Институт русской литературы, Институт литературы). Для удобства изложения здесь и далее используются названия, принятые в настоящее время: и Институт русской литературы (ИРЛИ), и Пушкинский Дом.

директора Института²⁰⁷ — состоялось первое заседание Пушкинской комиссии Академии наук при ИРЛИ²⁰⁸. Определив своей задачей «содействие росту и развитию пушкиноведения»²⁰⁹, комиссия постановила в первую очередь сконцентрировать силы ленинградских и московских пушкинистов вокруг подготовки научного издания факсимиле рукописей Пушкина, идея которого принадлежала покойному П. Е. Щеголеву²¹⁰. Секретарем комиссии был назначен аспирант Луначарского Д. П. Якубович²¹¹.

Некоторое время работа Пушкинской комиссии сводилась к организационному сопровождению факсимильного издания. Однако уже в следующем 1932 году круг задач и сферы влияния комиссии стали стремительно расширяться. Так, Б. В. Томашевский представил план работ и инструкцию по составлению научного описания пушкинских рукописей, Д. П. Якубович включился в процесс реорганизации музея в последней квартире Пушкина, постепенно начала оформляться собственно научная повестка заседаний Пушкинской комиссии²¹².

²⁰⁷ О деятельности Луначарского в качестве директора ИРЛИ см.: *Ровда К. И.* Луначарский — академик и директор Пушкинского Дома: (Из документов и воспоминаний) // А. В. Луначарский: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 207–232.

²⁰⁸ Впоследствии название комиссии трансформировалось: сначала — Пушкинская комиссия ИРЛИ (с апреля 1932 г.), затем — Пушкинская комиссия Академии наук СССР (с декабря 1933 г.).

²⁰⁹ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 169.

²¹⁰ Серию факсимильных изданий, которыми предполагалось охватить все автографы Пушкина, решено было начать с рабочей тетради ПД 845 (ЛБ 2374): «Альбом избран Пушкинской комиссией в качестве первого выпуска ввиду возможности показа на нем многообразия творческого процесса Пушкина. <...> Большая часть альбома представляет собою первые слои черновиков, перемешанных с беловиками, программами, рисунками, записями» ([*Якубович Д. П.*] Фототипическое издание рукописей А. С. Пушкина // *Вестник АН СССР*. 1933. № 10. Стб. 67).

²¹¹ Краткую научную биографию Д. П. Якубовича написал его коллега и ближайший товарищ Б. В. Томашевский (см.: *Томашевский Б. В.* Д. П. Якубович // *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 5–14). См. также: *Турчаненко В. В.* На службе советского академического пушкиноведения: Случай Дмитрия Петровича Якубовича // *Турчаненко В. В., Цыганов Д. М.* «Пушкин наш, советский!» С. 614–642.

²¹² По результатам фронтального обследования документов фонда ИРЛИ в СПбФ АРАН была подготовлена хроника работ Пушкинской комиссии, см.: *Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР

Ранний этап деятельности комиссии был предсказуемо хаотичен. Во-первых, в начале 1930-х годов Институт переживал тяжелейшие последствия кадровой чистки в ходе «академического дела» 1929–1931 гг.: первое поколение пушкинодомцев-единомышленников было насильно изъято из научной жизни²¹³, а пришедшее ему на смену оказалось столь разнородным — как в классовом и политическом отношении, так и в отношении профессиональной подготовки (и даже наличия профильного образования!), — что руководство Института долгое время не могло наладить работу в научных и фондовых подразделениях²¹⁴. Эта классово-политическая неоднородность проникала в научно-организационную и научную полемику, где «правильные» политические взгляды становились все более весомыми аргументами. Тема «своих» и «чужих»²¹⁵ становится лейтмотивом существования Пушкинского Дома после «академического дела» на многие

в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34. С. 144–180. Исправления и дополнения см.: Турчаненко В. В. «Содействовать росту и развитию советского пушкиноведения»: К истории работы Пушкинской комиссии Академии наук СССР в 1931–1936 годах // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!» С. 296–335.

²¹³ Незадолго до трагических для Пушкинского Дома событий рубежа 1920-х–1930-х гг. ушли из жизни его отцы-основатели — Н. А. Котляревский († 12 мая 1925 г.) и Б. Л. Модзалевский († 3 апреля 1928 г.). По «академическому делу» были осуждены — без права восстановления в структурах Академии — С. Ф. Платонов, Н. В. Измайлов, М. Д. Беляев, Б. И. Коплан и др., многие сотрудники были принуждены к увольнению. В личной переписке в это время встречается подцензурный эвфемизм «болезнь» (арест): «Измайлов серьезно “заболел”, и “болезнь” неизвестна. Это случилось 14–15 числа», — писал Л. Б. Модзалевский М. А. Цявловскому 18 ноября 1929 г. (см.: Краснородько Т. И. П. М. Устимович и его воспоминания об А. А. Олениной (Андро) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб., 2022. С. 30–31). Отмечу, что после отбытия сроков в лагерях и ссылке некоторые пушкинодомцы первого поколения на договорной основе работали для АПСС (Н. В. Измайлов, М. Д. Беляев, Б. И. Коплан).

²¹⁴ Существует и другое объяснение этим реалиям: описанный хаос — следствие процесса т. н. «методологической перестройки» науки о литературе путем внедрения «современного научного метода на основе марксизма-ленинизма» (Ровда К. И. Луначарский — академик и директор Пушкинского Дома. С. 212).

²¹⁵ Ср. риторику в письме Т. И. Немчиновой к В. В. Бушу в преддверии обследования специальной комиссией работы отдела БАН при ИРЛИ осенью 1933 г.: «Помощи все равно такого рода обследование не даст. Оно уже <...> укрепило позиции <Л. Г.> Гринберг, явно чуждого человека (увы, моя ошибка), который в нынешней ситуации становится одиозной провокационной, хотя и мелкой, фигурой» (ОР РНБ. Ф. 117. № 177. Л. 15 об.).

десятилетия вперед и является важным фактором, который нельзя исключать при рассмотрении собственно научных проектов²¹⁶.

Во-вторых, пушкинисты продолжали доработку красноивского собрания сочинений для нового, ГИХЛовского издания; особенно хлопотной была работа над вторым изданием «Путеводителя по Пушкину», который позднее оказался «зарезан» издательством в целях экономии средств²¹⁷.

Наконец, какое-то время Пушкинская комиссия попросту не могла продвигать свои решения и проекты из-за отсутствия «тяжеловеса»: Луначарский (председатель) редко бывал в Институте, Оксман предпочел сохранить за собой статус заместителя председателя комиссии. В апреле 1932 года в состав комиссии — по политическим соображениям — был введен специалист по древнерусской литературе академик А. С. Орлов, которому впоследствии будет суждено формально возглавить не только пушкинистов, но и Институт. «В Пушкинскую комиссию вошел акад<емик> А. С. Орлов; меня привлекли в Пушкинскую бригаду наравне с аспирантами; и вообще пошел кавардак, — сообщал 4 мая 1932 года Л. Б. Модзалевский Цявловским. — Орлов ничего не понимает в Пушкинских делах, и я не знаю, что из этого всего выйдет путного»²¹⁸.

С реорганизованной (возрожденной) Пушкинской комиссией АН СССР связан и новый этап в истории большого издания полного собрания сочинений Пушкина. Возвращение к идее подготовки такого издания было определено, во-первых, институциональным закреплением в Академии наук ряда исследователей, занимавшихся подготовкой пушкинских изданий ГИЗа и ГИХЛа, и, во-вторых, окончательным организационным провалом большого 12-томного издания.

²¹⁶ Об обстоятельствах политического преследования Ю. Г. Оксмана в преддверии пушкинского «юбилея» 1937 г. скажу отдельно далее; здесь же дам отсылки к уже разработанным на документальном материале сюжетам более позднего времени — см., например: *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг.: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2; *Имя Пушкинского Дома и райкомовский архив* / Публ. Л. Турандиной, сопр. текст и примеч. А. Арьева // Звезда. 2019. № 4. С. 189–225.

²¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 800. № 173. Л. 8.

²¹⁸ Там же. Ф. 387. № 238. Л. 13 об.

Проект нового академического издания, представленный осенью 1932 года, был разработан Д. П. Якубовичем при участии Ю. Г. Оксмана. Принципиальные установки Пушкинской комиссии в отношении АПСС Якубович лаконично сформулировал в письме к Цявловскому от 2 октября:

«1. Издание осуществляется к 1937 году не менее чем в 12 томах (все, написанное Пушкиным).

2. Редактура издания должна быть *коллективной* (редактора отдельных томов представляют свою работу на рассмотрение Комиссии).

3. Академическое издание Пушкина должно быть осуществлено как *особое* издание, не могущее быть включенным в общие серии изданий русских классиков»²¹⁹.

Эти установки, разделяемые и москвичами, обозначили линию полемики с членом-корреспондентом АН Н. К. Пиксановым²²⁰, который был приглашен в Институт русской литературы для заведования Рукописным отделом. Переезд Пиксанова из Москвы в Ленинград был связан в том числе и с его издательскими амбициями: по неофициальным договоренностям с непременным секретарем АН СССР В. П. Волгиным за Пиксановым закреплялось руководство серией «Академическая библиотека русских писателей», которую предполагалось перевести из ГИХЛа в Академию наук²²¹.

16 и 21 октября 1932 года состоялись заседания, посвященные обсуждению проекта академического издания. Рассмотрим основные его положения, которые

²¹⁹ Там же. № 362. Л. 35–35 об. Письмо окончено и отправлено 11 октября 1932 г.

²²⁰ Этот эпизод истории академического издания ПСС Пушкина получил подробное освещение в публикации, подготовленной преимущественно на материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (см.: Турчаненко В. В. Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. Таллин, 2020. [Вып.] 18. С. 64–74).

²²¹ См. письмо Ю. Г. Оксмана к И. Я. Айзенштоку от 13 апреля 1932 г.: «Из новостей Ленинградских — переезд в бывш<ий> Пушк<инский> Дом Н. К. Пиксанова. Будет он организовывать Библ<иотеку> академич<еских> классиков и пр. Пока он знакомится с делами, а переезжает окончат<ельно> через месяц». Пиксанов был оформлен в ИРЛИ с 1 июня 1932 г. (см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 504).

были отражены в докладной записке, представленной В. П. Волгину 27 октября 1932 года²²².

«Новое, советское Академическое издание всех сочинений А. С. Пушкина» включалось в пятилетний план (на 1933–1937 годы) Пушкинской комиссии ИРЛИ АН СССР — с тем, чтобы закончить издание с некоторым опережением, точно к столетней годовщине смерти Пушкина. Размах издания (его финансовое обеспечение, широкое освещение в печати и т. п.) должен был соответствовать юбилейному изданию сочинений Л. Н. Толстого, начатому в 1928 году²²³.

Необходимость подготовки нового академического собрания сочинений Пушкина в докладной записке получила объемную мотивировку, включая обстоятельную критику предыдущих изданий — и в первую очередь старого АПСС: «Единоличные принципы редактирования отдельных томов специалистами разных научных школ и порою неспециалистами по чтению пушкинских рукописей давали простор крайнему субъективизму и случайности в отборе и осмыслении пушкинского рукописного материала в старом академическом издании. Отсутствие единого типа “белового” пушкинского текста, случайность выбора вариантов, разноречивость в публикации транскрипций, непечетность многих текстов или неверная их композиция, наконец, отсутствие взаимного контроля — главнейшие, не раз отмечавшиеся недостатки старого Академического издания»²²⁴. В противовес старым, дореволюционным принципам работы над ПСС выдвигалась идея «лабораторной редакторской работы *коллектива* ученых специалистов-пушкиноведов, взаимно контролирующих и направляющих работы друг друга».

²²² СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 117–119 об. Машинописная копия, подписанная Д. П. Якубовичем. На л. 117 — карандашная помета А. С. Орлова: «Предъявлен Н<спременному> С<екретарю> 27/X 32».

²²³ «Если Ленин писал о Толстом, что он “дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов”, то справедливо и замечание А. В. Луначарского: “Эти слова Ленина еще больше относятся к Пушкину”. Ведь Ленин ценил Пушкина за его “доступность миллионам умов, за то, что он ввел поэзию в обиход народной жизни, за солнечную, бьющую ключом жизнерадостность”» (Там же. Л. 117).

²²⁴ Там же. Л. 117–117 об.

Особый акцент был сделан на наличии совместного опыта работы у этого коллектива: подготовка малых ПСС для «Известий» (приложение к «Красной ниве») и Государственного издательства художественной литературы, а также несостоявшегося большого 12-томного ПСС по заказу Госиздата; работы Пушкинской комиссии по научному описанию рукописей и их факсимильному изданию²²⁵.

Впервые в отечественной практике издания классиков был предложен беспрецедентный подход к *полноте корпуса* публикуемых текстов: помимо художественных, критико-публицистических и мемуарных текстов было решено публиковать практически всё, написанное рукой Пушкина (включая документы официального и бытового характера); за рамками издания оставались лишь рисунки²²⁶, а также вычисления и отдельные слова или фразы, которые не представляют собой «смысловых единиц». Все тексты предполагалось публиковать в современной орфографии, снабдив редакторов краткой орфографической инструкцией, которая бы учитывала «подлежащие воспроизведению особенности фонетики Пушкина»²²⁷.

Утвержденный для всего издания *жанрово-хронологический принцип композиции* (тексты распределяются сначала по жанрам; внутри каждого жанра

²²⁵ В записке также упомянуты — в качестве подготовительных работ к новому АПСС — трехтомное издание писем Пушкина (*Пушкин А. С. Письма* / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 1 (1815–1825); 1928. Т. 2 (1826–1830); *Пушкин А. С. Письма, 1831–1833* / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л.: Academia, 1935) и «Несобранный Пушкин» (речь идет о книге «Рукою Пушкина», вышедшей в 1935 г. под грифом Пушкинской комиссии в специальной серии «К столетию со дня гибели А. С. Пушкина» издательства «Academia»).

²²⁶ Первоначально предполагалось включить в проект и том рисунков Пушкина, однако по предложению Б. В. Томашевского было решено — в силу технических трудностей их воспроизведения и отсутствия специальных подготовительных научных работ — готовить впоследствии отдельное издание рисунков, вне АПСС (см.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 127). Эту же точку зрения разделял и М. А. Цявловский, не принимавший участия в заседаниях Пушкинской комиссии осенью 1932 года в Ленинграде: «Что касается рисунков, то если уж их издавать, то в виде приложения <к изданию> особым альбомом. Во всяком случае об этом сейчас говорить преждевременно. Я надеюсь, что фототипическое издание всех рукописей все же будет издаваться» (РО ИРЛИ. Ф. 800. № 174. Л. 5).

²²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 119.

располагаются в хронологическом порядке) предполагалось нарушить лишь в томах стихотворений, положив за основу прижизненные пушкинские сборники²²⁸ (для лицейской лирики — план, набросанный Пушкиным на обороте последнего листа стихотворения «Пирующие студенты»²²⁹) и дополнив не вошедшими в них текстами. Общий план издания предполагал выпуск 14 томов по 45–50 печатных листов каждый²³⁰ и выглядел следующим образом:

№ тома	Содержание	Предварительный объем ²³¹
I	Поэмы, сказки	24,6
II	«Евгений Онегин»	14
III	Драматургия	14
IV	Лирика	13,5
V		18,5
VI		18,4
VII	Художественная проза	31
VIII	Критическая проза	около 90
IX	Историческая проза	
X		
XI	Автобиография	
XII	Переводы, выписки, материалы, замечания на чужих книгах, документы	
XIII	Письма	16
XIV	Письма	20

Проект нового АПСС декларировал отказ от «неудобочитаемых» транскрипций черновых автографов, «не дающих читателю представления о динамике творческого процесса» (их предполагалось сохранить лишь в факсимильном издании). Пушкинисты предлагали ввести *динамическую систему*

²²⁸ Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826; Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829. Ч. 1–2; 1832. Ч. 3; 1835. Ч. 4.

²²⁹ См.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 225–226.

²³⁰ Ср. пояснения Д. П. Якубовича в письме к М. А. и Т. Г. Цявловским: «В среднем же на каждый из томов я ориентировочно считал до 50 п<ечатных> л<истов>, понимая всюду под термином комментариев и варианты, чернов<ые> редакции и проч. Таким образом, если бы Акад<емия> наук пошла целиком на наш проект, листаж был бы достаточным» (РО ИРЛИ. Ф. 387. № 364. Л. 6 об.–7).

²³¹ Указан в печатных листах без учета комментариев.

подачи всех вариантов («издание отмечает их последовательность, моменты их прикрепления к стержневому тексту, их взаимоотношение и функцию»²³²), которая, однако, к тому времени еще не была разработана²³³.

Наконец, издание планировалось снабдить кратким по форме, но содержательно емким *комментарием* четырех типов: биографическим (связь текста с биографией Пушкина, датировка), историко-текстовым (источники текста, сведения о публикациях, «кратко-толковая библиография»), историко-литературным и реальным. Вопрос *адресации* издания специально не прорабатывался; в докладной записке он возникает как раз в привязке к научному аппарату, который «должен <...> учитывать возможность обращения не только узкого специалиста, но и обычный тип культурного советского работника»²³⁴.

Сохранившиеся протоколы заседаний октября 1932 года отражают (к сожалению, не в полной мере — один из документов был отредактирован Пиксановым) принципиальные расхождения между позициями Пушкинской комиссии и Н. К. Пиксанова. Суть спора сводилась к *организационному контролю* «юбилейного» издания — это положение определило ход дискуссии о *формате* ПСС. Предполагая издавать в преддверии «юбилея» 1937 года собрание сочинений Пушкина в серии «Академической библиотеки русских писателей» под *собственной* редакцией, Пиксанов осознавал, что качественный прорыв по отношению к предыдущим пушкинским изданиям без участия пушкинистов ему обеспечить не удастся. В связи с этим он отстаивал необходимость подготовки еще

²³² СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 118.

²³³ «Очень трудный вопрос — вопрос о способе подачи черновых текстов. Тат<ьяна> Григ<орьевна> для гихловского издания попробовала отказавшись от полной “статической” транскрипции, дать отчасти пересказ или описание чернового текста в соединении с приведением вариантов и с транскрипцией отдельных частей текста. Покойный Щеголев высказывался (нерешительно) за такой способ», — писал М. А. Цявловский Д. П. Якубовичу 16 октября 1932 г. (РО ИРЛИ. Ф. 800. № 174. Л. 2). «Вопрос о *способе подачи черновых текстов* развернуть во всем объеме пока не было возможным. Ленинградцы все высказывались только решительно против статической транскрипции», — отвечал Якубович 30 ноября (Там же. Ф. 387. № 364. Л. 7).

²³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 118 об.

одного «репетиционного, опытного» издания²³⁵. Пушкинская комиссия в лице Д. П. Якубовича, Ю. Г. Оксмана и Б. В. Томашевского, напротив, настаивала на осуществлении нового *академического* издания, работы по которому смогли бы существенно продвинуть пушкинскую текстологию. Так, Томашевский отмечал, что обращение к автографам — в отсутствие полноценного академического издания — необходимо при подготовке любого текста Пушкина: еще одно «“малое” издание, несомненно, сорвало бы работу по большому изданию, так как в такой срок немислимо дважды проделать работу над рукописями для принципиального различных между собою “малого” и большого изданий»²³⁶. По мнению Томашевского, именно параллельная работа над малыми шеститомниками («Красной нивы» и ГИХЛа) и большим 12-томным изданием по заказу ГИЗа «сорвала» последнее. «Следовательно, наступил момент, когда нужно с большого юбилейного издания *начинать*, а не наоборот», — резюмировал Томашевский²³⁷.

Ту же позицию разделял и москвич М. А. Цявловский, оживленную переписку с которым поддерживал секретарь Пушкинской комиссии Д. П. Якубович: «Начинать пиксановский вариант как еще один опыт “преакадемического” издания, значит, во-первых, откладывать на неопределенное время настоящее академическое издание и, во-вторых, делать в научном смысле ненужное издание, ибо, выходит, оно будет и не академическое, и не популярное. Последнее сейчас имеется или, вернее, скоро (это “скоро”, конечно, относительно) будет иметься — разумею ГИХЛовский шеститомник (или даже пятитомник, т<ак> к<ак> вопрос о шестом томе для меня теперь неясен). Это (ГИХЛовское) издание, положа руку на сердце, скажу — очень и очень приличное издание. Имея с него матрицы, ГИХЛ мог бы удовлетворять голод по Пушкину, выпуская издание за изданием (вернее, выпуская все новые и новые тиражи)»²³⁸.

²³⁵ Там же. Л. 111.

²³⁶ Там же. Л. 114.

²³⁷ Там же. Л. 115.

²³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 800. № 174. Л. 4.

Однако вполне убедительная аргументация пушкинистов не удовлетворяла Пиксанова (напомню, что рассматривать эту дискуссию исключительно в научной плоскости в корне неверно). Используя любую возможность сохранить за собой право единоличной редакции Пушкина²³⁹, Пиксанов на очередном заседании Пушкинской комиссии 21 октября готов был согласиться на реализацию двух изданий — в серии «Академическая библиотека» и собственно академического, однако требовал начинать с облегченного, которое может быть сделано за 3 года²⁴⁰.

Следует заметить, что описанный конфликт не удалось разрешить ни внутри Института, ни силами Редакционно-издательского совета Академии наук. Так, на очередном заседании Пушкинской комиссии 31 октября выяснилось, что академик В. П. Волгин в ходе индивидуальных бесед после заседания РИСО с академиком А. С. Орловым и секретарем комиссии Якубовичем изложил разные точки зрения на возникшую проблему с двумя издательскими проектами²⁴¹. Противостояние Пушкинской комиссии и Н. К. Пиксанова, импульсивные действия которого сменились впоследствии взвешенной стратегией, направленной против группы пушкинистов, москвичи Цявловские называли не иначе как «войной»: «Очень меня огорчает разгоревшаяся война между Пушк<инской> ком<иссией> и Пиксановым. Вместо того, чтобы делать дело, которого так много, приходится тратить столько времени и сил на эту борьбу. Я всецело на вашей стороне» (М. А. Цявловский); «Относительно войны с Пиксановым — конечно, он должен был пойти на мировую,

²³⁹ Отвечая на вопрос Якубовича о том, кто же будет делать издание в серии «Академическая библиотека русских писателей», Пиксанов замечал: «Делать это издание будут, конечно, те же пушкинисты, но, естественно, необязательно сохранить то же распределение материала между редакторами отдельных томов, что и в прежних изданиях» (СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 115).

²⁴⁰ Общий листаж проекта ПСС Пушкина в серии «Академическая библиотека» — 300 печ. листов (12 томов ориентировочно по 25 печ. л. каждый); проекта академического издания в редакции Якубовича и Оксмана — от 600 до 700 печ. листов (см.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 111, 119–119 об.; РО ИРЛИ. Ф. 387. № 362. Л. 40).

²⁴¹ Ср.: «Акад<емик> Волгин, не возражая против плана юбилейного большого издания, усомнился, однако, в возможности осуществления его целиком к 1937 году» (изложение беседы с Якубовичем); «Вопрос о двух изданиях сочинений Пушкина должен отпасть. Мыслимо только одно издание и именно в серии «Академической библиотеки русских писателей», но юбилейного характера» (изложение беседы с Орловым) (СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 108).

чтобы не оказаться в глупом положении. Но быть главным редактором акад<емического> Пушк<ина> ему “не к лицу и не по летам”. Для имени — оно не так звонко, как Демьян Бедный, он не академик, как Сакулин, он не пушкинист и не текстолог, как Щеголев. Нет, на это идти совершенно не стоит. <...> Его контроль, я несколько знаю по другим работам, всегда тяжел, деспотичен, враждебен и шумен» (Т. Г. Цявловская)²⁴².

25 ноября 1932 года в РИСО АН СССР поступил проект издания ПСС Пушкина в серии «Академическая библиотека русских писателей», подготовленный Н. К. Пиксановым²⁴³. Проект этот «отменял юбилейное <академическое> издание» и предполагал публикацию только творческих текстов и писем (не переписки) Пушкина с облегченным комментарием («уровень популярности комментария — неск<олько> выше, чем в школьн<ых> изд<аниях> классиков»), причем общая редактура издания «должна принадлежать ответственному редактору всей серии»; Пушкинской комиссии в соответствии с этим документом отводилась роль «консультативного органа»²⁴⁴. Установки проекта Пиксанова явно обозначили невозможность прийти к компромиссному варианту, на который, по всей видимости, надеялось руководство Академии наук. В этих условиях В. П. Волгин возложил выработку окончательного решения по вопросу издания сочинений Пушкина на особую комиссию. Ее состав приводит Якубович в письме к Цявловскому от 30 ноября 1932 года: академики А. С. Орлов, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, ученый секретарь ИРЛИ Ф. Ф. Канаев и заведующий Издательством АН СССР Н. И. Яковченко²⁴⁵.

²⁴² Цит. по: Турчаненко В. В. «Нельзя замалчивать вопиющих пробелов и срывов»: К истории советского пушкиноведения за двадцать лет // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!» С. 341–343.

²⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1933). № 13. Л. 21.

²⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 387. № 364. Л. 8 об.

²⁴⁵ Там же. Л. 10.

1. 5. Конференция пушкинистов 1933 года

Когда мы ехали из Москвы, нам говорили, что в Ленинграде холодно, надевайте шубы. Я два дня в Ленинграде и чувствую себя в такой раскаленной атмосфере, что никак не могу охладиться!

*Н. Ф. Бельчиков*²⁴⁶

3 февраля 1933 года в Институте русской литературы под председательством А. В. Луначарского состоялось открытое заседание Пушкинской комиссии²⁴⁷, которое определило развитие дискуссии о новом, советском, издании академического полного собрания сочинений Пушкина.

На этом заседании обозначилось существенное преимущество фигуры Н. К. Пиксанова и его плана издания сочинений Пушкина над проектом Пушкинской комиссии: так, несмотря на учреждение Президиумом Академии наук «главной редакционной тройки» в составе Максима Горького, А. В. Луначарского и В. П. Волгина, ответственным редактором всего издания был намечен Пиксанов, «известный своими хорошими организаторскими способностями и сильной волей». «Некоторая жесткость его характера здесь может быть только уместна, — отмечал в своем выступлении Луначарский, — мнение Президиума сложилось твердое и не подлежит обсуждению»²⁴⁸.

В этих условиях Пушкинской комиссии, члены которой упорно сопротивлялись принципу единоличной редакции, оставалось «разыграть последнюю карту» и постараться сместить Пиксанова с поста ответственного редактора будущего издания демократическим большинством на конференции²⁴⁹,

²⁴⁶ Из выступления Н. Ф. Бельчикова на конференции пушкинистов 8 мая 1933 г. (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 112).

²⁴⁷ На заседании присутствовало более 20 человек: члены Пушкинской комиссии, дирекция и сотрудники ИРЛИ, литературные критики и журналисты (см.: Турчаненко В. В. «Содействовать росту и развитию советского пушкиноведения». С. 314).

²⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 102.

²⁴⁹ Здесь и далее я использую несколько синонимов, которые были в ходу у современников: *конференция, пленум, съезд* — для обозначения научно-организационной встречи пушкинистов, которая состоялась в Ленинграде 8–11 мая 1933 г.

которая бы объединила пушкинистов Москвы и Ленинграда. Эта идея, долгое время витавшая в воздухе, была сформулирована М. А. Цявловским в нескольких письмах к Д. П. Якубовичу еще осенью 1932 года²⁵⁰ и была озвучена последним на заседании 3 февраля 1933 года. Секретарь Пушкинской комиссии настаивал на необходимости широкого вовлечения в работу пленума всех, кто так или иначе занимается изучением биографии и творчества Пушкина. «Нам важно, естественно, созвать его <пленум> с максимальным привлечением и использованием всех полезных людей, всех пушкинистов и, быть может, даже не одних пушкинистов. Здесь, конечно, не может быть и речи о каких-нибудь “ведомственных” соображениях. Речь должна быть о максимальном напряжении всех сил для создания полного советского Пушкина. Для этого должна быть обеспечена спокойная, товарищеская атмосфера», — заключил Якубович²⁵¹.

Протокол фиксирует скорее негативную реакцию Пиксанова на это предложение: он хотя и высказался в поддержку конференции, вместе с тем всячески стремился в присутствии Луначарского закрепить за собой ведущую роль в новом ПСС, отмечая свое участие в нем не как «уполномоченного с ответственными функциями», а именно как *ответственного редактора*²⁵².

Наметившийся очередной виток конфликта был купирован Луначарским, который постановил провести конференцию, которая «объединит все наличные силы пушкиноведения», 12–13 марта 1933 года, возложив ее подготовку на ученого секретаря ИРЛИ Ф. Ф. Канаева, Н. К. Пиксанова и Д. П. Якубовича²⁵³.

²⁵⁰ «Необходим съезд ленинградцев с москвичами. Подумайте, как это сделать» (РО ИРЛИ. Ф. 800. № 174. Л. 5 об.; письмо от 8 ноября 1932 г.). См. также письмо от 16 октября (Там же. Л. 2).

²⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 104.

²⁵² Там же. Л. 103.

²⁵³ Изложение событий 3 февраля 1933 г. см. в письме Д. П. Якубовича к М. А. Цявловскому от 24 февраля: «На заседании Комиссии <...> (заседание было открытым и присутствовало много народу) А. В. Луначарский в категорической форме заявил, что назначение Пиксанова Президиумом АН на должность ответственного редактора Ак<адемического> издания состоялось и *не подлежит обсуждению*. Исходя из последнего соображения, я высказался в том смысле, что Комиссия стояла и стоит на точке зрения необходимости коллективной редакции, но, принимая факт назначения, не может возражать против ответств<енного> уполномоченного, однако считает необходимым срочный созыв пленума. Луначарский приветствовал последнее.

Впоследствии намеченные даты неоднократно сдвигались в связи с ухудшением самочувствия Луначарского. Подготовка к конференции осложнялась разногласиями внутри ее оргкомитета: так, Пиксанов стремился существенно сузить круг участников и лишить их возможности выступить с докладами²⁵⁴. Незадолго до конференции, которая была в очередной раз перенесена — теперь уже на 8–10 мая 1933 года, Якубовичу все же удалось отстоять включение в состав ее делегатов М. П. Алексеева, Н. С. Ашукина, Н. О. Лернера, А. Г. Фомина, А. М. Эфроса и Н. В. Яковлева, присутствие которых на заседаниях мыслилось Пиксановым как «нежелательное»²⁵⁵.

Список участников конференции пушкинистов приведен в хроникальной заметке, опубликованной в «Вестнике Академии наук СССР»²⁵⁶. Мне показалось важным сопоставить его с перечнем предполагаемых участников пленума, которым были разосланы приглашения²⁵⁷, а также с лицами, изображенными на фотографии, сделанной в один из дней конференции²⁵⁸. «В связи с жесткой критикой Томашевского, звучавшей на конференции, символически, например, выглядит

Пиксанов заявил, что может быть только *ответственным редактором*. <...> Было постановлено созвать пленум в ИРЛИ на 12 марта» (РО ИРЛИ. Ф. 387. № 364. Л. 12–12 об.).

²⁵⁴ «На заседании назначенной тройки выяснилось, — писал Д. П. Якубович М. А. Цявловскому, — что Пиксанов мыслит уже не созыв конференции пушкинистов вообще, а созыв текстологов, необходимых ему для его издания. Все мои предложения о необходимости приглашения также и прочих пушкинистов (напр<имер>, Яковлева, Алексеева, Лернера, Сергиевского, Эфроса, Гроссмана и др.) резко отклонялись мотивировкой: “А какие тексты он публиковал?” <...> Однако на последующей беседе моей с Пиксановым, носившей, по крайней мере с моей стороны, вполне открытый, искренний характер, выяснилось, <...> что я считаю необходимым ставить *ряд докладов* текстологич<еского> характера (на конференции), Пиксанов считает нужным ставить только *один, свой доклад*, а остальным предоставить — прения» (Там же. Л. 12 об.–13).

²⁵⁵ РО ИРЛИ. Ф. 387. № 362. Л. 65 об.

²⁵⁶ Конференция пушкинистов // Вестник АН СССР. 1933. № 7. Стб. 35–38; подп.: М.

²⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 387. № 362. Л. 65 об.–66. Были приглашены, но не посетили конференцию: директор Института славяноведения академик Н. С. Державин, директор Института литературы А. В. Луначарский, директор Института востоковедения академик С. Ф. Ольденбург, литературовед и библиограф А. Г. Фомин.

²⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Воспроизведена в «Вестнике АН СССР» (1933. № 7), а также в ряде современных изданий, включая книги «Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005» (вклейка между с. 192 и 193) и «“Пушкин наш, советский!”: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху» (с. 316).

отсутствие ученого на коллективной фотографии ее участников, — замечает Е. О. Ларионова, — хотя, вероятно, оно объясняется вполне случайными причинами»²⁵⁹. В свете напряженных дискуссий, речь о которых пойдет далее, любопытно оценить расположение участников конференции в кадре: так, в противоположных его краях оказались, с одной стороны, союзники Д. П. Якубович и А. М. Эфрос, с другой — противостоявший им Н. К. Пиксанов вместе с Ф. Ф. Канаевым и В. В. Бушем (нынешний и предыдущий ученые секретари Института). По левую же руку от Пиксанова, в креслах первого ряда, сидит его протеже Д. С. Нестеров — сотрудник ИРЛИ, детали биографии которого были выяснены совсем недавно²⁶⁰. Примечательно (на фоне сидящего в первом ряду Нестерова) положение на фотографии члена-корреспондента Академии наук Н. К. Козмина (стоит в третьем ряду), участника старого АПСС.

Фамилия, инициалы	Список рассылки приглашений	Список участников в «Вестнике АН»	Фотография участников
Азадовский М. К.		✓	✓
Алексеев М. П.	✓	✓	✓
Ашукин Н. С.	✓	✓	✓
Бельчиков Н. Ф.	✓	✓	
Благой Д. Д.	✓	✓	✓
Бонди С. М.	✓	✓	✓
Буш В. В.		✓	✓
Винокур Г. О.	✓	✓	✓
Волгин В. П.	✓	✓	

²⁵⁹ Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 45–46.

²⁶⁰ Красноармеец, затем студент Ярославского педагогического института и аспирант Академии наук (тема научной работы — «Рабочий класс в буржуазной литературе 1880–1900-х гг.»), Дмитрий Семенович Нестеров был приглашен Н. К. Пиксановым в Рукописный отдел ИРЛИ для заведования архивами пушкинской эпохи (параллельно с работой в РО Нестеров редактировал институтскую стенгазету «На новых путях») (см.: Турчаненко В. В. «Пишу в стихах посланье в Сочи...»: Черноморские открытки Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича (лето 1933 года) // «... И не кончается строка»: Сб. в честь Марии Наумовны Виролайнен. СПб., 2024. С. 292). Нестеров был уволен из института в декабре 1933 г., когда на должность хранителя Пушкинского фонда был приглашен Л. Б. Модзалевский.

Гиппиус В. В.	✓	✓	✓
Гудзий Н. К.	✓	✓	✓
Державин Н. С.	✓		
Зенгер Т. Г.	✓	✓	✓
Казанский Б. В.		✓	✓
Канаев Ф. Ф.	✓	✓	✓
Клеман М. К.		✓	
Козмин Н. К.	✓	✓	✓
Лернер Н. О.	✓	✓	
Луначарский А. В.	✓		
Мануйлов В. А.		✓	✓
Модзалевский Л. Б.	✓	✓	✓
Морозов А. А.		✓	
Нестеров Д. С.		✓	✓
Оксман Ю. Г.	✓	✓	✓
Ольденбург С. Ф.	✓		
Орлов А. С.	✓	✓	✓
Переселенков С. А.		✓	✓
Пиксанов Н. К.	✓	✓	✓
Рейсер С. А.		✓	
Слонимский А. Л.		✓	
Томашевский Б. В.	✓	✓	
Тынянов Ю. Н.	✓	✓	✓
Фомин А. Г.	✓		
Цехновицер О. В.		✓	
Цявловский М. А.	✓	✓	✓
Чагин П. И.		✓	
Эфрос А. М.	✓	✓	✓
Яковлев Н. В.	✓	✓	✓
Якубович Д. П.	✓	✓	✓
<i>Всего, чел.</i>	27	35 ²⁶¹	25

Программа конференции пушкинистов, посвященной новому изданию ПСС Пушкина, изначально содержала два доклада — «Об академическом издании сочинений Пушкина» (Н. К. Пиксанов) и «Инструкция по редактированию

²⁶¹ В обзорной статье В. А. Мануйлова и Л. Б. Модзалевского «Хроника пушкиноведения за 1933 год» среди участников конференции не упомянуты Д. С. Нестеров, Ф. Ф. Канаев, О. В. Цехновицер (см.: Пушкин. 1834 год. Л., 1934. С. 153).

пушкинских текстов» (М. А. Цявловский), которые планировалось заслушать и обсудить в течение трех дней (с 8 по 10 мая 1933 года). Однако в ходе оживленных прений первого дня оказалось, что уложиться в три дня невозможно, из-за чего было принято решение продлить конференцию еще на день, до 11 мая включительно. Накануне конференции, 7 мая, состоялось расширенное научное заседание Пушкинской комиссии, на котором были запланированы выступления Цявловского, Томашевского и Якубовича. Затянувшийся доклад Томашевского («Стихотворные тексты Пушкина за пятнадцать лет») стал причиной переноса выступления Якубовича («Проза Пушкина за революционное пятнадцатилетие») на утреннее заседание конференции 9 мая. Таким образом, реконструированная по архивным документам хроника работы пушкинистов в мае 1933 года выглядит следующим образом²⁶²:

Дата, время	Событие	Участники²⁶³
7 мая 19:00	Научное заседание Пушкинской комиссии 1. Доклад М. А. Цявловского «Ульяновские рукописи Пушкина» ²⁶⁴ 2. Доклад Б. В. Томашевского «Стихотворные тексты Пушкина за пятнадцать лет» ²⁶⁵	
Конференция пушкинистов		
8 мая 12:30	Утреннее заседание 1. Вступительное слово В. П. Волгина 2. Доклад Н. К. Пиксанова «Об академическом издании сочинений Пушкина»	В. П. Волгин, А. С. Орлов, Ф. Ф. Канаев, Н. К. Пиксанов,

²⁶² См.: Турчаненко В. В. 1) Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг. С. 160; 2) «Содействовать росту и развитию советского пушкиноведения». С. 315.

²⁶³ Списки участников отдельных заседаний восстановлены по подписям в сохранившихся регистрационных листах (см.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 7, 5 об., 5).

²⁶⁴ В докладе М. А. Цявловского речь шла об автографах Пушкина из собрания симбирского помещика В. Н. Назарьева, приобретенных Ленинской библиотекой в 1931 г. См.: Автографы А. С. Пушкина / Транскрипция и коммент. М. А. Цявловского // Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1934. Вып. 3. С. 13–43.

²⁶⁵ См.: Томашевский Б. Издания стихотворных текстов [Пушкина после Октября] // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 1055–1112.

	3. Прения. Выступления М. А. Цявловского, Д. П. Якубовича	Д. П. Якубович, М. А. Цявловский, Т. Г. Зенгер, С. А. Переселенков, М. К. Азадовский, В. Л. Комарович, В. А. Мануйлов, Н. В. Яковлев, Л. Б. Модзалевский, Н. С. Ашукин, Н. Ф. Бельчиков, Д. Д. Благой, Н. К. Козмин, Б. В. Томашевский, В. В. Гиппиус, А. Л. Слонимский, Н. О. Лернер, С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Г. О. Винокур, А. М. Эфрос, П. И. Чагин и др.
8 мая 19:00	Вечернее заседание 1. Утверждение регламента работы конференции 2. Прения. Выступления Н. К. Козмина, Д. Д. Благого, В. В. Гиппиуса, Н. К. Гудзия, С. М. Бонди, Г. О. Винокура, А. М. Эфроса, Н. Ф. Бельчикова, Б. В. Томашевского, Ф. Ф. Канаева, Ю. Г. Оксмана	
9 мая 12:00	Утреннее заседание 1. Вступительное слово А. С. Орлова 2. Доклад Д. П. Якубовича «Проза Пушкина за революционное пятидесятилетие» ²⁶⁶ 3. Прения. Выступления Ю. Г. Оксмана, М. А. Цявловского	
9 мая 19:00	Вечернее заседание 1. Прения. Выступление Б. В. Томашевского 2. Обсуждение работы комиссий (рабочих групп) 3. Доклад М. А. Цявловского «Инструкция по редактированию пушкинских текстов» 4. Прения. Выступления Т. Г. Зенгер, А. М. Эфроса, С. М. Бонди, Д. Д. Благого, Б. В. Томашевского	

²⁶⁶ Якубович Д. Издания текстов художественной прозы [Пушкина после Октября] // Литературное наследство. Т. 16–18. С. 1113–1126.

10 мая 12:00	Утреннее заседание Доклад М. А. Цявловского «Инструкция по редактированию пушкинских текстов» (продолжение)	А. С. Орлов, Н. К. Пиксанов, Ф. Ф. Канаев, А. М. Эфрос, Т. Г. Зенгер, Н. К. Козмин, Д. Д. Благой, Ю. Г. Оксман, Л. Б. Модзалевский, Н. С. Ашукин, Б. В. Казанский, В. А. Мануйлов, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, С. А. Рейсер, М. К. Азадовский, Д. П. Якубович и др.
10 мая <i>вечер</i>	Заседания комиссий (рабочих групп): - научно-организационная (председатель В. П. Волгин); - по выработке типа и структуры издания (председатель М. А. Цявловский); - текстологическая (председатель Н. К. Пиксанов); - юбилейная (председатель А. С. Орлов)	
11 мая 12:00	Заключительное заседание - Сообщение Ф. Ф. Канаева о решениях научно-организационной комиссии. Прения - Сообщение Г. О. Винокура о решениях комиссии по выработке типа и структуры издания. Прения - Сообщение С. М. Бонди о решениях текстологической комиссии. Прения - Сообщение А. М. Эфроса о решениях юбилейной комиссии. Прения - Выступление М. А. Цявловского с предложением об организации специальной фотолаборатории для анализа рукописей Пушкина - Заключительное слово А. С. Орлова	А. С. Орлов, Н. К. Пиксанов, Д. П. Якубович, Т. Г. Зенгер, Д. Д. Благой, А. М. Эфрос, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, В. В. Гиппиус, М. К. Азадовский, Г. О. Винокур, Н. К. Козмин, Н. С. Ашукин, Л. Б. Модзалевский, Б. В. Казанский, Ю. Г. Оксман, М. А. Цявловский и др.

Материалы конференции пушкинистов 1933 года до недавнего времени оставались вне поля зрения исследователей. Первой публикацией, приоткрывающей завесу принципиальных жестких дискуссий пушкинистов в первой половине 1930-х годов, которые определили дальнейшие стратегии развития академического пушкиноведения, стала статья Е. О. Ларионовой²⁶⁷. В ней по стенографическим отчетам²⁶⁸ опубликованы особенно важные фрагменты выступлений Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Ю. Г. Оксмана, посвященных обсуждению композиции будущего академического издания Полного собрания сочинений Пушкина.

Вместе с тем существенная часть этой насыщенной дискуссии, имеющей неоспоримую актуальность и методологическое значение в контексте подготовки нового академического ПСС Пушкина, остается по-прежнему неопубликованной²⁶⁹. Постараюсь дать по возможности краткий аналитический обзор исследовательских позиций, с которыми пушкинисты вплотную подошли к реализации нового АПСС.

Программный доклад Н. К. Пиксанова в общих чертах повторял проект издания, представленный в РИСО АН СССР в конце осени 1932 года²⁷⁰; его принципиальное отличие заключалось лишь в уходе от идеи издавать Пушкина в серии «Академической библиотеки». Докладчик декларировал *полноту корпуса*

²⁶⁷ См.: Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 9–48.

²⁶⁸ См.: 1) СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1933). № 13. 227 л. Машинопись с частичной авторизацией; экземпляр неполный (нет частей утреннего и вечернего заседаний 9 мая; полностью отсутствует утреннее заседание 10 мая); 2) РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. 308 л. Неавторизованная машинопись; экземпляр неполный (нет докладов Н. К. Пиксанова 8 мая и Д. П. Якубовича 9 мая).

²⁶⁹ В настоящее время текст *всей* стенограммы конференции 1933 года, включая обнаруженный среди материалов Ю. Г. Оксмана доклад Н. К. Пиксанова, готовится мною к печати.

²⁷⁰ См. письмо Д. П. Якубовича к М. А. Цявловскому от 26 апреля 1933 г.: «Как Вы знаете, очень многое в пиксановском проекте издания является абсолютно неприемлемым. Быть может, достигнув положения ответственного редактора, Пиксанов и изменит тактику, приняв наш проект. Этого возможно ожидать. Но, может быть, он будет отстаивать свои прежние положения, вроде “двойного печатания”, двойной перепечатки “Руслана и Людмилы” со всеми вытекающими отсюда выводами» (РО ИРЛИ. Ф. 387. № 362. Л. 62).

текстов как одну из ключевых установок издания, вместе с тем не признавая «текстами Пушкина», например, выписки из книг или деловые документы, написанные рукой поэта. «Никогда еще ни в какое собрание сочинений классика такой материал не включался, — замечал Пиксанов, — Здесь явное увлечение, и его необходимо отвергнуть»²⁷¹. В перечень «отвергаемого» он включал и материалы для «Истории Петра». В то же время реализация принципа полноты (по Пиксанову) предполагала помещение в академическом издании Пушкина «Уединенного домика на Васильевском», «дошедшего до нас в передаче В. П. Титова»²⁷². Еще большее удивление вызывает установка на воспроизведение в основном корпусе двух редакций одного текста для *всех* произведений Пушкина, включая, например, обе редакции «Руслана и Людмилы» (1820 и 1828 гг. соответственно); редакции предлагалось размещать не рядом, а каждую под своим годом.

Говоря о *текстологии* издания, Пиксанов предлагал использовать в АПСС на равных правах *различные* приемы подачи черновых текстов — т. н. систему «полуканонов»²⁷³, усовершенствованные транскрипции, а также способ двойного печатания²⁷⁴.

Наконец, Пиксановым последовательно проводился авторитарный принцип организации и контроля («правителем <sic!> дел издания является ответственный

²⁷¹ Там же. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 12.

²⁷² Там же. Л. 14.

²⁷³ Профессиональный жаргон. Имеется в виду принцип работы с черновыми рукописями, принятый редакцией собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах. «В отделе “Неопубликованное, неотделанное и неоконченное” редакторы Толстого дают т. н. редакторские сводки — осмысленное прочтение окончательного текста черновой рукописи, отмечая только существенные варианты. Получается текст <...> причесанный, доступный связному чтению, как бы текстовой полуфабрикат, текстовой полуканон, приближающийся к каноническому дефинитивному тексту» (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 21).

²⁷⁴ Под «двойным печатанием» Пиксанов понимал *типографский прием*, который заключается в повторном (т. е. двойном) прогоне листа через печатную машину, что позволяет имитировать разнообразную правку, в т. ч. зачеркивания. Двойное печатание было применено Пиксановым при издании Жандровской рукописи «Горя от ума» (М., 1912). Позднее термин *двойное печатание* получил и другое значение. Так, «двойным печатанием» Н. В. Измайлов называет одновременное воспроизведение двух вариантов в разделе с основным текстом, примененное для ряда произведений в АПСС (IV, 28, 51, 59; II, 221; III, 379; VIII, 343–350) (см.: Измайлов Н. В. Текстология. С. 603–604).

редактор»²⁷⁵), смягчаемый в проекте условными «коллективными работами» (рецензирование, изредка созываемые «совещания всех сотрудников-редакторов» и под.).

Таким образом, отдельные, весьма спорные положения установочного доклада Н. К. Пиксанова определили ход прений конференции. В своих выступлениях исследователи высказывались о полноте корпуса АПСС, о способах подачи текстов, извлекаемых из пушкинских черновиков, об организационной стороне академического издания. Далее я суммирую *pro et contra* по каждой из намеченных проблем, обращаясь к прямой речи ключевых участников дискуссии, зафиксированной стенографическими отчетами.

1. 5. 1. Состав академического издания

Автор проекта нового АПСС, подготовленного по заказу дирекции ИРЛИ незадолго до конференции²⁷⁶, М. А. Цявловский был убежден в необходимости включения в академическое издание всех текстов, написанных рукою Пушкина (за исключением отдельных слов и фраз, не имеющих смыслового единства — здесь он полностью солидаризировался с проектом Пушкинской комиссии): «Пора издать единственный раз, может быть раз и навсегда, действительно абсолютно полного, всего Пушкина»²⁷⁷. Эту точку зрения разделял и Н. К. Козмин, приводя в качестве аргумента о включении в ПСС деловых документов цитату из пушкинского очерка «Вольтер» — отклика на издание переписки просветителя с президентом де Броссом о покупке имения: «Всякая строчка великого писателя становится

²⁷⁵ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 28.

²⁷⁶ Помимо «ленинградских» проектов Пушкинской комиссии и Н. К. Пиксанова, к конференции пушкинистов был подготовлен «московский» проект, автором которого выступил М. А. Цявловский. Его положения, во многом схожие с общими установками проекта Пушкинской комиссии, нашли отражение в подробной инструкции из 95 параграфов, которую Цявловский фрагментарно зачитывал на заседаниях 9 и 10 мая. Одной из особенностей «московского» проекта была структура издания, предполагавшая разделение каждого из 14 томов на две книги — с текстами и комментариями (всего 28 книг).

²⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 25.

драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа» (XII, 75).

В. В. Гиппиус справедливо замечал, что разница подходов Пиксанова и Якубовича (т. е. Пушкинской комиссии) заключалась в принципе отбора пушкинского материала для издания. Для Пиксанова таким принципом являлось наличие или отсутствие «*творческого момента*» в том или ином тексте (поэтому за бортом издания оказывались, например, выписки для «Истории Петра», в которых исследователь «не видел момента творчества»); для Якубовича — *значимость материала* для изучения Пушкина как социально-исторической личности (отсюда интерес к официальным, бытовым, служебным документам и стремление включить их в АПСС). Сам Гиппиус склонялся к точке зрения Якубовича, отмечая при этом необходимость «расширенного» понимания «творческого момента» и использования именно этого критерия для фильтрации материала «Рукою Пушкина» перед включением его в академическое издание²⁷⁸.

Вместе с тем метафоричность квазитермина *творческий момент* не дает возможности — даже при попытке дать четкое определение — использовать его в качестве дифференциального признака для отбора материала в основной корпус текстов классика. Это отмечали и некоторые участники конференции. Так, например, в выписках Пушкина из различных источников Н. К. Гудзий готов был увидеть, в отличие от Н. К. Пиксанова и Д. Д. Благого, тот самый «творческий момент»: «Если эти выписки были материалом для какого-то замысла, то, мне думается, эти выписки должны рассматриваться как нечто вроде плана — именно такие выписки дадут нам возможность представить себе то произведение или тот замысел, который зрел в уме Пушкина»²⁷⁹. Впрочем, Гудзий попутно замечал, что включать в собрание сочинений целесообразно лишь материал *историко-литературный*; прочие же выписки, в которых исследователь не обнаруживает

²⁷⁸ Там же. Л. 66, 68.

²⁷⁹ Там же. Л. 73.

«творческого момента», следует квалифицировать как материал *биографический* — и помещать его в приложение к изданию.

Эту точку зрения развивал С. М. Бонди, видя в АПСС источник для всестороннего изучения жизни и творчества Пушкина, в котором все материалы тесно связаны друг с другом²⁸⁰. Он был убежден в неправомерности отбора текстов в связи с невозможностью предсказать траектории интерпретации тех или иных материалов будущими поколениями исследователей и полагал, что все написанное Пушкиным, включая даже самые мелкие отрывки, должно быть «собрано в одно место»²⁸¹. «Не нужно фетишизма, но нужна полнота», — заключал Бонди, призывая найти оптимальный способ подачи нетворческих текстов Пушкина²⁸².

Менее напряженно, но все же не менее эмоционально велись споры о включение в издание тома рисунков Пушкина и писем его корреспондентов (т. е. переписки в полном объеме). И если необходимость издания пушкинских рисунков — по крайней мере, автоиллюстраций и портретной галереи — практически не вызывала сомнений и упиралась исключительно в полиграфические и финансовые возможности проекта, то целесообразность публикации писем к Пушкину, хотя бы петитом или даже нонпарелью, подверглась критике. На публикации писем корреспондентов в составе АПСС настаивал прежде всего В. В. Гиппиус, аргументируя это необходимостью контекстуализации писем Пушкина.

²⁸⁰ Ср.: «Расшифровывая эти записи на полях, мы получаем биографический материал, получаем представление о том, как бился Пушкин, как платил он за отца, за брата, за жену, какие рассчитывал получить с своих изданий суммы, какие были провалы и т. д. Я уверен, что не будет парадоксом сказать, что расшифровка этих цифр является одним из разъяснений последней дуэли Пушкина, отчаянного настроения, которое гнало его под дуло Дантеса. Несомненно, что печатать это нужно» (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 80).

²⁸¹ Ср.: «Действительно, то, что непонятно современным исследователям, лучше опубликовать, честно признавшись в этом, чем “скрыть” от читателя. Ведь мы не сможем знать, в каком объеме следующие поколения ученых востребуют подобные “отрывки” — может быть, им дано будет счастье осмыслить их» (*Краснобородько Т. И.* «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания. С. 152).

²⁸² РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 82. Спор о возможности включения в академическое издание текстов, получивших условное название по книге «Рукою Пушкина», в которой они были впервые объединены под одной обложкой и классифицированы, впоследствии возникал не единожды (см. уже упомянутую статью Т. И. Краснобородько «“Нетворческие” тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания»).

1. 5. 2. Композиция издания. Структура томов

Фрагменты дискуссии о композиции томов (прежде всего — лирики) в академическом издании были опубликованы Е. О. Ларионовой²⁸³. Напомню, что проект Пушкинской комиссии ориентировался на эдиционную практику однотомников под редакцией Томашевского и Халабаева. Ему противостояли все остальные, включая дружественно настроенных москвичей — в полемике не раз встречаются выпады против «формализма» Б. В. Томашевского²⁸⁴. С. М. Бонди подчеркивал невозможность принять «чисто технические» планы-расчеты Пушкина²⁸⁵ для «исторической реконструкции» его образа. «Единые хронологические цепи» в рамках отдельных жанров отстаивал Г. О. Винокур.

Н. Ф. Бельчиков отмечал, что структура издания напрямую отражает восприятие творчества классика определенной эпохой²⁸⁶. По мнению исследователей, таким «выразителем» советской эпохи являлся проект М. А. Цявловского. «Красной нитью моего плана являются следующие положения: 1. входит все, написанное Пушкиным; 2. все писания делятся на жанры²⁸⁷; 3. все

²⁸³ См.: Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 25 и др.

²⁸⁴ Так, предложение подойти к композиции томов лирики с опорой на пушкинские планы (т. е. эстетически) было оспорено Цявловским, в том числе следующим образом: «Для него <Томашевского>, бывшего формалиста, композиция начинается там, где начинается эстетика. Это отрывок старого формализма. Чепуха! Надо отказаться от этих отрывков» (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 254).

²⁸⁵ См. выше, примеч. 169 и 170.

²⁸⁶ Ср. с аналогичной мыслью Б. В. Томашевского: «Издание должно отражать эпоху, но оно не всегда ее отражает, не всегда отражает содержание эпохи» (цит. по: Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 40). Изданиями «выразителями эпохи» он считал собрания сочинений под редакцией П. В. Анненкова (*Пушкин. Соч. / Изд. П. В. Анненков. СПб., 1855–1857*), Л. Поливанова (*Пушкин А. С. Соч.: С объяснениями их и сводом отзывов критики / Изд. Л. Поливанова для семьи и школы. М., 1887*), С. А. Венгерова (*Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг.: Изд. Брокгауза–Ефрона, 1907–1915*) и первый том дореволюционного АПСС под редакцией Л. Н. Майкова (*Пушкин. Соч. СПб.; Пг.: Изд. Имп. АН, 1899. Т. 1 (2-е изд. — 1900)*).

²⁸⁷ Вместе с тем Цявловский подчеркивал, что любая композиция «искусственна» и «условна» — кроме разве что сквозной хронологической: «Я мечтал о полном собрании сочинений Пушкина, напечатанных в таком порядке, как Пушкин писал, в одну хронологическую цепь, не по опусам, а по частям, по присестам. Я знаю, что я не доживу до этого, но я уверен, и говорю

жанры распределяются по томам в хронологическом порядке; 4. все жанры делятся на две цепи, на два ряда — *канон*, который тоже можно разделить на канон 1-го сорта и 2-го сорта — и *не-канон*», — декларировал пушкинист²⁸⁸. Под «каноном второго сорта» Цявловский понимал неоконченные и неотделанные опусы, которые не предназначались для печати, под «не-каноном» — черновые наброски. Этот принцип деления стихотворных текстов был применен им в красновивском издании.

Справедливое сомнение в возможности выделять «неоконченное и неотделанное» в корпусе лирики осторожно высказал Гиппиус. Существенно более уверенным был его отказ от раздела *Dubia*: «Редакция должна все-таки иметь твердый взгляд — правдоподобно или неправдоподобно приписывание Пушкину того или другого произведения, и в одном случае включать, хотя бы и с оговоркой в комментарии, в текст, а в другом случае отрицать»²⁸⁹.

Объем дискуссии о разделе «Другие редакции и варианты» невелик: участники конференции в большинстве своем отвергали методологический «винегрет» Пиксанова и особо — транскрипционный метод²⁹⁰, вместе с тем признавая, что не до конца понимают, как быть с *динамической* подачей черновых рукописей. Существенный разрыв в понимании природы пушкинского чернового текста как феномена обозначился в споре академика А. С. Орлова и С. М. Бонди. Соглашаясь с необходимостью включения в издание черновики, Орлов настаивал на публикации чернового текста как *результата*: «Вы хотите показать препарацию, я

это с полным сознанием и ответственностью, и прошу это зафиксировать, что мои пушкинские внуки (а может быть даже и дети) такое издание дадут. Но мы такое издание не даем — и вот мы плаваем в условностях» (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 260).

²⁸⁸ Там же. Л. 39. Два дня спустя Цявловскому пришлось вновь объяснять принцип деления текстов на «первый» и «второй» сорт: «Я повторяю, что все произведения Пушкина делятся на два разряда, на два сорта: *первый* и *второй* Пушкин. <...> И вот что будет <далее>, будет не только А, В, но будет и С. Вот фрагмент — “Кто хочет, пой”. Это у меня С, *третий* сорт. Я убежден, что когда будет 200-летний юбилей, то будет только одна А. <...> И сейчас не я сам, а в настоящий момент развитие литературоведения говорит моими устами!» (Там же. Л. 256, 259).

²⁸⁹ Там же. Л. 72.

²⁹⁰ Ср. замечание Г. О. Винокура: «Важно вбить осиновый кол в могилу транскрипции. <...> это не будет решением проблемы. Нам надо научиться подавать черновики так, чтобы они были картиной работы поэта над текстом» (Там же. Л. 100).

же считаю, что эта препарация — на границе развернутой лаборатории, семинария»²⁹¹. Бонди справедливо замечал, что черновой текст «не имеет результата», разумея под этим *динамическую природу* черновой рукописи, в которой исследователь видит творческий процесс.

Чрезвычайно любопытно, что защитником транскрипции на конференции выступил М. А. Цявловский: «Позвольте еще раз просить о помиловании транскрипции! Амнистируйте ее, если уж нельзя оправдать в порядке судебного разбирательства. Амнистируйте ее в порядке манифеста, выньте этот осиновый кол!»²⁹² Признавая достоинства «нового способа реферирования текста», предложенного С. М. Бонди, исследователь показал невозможность его использования в том виде, в каком этот метод был представлен в книге «Новые страницы Пушкина» (М., 1931)²⁹³. Цявловский отстаивал метод транскрибирования для «простого, не сильно исчерканного» чернового текста, убеждая аудиторию в «прелести затрудненного чтения <транскрипции>, прелести отыскивания и повторения процесса творчества самого Пушкина — не по рассказу *икса*, а по

²⁹¹ Там же. Л. 221.

²⁹² Там же. Л. 211.

²⁹³ Ср. изложение Цявловским метода Бонди: «Здесь имеет место рассказ как шел процесс. И когда я слушаю или читаю соответствующие писания Сергея Михайловича, то мне кажется, что я слушаю речь любящего детей педагога, очень талантливого, прекрасного педагога, который приходит в класс и говорит: “Милые дети, хотите я вам расскажу, как Пушкин написал, скажем, «Жил на свете рыцарь бедный». Александр Сергеевич Пушкин взял лист, четвертушку бумаги, и прямо написал первые три строки без малейших поправок, как они сложились у него в голове (до этого, может быть, где-либо раньше это записал), засим приступил к четвертой строчке, написал ее — такие-то слова, потом зачеркнул и заменил такие-то слова такими-то; потом перешел к следующей строчке, сделал то-то и то-то, потом зачеркнул, поставил такой-то знак, перенес и так далее”. Все это чудесно, прекрасно рассказывается. И в результате нам действительно показан процесс самый изумительный — все время перед нами Пушкин пишет стихотворение, за малейшим движением его руки, за движением его мысли следит более или менее всё знающий, все намерения понимающий Бонди, и прекрасно все это передает. Когда читаешь такой рассказ — это увлекательно, интересно. Но представим себе, что так воспроизводится текст на десятки листов академического издания! Вот вышел Бонди и стал рассказывать, вот он рассказывает, рассказывает, рассказывает, Пушкин все пишет, пишет, пишет — страницы 2, 3, 4... [Реплика Бонди: “Ужасно!”] Ужасно. Мы начинаем тускнеть, а Бонди все рассказывает, рассказывает — экскурсовод ведет, говорит, говорит, говорит, показывает, показывает, показывает, говорит. Где же Пушкин? Пушкина нет, потому что весь текст заменен рассказыванием» (Там же. Л. 207–208).

своему собственному восприятию»²⁹⁴. К этой точке зрения позднее примкнул и Благой, назвав попытки разработки динамической системы подачи вариантов нереализуемыми, «фантастическими проектами»²⁹⁵.

1. 5. 3. Организационная структура издания

Осторожные сомнения в целесообразности единоличной редакции издания почти сразу выразил М. А. Цявловский: «Как бы ни был авторитетен ответственный главный редактор, как это было в случае с П. Е. Щеголевым, но все же невозможно одному человеку нести всю полноту ответственности по такой колоссальной сложности проблеме»²⁹⁶. Аргументированную поддержку этой позиции в своем выступлении развернул А. М. Эфрос (напомню, что он был одним из тех, чью кандидатуру в качестве участника конференции долгое время блокировал Н. К. Пиксанов). Докладчик показал, что намеченная Президиумом Академии наук «главная редакционная тройка» (А. В. Луначарский, Максим Горький, В. П. Волгин) совершенно недееспособна, а все рычаги управления АПСС в этих условиях получает Пиксанов. В качестве альтернативы докладчик предлагал постоянно функционирующий *редакционный комитет*, который коллегиально принимает все решения по изданию.

Обзорный доклад Д. П. Якубовича об издании текстов художественной прозы Пушкина, прочитанный на утреннем заседании 9 мая, стал своего рода манифестом коллективной работы над будущим изданием сочинений Пушкина²⁹⁷. «Самое ценное и существенное, что приходится учесть из этого тщательного, интересного обзора, то, что должно отразиться как-то в организации нашей работы над

²⁹⁴ Там же. Л. 211.

²⁹⁵ Там же. Л. 230.

²⁹⁶ Там же. Л. 42.

²⁹⁷ Ср.: «Творческое соревнование коллектива редакторов, работающих над рукописями Пушкина, а не конкуренция отдельных пушкиноведов — таков должен быть принцип новой текстологии, принцип организации очередных изданий» (Якубович Д. Издания текстов художественной прозы. С. 1124).

пушкинским текстом — это принцип *коллективности*, настоящей подлинной коллективности в работе над пушкинским текстом», — резюмировал Оксман²⁹⁸. Постепенное укрепление этой позиции (в противовес индивидуальному контролю всего издания его ответственным редактором) позволило Цявловскому на следующий день более уверенно продвигать идею *коллективного* органа во главе издания — «совета, совещания, комитета или комиссии — безразлично», который был бы «высшей инстанцией в решении чисто научных вопросов»²⁹⁹.

1. 5. 4. Цели и адресат академического издания

Некоторые участники конференции видели причину острых дискуссий в том, что изначально ни в одном из трех проектов академического ПСС не были определены *цель* издания и его *адресат*³⁰⁰. Однако все попытки как-то приблизиться к решению этого вопроса в рамках конференции, на наш взгляд, потерпели неудачу — общепринятое видение адресата академического ПСС Пушкина так и не было сформировано, что позднее отразилось и в публичной критике издания³⁰¹. Впрочем, в процессе обсуждения было заложено основание для дальнейшего развития более общих, фундаментальных, принципов академических изданий в целом.

²⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 146; курсив мой. — В. Т.

²⁹⁹ Там же. Л. 156.

³⁰⁰ Так, Д. Д. Благой замечал, что «без совершенно отчетливой целевой установки издания, без ответа на основной вопрос о том, для чего, кому, на какую потребу это издание готовится, <...> большинство вопросов, связанных с процессом работы, будут такими же шатающимися, противоречивыми и неопределенными, какими они пока, в результате разноречивых высказываний, нам предстоят» (Там же. Л. 57–58).

³⁰¹ Здесь речь идет не только о критике «пробного» седьмого тома драматургии Пушкина ([М.; Л.], 1935), главным объектом нападков в котором стал «непомерно разросшийся» раздел с комментариями (см. об этом в следующей главе), но и о критических суждениях по поводу необоснованной траты дефицитной тогда бумаги вследствие неверно рассчитанного тиража и колоссальных издательских расходах. Так, проектный тираж в 50 000 экземпляров был сокращен до 35 000 экземпляров в 1937 г., однако невостребованность издания «профессиональным, квалифицированным» читателем заставила понизить тираж последних томов АПСС до 7 000 экземпляров.

Д. Д. Благой, например, видел назначение АПСС в том, чтобы дать исследователям и будущим редакторам «полное собрание <...> документов пушкинского творчества» в их динамике («становление текста») и статике («законченный вид»): «Это не то издание, которое возьмет читатель, которому захотелось пожить с Пушкиным, и начнет его читать страницу за страницей. Это издание ставит задачей явиться основой, явиться почвой для исследования Пушкина»³⁰². Это положение нашло развитие в выступлении С. М. Бонди, который дал критическую оценку термину *академическое издание*³⁰³: «Что такое академическое издание в том виде, как оно существует у нас? — Это один из видов научно-критического издания, невероятно перегруженного комментарием, с бесплодной попыткой превратиться в издание документального типа, — то есть нечто совершенно смешанное, ублюдочное»³⁰⁴. Исследователь полагал, что академическое издание невозможно как самоцель; для того, чтобы его сделать, нужно ясно представлять себе его *идею* и, главное, его *читателя*. Он справедливо предлагал видеть в академическом ПСС не просто определенную стадию в изучении пушкинского текста и лекало для будущих изданий, а прежде всего его аудиторию — исследователя и квалифицированного читателя. Этой точки зрения придерживался и Б. В. Томашевский, утверждавший, что «издание должно быть современным, должно быть рассчитано на ученого читателя в широком понимании этого слова. Не для академиков (вы знаете, на стенке бывают такие вывески “для академиков университета”), а для таких академиков — для тех универсантов, которые будут в академии»³⁰⁵.

³⁰² РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 59, 60, 64.

³⁰³ Напомню, что к тому времени фиксируются как минимум две точки зрения на это понятие: 1) издание Академии наук — т. е. издание, либо издающееся Академией, либо выходящее под ее непосредственным контролем (именно так понимал академическое издание Б. В. Томашевский, причем вплоть до начала 1950-х гг.); 2) вид научного издания, которое стремится к полноте корпуса публикуемых текстов и обеспечивается хорошо разработанным научным аппаратом.

³⁰⁴ Там же. Л. 78.

³⁰⁵ Там же. Л. 193–193 об.

Четкие *критерии* академического издания, которые впоследствии были восприняты научным сообществом, озвучил на конференции 1933 года Г. О. Винокур: «Во-первых, всякое академическое издание обязательно должно сопровождаться критической проверкой текста. <...> Во-вторых, оно должно отличаться абсолютной полнотой. В-третьих, оно отличается от обычных изданий тем, что есть критический аппарат. В-четвертых, — это издание должно быть образцовым»³⁰⁶.

С. М. Бонди был одним из немногих, кто обращал внимание на *удобство пользования* изданием — в связи с этим он отстаивал разделение текста и комментария на две разные книги, что было зафиксировано в московском проекте АПСС.

Как было показано во введении, тип академического издания в то время только оформлялся, и во многом именно конференция пушкинистов 1933 года задала тон и направление дальнейшим дискуссиям об изданиях классиков.

1. 5. 5. Итоги конференции

Если я до сих пор был *пушкинофилом*, то после этих развернутых прений и высказываний столь авторитетными устами я стал *пушкинистом* — но конечно, в состоянии еще пионерской квалификации.

*Академик А. С. Орлов*³⁰⁷

Выработка конкретных решений конференции была возложена на специальные комиссии, которые заседали во второй половине дня 10 мая 1933 года. Эти заседания не стенографировались. По итогам работы каждой из комиссий был представлен доклад на заключительном заседании конференции 11 мая.

³⁰⁶ Там же. Л. 93. Под «образцовым» Винокур понимал высокие стандарты как редакторской подготовки издания, так и его полиграфического исполнения.

³⁰⁷ Из выступления А. С. Орлова на конференции пушкинистов 11 мая 1933 г. (Там же. Л. 306).

Решения комиссии о типе и структуре издания, доложенные Г. О. Винокуром, практически дословно воспроизведены в хронике пушкиноведения за 1933 год: «Академическое юбилейное издание ставит своей задачей дать советскому читателю исчерпывающее по полноте и точности собрание произведений поэта в обработке, стоящей на высоте современного литературоведения, и в форме, рассчитанной на квалифицированного читателя»³⁰⁸. Вопрос о *полноте корпуса текстов* Пушкина разрешался радикально: в издание было решено включить абсолютно все написанное рукой Пушкина, в том числе копии чужих произведений и документы хозяйственно-бытового характера (этот том, как и альбом с рисунками, решено было издавать приложением к собранию сочинений); причем материалы и выписки, которые связаны с тем или иным творческим замыслом, должны были помещаться в соответствующих томах основного корпуса.

«Максимально сжатый» *комментарий* (вступительная статья ко всему жанру / хронологическому периоду творчества + краткие текстологические и историко-литературные примечания к отдельным текстам) должен был публиковаться под одним переплетом вместе с пушкинским текстом. Внутри каждого тома (= жанра) предполагалось выделять две хронологических цепи из произведений — основные произведения и наброски и мелочи, «не имеющие литературного значения»³⁰⁹; а также при необходимости дополнительные разделы — «Коллективное» и «Dubia».

Результаты работы текстологической комиссии представил С. М. Бонди. Все ее решения (кроме орфографической части, которая была утверждена единогласно) были приняты пятью или четырьмя (при воздержавшемся Н. К. Гудзии) голосами против одного — председателя комиссии Н. К. Пиксанова. Основные положения текстологов сводились к следующему: каждое произведение помещалось в АПСС один раз, под годом его создания; другие *редакции* произведений должны быть размещены в специальной рубрике. «*Черновые тексты* к произведениям,

³⁰⁸ Мануйлов В., Модзалевский Л. Хроника пушкиноведения за 1933 год. С. 154; то же: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 283–284.

³⁰⁹ На неясность данной формулировки обращал внимание Н. С. Ашукин, однако специальной дискуссии по этому вопросу не состоялось.

помещенным в основном тексте, помещаются в комментарии в редакторских сводках, с подведением важнейших вариантов. В отдельных случаях, где это полезно и необходимо, допустимо применение транскрипции»³¹⁰.

Текстологическая комиссия настаивала на модернизации орфографии и пунктуации с сохранением при этом «значащих отклонений» Пушкина от норм его эпохи. Рупором этого решения, которое в дальнейшем не раз оспаривалось учеными³¹¹, был Б. В. Томашевский, который еще в 1930 году по просьбе П. Е. Щеголева разработал орфографическую инструкцию для 12-томного издания ГИЗа³¹².

Собранная по инициативе А. М. Эфроса юбилейная комиссия под председательством А. С. Орлова постановила взять «шефство» Академии наук СССР над всеми мероприятиями, приуроченными к столетию гибели Пушкина, и обратиться к правительству с просьбой об учреждении *юбилейного комитета*. В его ведении должны были находиться организация Пушкинского съезда и выставки, охрана пушкинских мест (в первую очередь — последней квартиры и

³¹⁰ Там же. Л. 287. Ср. с формулировкой, предложенной комиссией по выработке типа и структуры издания под председательством М. А. Цявловского: «Черновые тексты даются в сводках с приведением важнейших вариантов; черновые тексты, не дающие никакой сводной редакции, воспроизводятся в транскрипции» (Там же. Л. 283).

³¹¹ Начавшаяся незадолго до войны полемика вокруг орфографического режима советского академического издания отражена в публикациях В. И. Чернышева и Г. О. Винокура в шестом выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (М.; Л., 1941). Ю. М. Лотман, отмечая, что «споры по вопросам орфографии всегда протекают в напряженно-эмоциональной атмосфере» (здесь исследователь приводил исторический анекдот, в соответствии с которым в ответ на предложение допечатать сочинения Блока в старой орфографии в 1920 г. директор Госиздата Ионов выхватил из-за пазухи наган), разбирал pro et contra обеих позиций и предлагал свой компромиссный вариант: «Воспроизводить подлинный язык Пушкина» (включая «разнобой» в написаниях), модернизируя его только тогда, «когда можно сформулировать однозначные правила восстановления исходного текста» (Лотман Ю. М. К проблеме нового академического издания Пушкина. С. 94). Бурная дискуссия по поводу модернизации орфографии в АПСС развернулась на рубеже XX и XXI веков; в ней приняли участие В. Лефельдт, В. Э. Вацуρο, Б. М. Гаспаров, М. И. Шапир, С. А. Фомичев, Д. П. Ивинский и др.

³¹² Эта инструкция была недавно опубликована О. В. Никитиным по машинописному экземпляру из архива Н. С. Ашукина, см.: Никитин О. Неизвестный филологический архив Николая Сергеевича Ашукина (1890–1972): Б. В. Томашевский. «Правила орфографии при издании сочинений Пушкина» // Михайловская Пушкиниана. Михайловское, 2022. Вып. 87. С. 62–68.

места дуэли), особая издательская программа (факсимильное издание рукописей и их научное описание, Пушкинская энциклопедия, библиография, а также биография Пушкина «для широких масс» и популярные издания его сочинений)³¹³, установка памятника в Ленинграде и взаимодействие с другими научными учреждениями³¹⁴, театрами, кинофабриками и радио.

В прениях по докладу юбилейной комиссии Д. Д. Благим было высказано пожелание об организации музея Пушкина: «Мне думается, что нельзя ограничиться к юбилею только организацией пушкинской выставки. У нас существует целый ряд персональных музеев — музей Толстого в Москве, музей Горького, имеется даже постоянная выставка Маяковского. Необходимо, мне кажется, организовать и музей Пушкина»³¹⁵. Развернувшаяся дискуссия, которая продемонстрировала наличие прямо противоположных точек зрения на этот вопрос, была остановлена А. С. Орловым. Вряд ли кто-нибудь из участников конференции мог тогда предположить, что неожиданно возникший гипотетический вопрос о «персональном» пушкинском музее из области «пожеланий» в не столь отдаленном будущем перейдет в область правительственных постановлений и официальных директив.

Наиболее значительным достижением съезда пушкинистов стало утверждение во главе издания помимо *общей редакции*, руководящей изданием «как в части

³¹³ Среди изданий, которые необходимо «запроектировать», обсуждался и «Словарь языка Пушкина», работа над подготовкой которого в виде создания картотеки путем последовательной росписи ряда произведений велась в Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности под председательством Н. К. Пиксанова в Москве. «Проработаны “Полтава”, “Братья Разбойники” и начало “Годунова”. Есть тысяч десять карточек, материал не так слаб», — отмечал Цявловский. Винокур полагал, что создание такой картотеки невозможно без методики создания словаря языка писателя — и предлагал «заказать» лексикологам разработку специальной инструкции (см.: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 298, 301). О дальнейшей подвижнической работе Г. О. Винокура по созданию «Словаря языка Пушкина» см.: Плотникова В. А. Предисловие ко второму изданию // Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 1. С. 6–7 (1-я pag.).

³¹⁴ Прежде всего имелись в виду Коммунистическая академия и Государственная академия искусствознания (ГАИС).

³¹⁵ Цит. по: Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В. Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3. С. 11.

идеологической, так и в части политической и художественной» (имеются в виду политика издания и его оформление), *редакционного комитета* для решения собственно научных проблем издания. Важно отметить, что в ходе работы соответствующей комиссии под председательством неперменного секретаря Академии наук В. П. Волгина должность *ответственного редактора* не была ликвидирована, однако его роль существенно корректировалась за счет введения постоянно действующего редакционного комитета, имеющего равные с ним полномочия. Это компромиссное решение стало едва ли не судьбоносным для Пушкинской комиссии: спустя некоторое время противостоявший ей Н. К. Пиксанов, утратив надежду на возможность единолично возглавить редакционную работу над академическим изданием, отказался от претензий на должность ответственного редактора³¹⁶.

Конференция пушкинистов 1933 года стала ключевым событием в истории отечественного литературоведения. Дав старт академическому изданию полного собрания сочинений Пушкина, она одновременно выступила катализатором дискуссий по целому ряду филологических проблем, решение которых предстояло найти и апробировать в ходе осуществления беспрецедентного научно-издательского проекта.

³¹⁶ По итогам конференции пушкинистов Н. К. Пиксанов подготовил докладную записку в Президиум АН СССР (обнаружить этот документ мне пока не удалось). «Отчет писал Пиксанов, и написал его в том смысле, что все предложения Пиксанова были с восторгом приняты», — сообщал Б. В. Томашевский москвичам 1 июня 1933 г. (РО ИРЛИ. Ф. 387. № 419. Л. 5). Однако в предшествующем письме к Т. Г. Зенгер-Цявловской он фиксирует некоторые колебания Пиксанова, который «к великому смущению своих поклонников <...> отказывается от скипетра ответственного редактора» (Там же. Л. 1). Томашевский не теряет возможности уколоть и М. А. Цявловского, склонявшегося к компромиссу с Пиксановым: «Боюсь, что и Мстислав Александрович будет огорчен; на эту мысль меня наводят незабываемые страницы пушкинской летописи, на которых написана адвокатская речь М<стислава> А<лександровича> в пользу диктатора. Да, если бы съезд попросил, чтобы Пиксанов его простил, быть может, он бы и правил нами теперь мудро и славно» (Там же).

Глава 2. Советский академический Пушкин: реализация

Настоящая глава состоит из двух блоков, которые раскрывают обстоятельства подготовки советского академического издания Полного собрания сочинений Пушкина и решения ряда научных проблем, возникших перед его редакторами³¹⁷. Серия кратких экскурсов в историю пушкиноведения 1930-х–1950-х годов, построенная преимущественно на новых архивных источниках, предваряет очерк, посвященный проблеме изучения и публикации критико-публицистической прозы Пушкина в АПСС.

В нынешних условиях, когда целый комплекс источников — архив Редакции издания — остается недоступным для исследователей³¹⁸, написание полноценной истории академического полного собрания сочинений Пушкина остается делом будущего. Однако это обстоятельство не должно быть причиной отказа от изучения «внутренней кухни» предыдущего академического издания. В этом ракурсе изучение отдельных научных проблем текстологии и эдиции корпуса пушкинской критики в 1930-е годы становится примером реконструкции аналогичных сюжетов (например, подготовка корпуса исторической прозы, писем и т. д.), которая

³¹⁷ В основу настоящей главы положены тезисы и наблюдения, ранее высказанные в публикациях: Турчаненко В. В. 1) Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2020. Вып. 34. С. 144–180 (с исправлениями и дополнениями см.: «Содействовать росту и развитию советского пушкиноведения»: К истории работы Пушкинской комиссии Академии наук СССР в 1931–1936 годах // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!» С. 296–335); 2) Турчаненко В. В. Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сб. ст. и материалов к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой. М., 2023. С. 245–258; 3) Научный семинар «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина» // *Русская литература*. 2023. № 4. С. 276–279; 4) Незавершенный редакторский труд Д. П. Якубовича (седьмой «Временник Пушкинской комиссии») // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2024. Вып. 38. С. 223–240; 5) К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на Сталинскую премию // *Codex manuscriptus*. М., 2024. Вып. 5. С. 524–552; 6) Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В. Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам // *Русская литература*. 2023. № 3. С. 5–29; 7) Балакин А. Ю., Турчаненко В. В. Анна Ахматова и Пушкинская комиссия Академии наук СССР // *Литературный факт*. 2025. № 1 (35). С. 387–417.

³¹⁸ См. соответствующий параграф Введения, с. 37–38.

неизбежно становится сверхактуальной в ходе работы над новым академическим изданием ПСС Пушкина.

2. 1. Контекст

Одним из ключевых аргументов в пользу подготовки именно *академического* (а не очередного репетиционного) издания сочинений Пушкина в ходе дискуссий 1932–1933 годов стало приближающееся столетие со дня трагической гибели Пушкина. Для обозначившегося на рубеже десятилетий (1920-е–1930-е годы) кризиса в области культурной политики молодого советского государства это событие (смерть Пушкина, «подстроенная» царской властью, для которой поэт — «певец вольности и свободы» — был «костью в горле»³¹⁹) стало буквально «спасательным кругом». По мнению идеологов культурного проекта по выдвижению Пушкина в гении не российского, но *всесоюзного* масштаба, присвоение ему роли одного из «столпов» советской культуры могло бы укрепить ее шаткий фундамент. Кульминацией этого проекта становился пушкинский «юбилей» 1937 года. Теоретический фундамент для этого «всенародного праздника» по случаю смерти был подготовлен аналогичным «юбилеем» Гёте 1932 года. В борьбе за *литературное* (и шире — культурное) *наследие* классика, развернувшейся между «лагерем агонизирующей буржуазии» и «лагерем победоносного пролетариата», разумеется, побеждал пролетариат, который смог по достоинству оценить *революционные идеи* в творчестве Гёте, вложив их «камнем в великое здание социалистической культуры»³²⁰. Одновременно с этим германская буржуазия обвинялась советскими критиками в спекуляциях на памяти Гёте. Так, заведующий сектором искусств ЦК ВКП(б) литературовед С. Динамов виртуозно формулировал цель гётевского «юбилея»: «устроить пышное празднество, показать

³¹⁹ Здесь и далее кавычками маркируется лексика, которая широко использовалась в официальных документах и массовой печати в 1930-е гг.; я также намеренно сохраняю кавычки в словах «юбилей», «торжество», «пушкинский праздник», употребляемых по отношению к столетней годовщине гибели Пушкина.

³²⁰ От редакции // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6. С. 1.

величие Гёте, чтобы скрыть карликовый уровень современной буржуазной культуры, представить Гёте как национального гения и создать видимость полного единства интересов всех классов»³²¹.

Спустя два года к аналогичной *борьбе* — но теперь уже *за Пушкина* — призвали граждан советского государства его идеологи: «Наша задача — овладеть всем, что есть в наследии Пушкина здорового, жизненного и революционного, всем, что может быть использовано в строительстве культуры бесклассового социалистического общества»³²². В этом призыве к *переоценке* пушкинского наследия нетрудно заметить и идеологическую спекуляцию, и попытку сплотить население большой страны вокруг новоявленного национального гения — собственно, ровно то же, в чем еще совсем недавно были избалованы представители «агонизирующей» немецкой буржуазии по отношению к Гёте.

На сегодняшний день вопрос об освоении *литературного наследия* в СССР в 1920-е–1950-е годы по-прежнему остается открытым и ждет своих исследователей — несмотря на отдельные (и вполне удачные) подходы к этой теме³²³. Ключевой фигурой в этом процессе *овладения* и *присвоения* старой культуры путем идеологической ревизии остается Пушкин — не случайно всевозможные манипуляции с его художественным наследием, литературной репутацией и образом стали обыденными практиками созидания советского эстетического канона. Однако и этот вполне конкретный, осязаемый сюжет все еще не исследован

³²¹ Динамов С. Юбилей Гёте и капиталистический Запад // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6. С. 39. Вместе с тем критик отмечал и другие точки зрения на фигуру Гёте в Германии 1920-х – начала 1930-х гг.: были и те, кто выступал против гётевского «юбилея». Динамов объяснял это ощущением «чуждости» Гёте современной буржуазии: «Гёте не вмещается в рамки современного капиталистического общества. Он их расшатывает. Он пугает своей колоссальностью. Нужно его принизить. Нужно его смять. <...> Нужно сбросить его. Нужно растоптать глубину его мышления, исковеркать всю остроту его ума. Из огромного, всеохватывающего, универсального и необычного нужно сделать обыденным, домашним, уютным, не тревожащим. Какая лакейская цель, какая куриная психология, какая слепота класса, стоящего на краю пропасти!» (Там же. С. 77).

³²² От редакции // Литературное наследство. Т. 16–18. С. 1.

³²³ См., например, исследование Мориса Фридберга «Russian Classics in Soviet Jackets» (New York; London, 1962), а также отдельные позиции в соответствующих разделах специальной библиографии в кн.: Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!». С. 704–721.

фундаментально, хотя отдельные его аспекты получили свое освещение. Укажу на две работы, без которых невозможен разговор о контексте существования академической науки о Пушкине в предвоенный период.

Формированию представления о *советском Пушкине* посвящена книга Ю. А. Молока «Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии». Это компактное исследование в формате богато иллюстрированной хрестоматии с фундированным комментарием погружает читателя в контекст тесно связанных между собой дискуссий, инициированных ленинградскими журналами «Звезда» и «Литературный современник», о новом советском «памятнике гению» и проблемах иллюстрирования пушкинских изданий. Собирая этот пазл, Молок — не покидая границ реального комментария — убедительно показывает, что за внешней оболочкой пространных рассуждений об изобразительном решении пушкинского «юбилея» скрывался комплекс проблем, связанных с интерпретацией и усвоением наследия поэта советской эпохой. Причем плюрализм мнений (о будущем памятнике рассуждали главный архитектор Ленинграда, скульпторы, писатели, артист) нисколько не приближал участников дискуссии к ответу; скорее наоборот — дискуссия уходила в побочные темы, обнажая сокровенное: неготовность решить, каким же все-таки должен быть новый, *сталинский Пушкин*. Автор книги не скрывает иронии, отмечая, что чтение публикуемых материалов дает ясное представление, каким *не должен быть* памятник поэту³²⁴.

Особую ценность, на мой взгляд, имеют уже отмеченные реальные комментарии к текстам, объемно воссоздающие не только контекст дискуссии, но и исторический фон пушкинского «юбилея». Не менее ценны и наблюдения, отраженные в очерке истории пушкинских памятников — работы А. М. Опекушина, открытого в 1880 году в Москве, и неосуществленного ленинградского. Так, например, Молок отмечает стремление конструировать нового Пушкина через развенчание старой скульптуры, причем в какой-то момент это противостояние выходит за рамки «пушкинского поля» и проектируемый

³²⁴ См.: Молок Ю. Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М., 2000. С. 34.

памятник начинает соперничать с «Медным всадником», становясь очевидной доминантой Невской акватории в историческом центре Ленинграда: за счет локации (Стрелка Васильевского острова) и высоты, сопоставимой с ростральными колоннами.

Этот нереализованный проект — стартовая точка книги американского слависта Дж. Б. Платта «Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт». На примере скульптуры Пушкина работы И. Д. Шадра, победившей в конкурсе 1938 года, автор демонстрирует столкновение двух темпоральных стратегий: монументализма (с его ориентацией на традицию и преемственность) и эсхатологии (новизна и бунтарство), двух составляющих дискурса модерности, который и становится (увы!) слишком жесткой теоретической рамкой всего исследования. Анализируя пушкинский «юбилейный» материал и его флер в педагогических текстах, научной литературе, изобразительном искусстве, художественной прозе, драматургии и кино, Платт неизменно держится за постулируемое им доминирование гибридного хронотопа³²⁵, который якобы определяет стратегии канонизации Пушкина в сталинскую эпоху.

За избыточной теоретизацией то и дело теряются (или искажаются) объективные факты. Так, например, в главе, посвященной критической и научной литературе раннесоветского периода, исследователь декларирует представление «всего многообразия позиций, которые занимали по отношению к Пушкину критики и ученые раннесоветского периода»³²⁶. На деле же Платт ограничивается анализом работ нескольких теоретиков, попутно демонстрируя сущностное непонимание разницы между теоретическими построениями Б. С. Мейлаха и Л. Я. Гинзбург. Значимые и значительные достижения академического пушкиноведения им не учитываются вовсе: внимания исследователя удостоиваются лишь работы В. В. Виноградова о языке и стиле Пушкина. Не

³²⁵ См.: Платт Дж. Б. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт / Пер. с англ. Я. Подольного. СПб., 2017. С. 20.

³²⁶ Там же. С. 203.

вдаваясь в детали, отмечу, что и на других главах книги лежит подобная концептуальная печать, а отдельные ее параграфы и вовсе стали литературоведческими мемами (см., например, анализ «гомоэротизма» Пушкина и его друзей-декабристов в фильме М. Левина «Путешествие в Арзрум», 1936³²⁷).

Не столь яркое, но не менее отчетливое влияние концептуальной теоретической рамки на исследовательскую оптику (в совокупности с ограниченным набором источников) обнаруживается в ряде работ зарубежных славистов, посвященных становлению и трансформации пушкинского мифа в советское время³²⁸. Анализируя в большинстве своем материалы печати и свидетельства современников, исследователи упражнялись в поисках *целей* пушкинского «юбилея» 1937 года и находили их то в попытках советской власти «присвоить себе величие и мощь Российской Империи» (в лице Пушкина) путем вовлечения в юбилейные «торжества» «интеллектуалов, хорошо знакомых с культурой и славой старой России»³²⁹, то в трансляции нативистских идей превосходства титульной нации над другими народами СССР (здесь речь идет об «этнически поляризованной пушкинской пропаганде» — ср.: «великий *русский* национальный поэт», «гордость великого *русского* народа» и т. под.)³³⁰.

На мой взгляд, изучение прагматических аспектов «юбилея» 1937 года невозможно как без обращения к архивным источникам, так и без учета диффузности советской политико-идеологической пропаганды, для которой характерно порой весьма хаотичное движение. Напомню, что идея подготовки и проведения всесоюзного чествования Пушкина в 1937 году созревала и

³²⁷ Там же. С. 296–298.

³²⁸ См., например: *Petrone K. A Double-Edged Discourse on Freedom: The Pushkin Centennial of 1937* // *Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 113–148; *Sandler S. Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet*. Stanford: Stanford University Press, 2004; *Pinkham S. Pushkin for President: Russian Literary Cults in the Transition from Communism*. New York City: Columbia University, 2019 и др.

³²⁹ *Petrone K. A Double-Edged Discourse on Freedom*. P. 147.

³³⁰ *Brandenberger D. «The People's Poet»: Russocentric Populism during the USSR's Official 1937 Pushkin Commemoration* // *Russian History*. 1999. Vol. 26. № 1. P. 67.

оформлялась в (около)академических кругах задолго до ее передачи в руки партийных функционеров и учреждения Всесоюзного Пушкинского комитета. Во многом этому оформлению способствовали представители академического пушкиноведения — члены Пушкинской комиссии АН СССР, которыми был подготовлен и первый проект пушкинских «юбилейных торжеств»³³¹. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что на каком-то из этапов своей трансформации эта идея не «насытилась» в том числе и вышеуказанной прагматикой. Однако видеть *цель* пушкинского «юбилея» в апроприации наследия Империи и/или легализации шовинизма все же неправомерно.

Здесь я склонен солидаризироваться с мнением О. С. Муравьевой, которая отмечает абсолютно закономерное развитие советского мифа о Пушкине в русле его дореволюционной традиции. Задача, по сути, оставалась все той же — «сделать из Пушкина эталон добродетели во вкусе эпохи»³³². Так и происходило: пушкинские «пророчества» толковались «столь же прямолинейно» (был изменен лишь набор этих «пророчеств»), всенародная любовь к Пушкину «получала все новые неслыханные подтверждения» и т. д. Витальность пушкинского мифа Муравьева объясняет в том числе и «реальными запросами общества»: «В нем отозвались и действительная, непритворная любовь к Пушкину, и редкая по тем временам возможность адресовать восхищение тому, кто в самом деле этого

³³¹ Приведу перечень «юбилейных» мероприятий, предусмотренных в плане, подготовленном московскими пушкинистами в декабре 1933 г.: 1. подготовка академического издания ПСС и массовых изданий Пушкина, 2. охрана и приведение в порядок пушкинских мест (Михайловское, последняя квартира, место дуэли; переименование Детского села в «Пушкинское село»), 3. подготовка Всесоюзной Пушкинской выставки и 4. Всесоюзного Пушкинского съезда в Москве, 5. проведение «пушкинской декады» с 8 по 18 февраля 1937 г. в школах и клубах («день 10-го февраля 1937 г. сделать в школах выходным, посвятив школьные собрания разъяснению значения юбилея»), 6. подготовка театральных постановок и кинофильмов, 7. учреждение ежегодных Пушкинских премий, 8. назначение персональных пенсий прямым потомкам Пушкина и старейшим пушкиноведам, 9. проведение конкурса на установку памятника Пушкину в Ленинграде, 10. разработка почтовой марки (см.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 66–67).

³³² *Муравьева О. С.* Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине / Отв. ред. М. Н. Виролайнен. СПб., 1994. С. 124.

заслуживает, и национальная гордость, и затаенный интерес к прошлому своей страны»³³³.

Так или иначе, «юбилей» 1937 года становится маркером апроприации литературного наследия классика и полной легализации³³⁴ Пушкина в качестве *союзника* советского человека в социалистическом строительстве.

На этом фоне важно прояснить отношение пушкинистов к «юбилею» 1937 года. Выступив с инициативой его проведения еще в 1932 году, Пушкинская комиссия, как кажется, стремилась найти материальную и политическую поддержку собственным, сугубо научным начинаниям, прежде всего — академическому изданию сочинений Пушкина и факсимильному воспроизведению его рукописей. С этой целью Ю. Г. Оксман, Д. П. Якубович, М. А. Цявловский и другие члены комиссии на разных уровнях периодически транслировали риторически выверенные пассажи о новом, советском Пушкине; некоторые из них современный читатель найдет мало отличающимися от выступлений идеологов-пропагандистов³³⁵. Однако на фоне разгрома Академии наук, Государственного института истории искусств и ряда писательских организаций им важно было отстоять право на занятия Пушкиным, в связи с чем требовалось доказывать его *актуальность* для советского читателя.

Я. А. Гордин в эссе «Распад, или Перекличка во мраке» отмечал, что в то время для интеллигенции «имя Пушкина было <...> паролем, который отличал людей

³³³ Там же. С. 126.

³³⁴ Постреволюционное десятилетие было отмечено неоднозначным, противоречивым отношением к фигуре Пушкина: см., например, риторику революционных стихов Маяковского («Выстроили пушки по опушке, / глухи к белогвардейской ласке. / А почему / не атакован Пушкин? / А прочие / генералы классики?»), категорическое отрицание Пушкина Пролеткультом и ЛЕФом, изъятие его книг из общественных библиотек Главполитпросветом (см.: *Блюм А. В.* «Снять контрреволюционную шапку...»: Пушкин и ленинградская цензура 1937 г. // *Звезда*. 1997. № 2. С. 209) и проч.

³³⁵ См., например: «Творчество Пушкина — лучшее, что создала литература под гнетом помещичьего общества. <...> Пушкин — участник нашей жизни, нашей культурной стройки» (*Якубович Д.* Почему нам близок Пушкин? // *Советское студенчество*. 1937. № 2. С. 43).

культуры от варваров»³³⁶. Блок, Ахматова, Гуковский, Мандельштам — все они в 1920-е годы увидели в Пушкине «эталон абсолютной независимости от беснования общественной стихии»³³⁷. Именно со стремлением ряда исследователей к подчеркнутой независимости и аполитичности связывает «расцвет пушкиноведения» 1920-х–1940-х годов О. С. Муравьева, имея в виду прежде всего Б. В. Томашевского, М. А. и Т. Г. Цявловских, С. М. Бонди, Н. В. Измайлова, отказавшихся от «споров с фальсификаторами и конъюнктурщиками» и «возражений против тенденциозных и <...> неверных толкований»³³⁸.

Действительно, некоторые исследователи нашли в занятиях Пушкиным (прежде всего — в пушкинской текстологии) своего рода «убежище» от стремительной идеологизации гуманитарного дискурса. Вполне удачно эту мысль сформулировала К. Петроне: «В то время как одни пушкинисты стремились исследовать представления Пушкина о свободе, другие боролись за сохранение своей собственной научной свободы»³³⁹. По сути, размежевание внутри пушкинистики в 1930-е годы прошло по линии *наука vs. критика*. «При советской власти <...> критика называла себя наукой, а настоящая наука существовала лишь в порядке попустительства», — метко замечал М. Л. Гаспаров³⁴⁰. Он констатировал существование на рубеже XX и XXI веков «двух параллельных пушкинистик»: «одна считает себя наследницей академической науки, а другая — наследницей <...> критики»³⁴¹. Это разделение сохраняется и по сей день и генетически восходит к рельефу научного поля, который сформировался в 1930-е–1940-е годы.

³³⁶ И далее: «Обращение к Пушкину как опоре и ориентиру в хаосе политическом и духовном свойственно было в то время очень и очень многим из тех, кто не примирился с обесцениванием личности и духа» (Гордин Я. Пушкин. Бродский. Империя и судьба: В 2 т. М., 2016. Т. 1. С. 455).

³³⁷ Там же. С. 461.

³³⁸ Муравьева О. С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы. С. 122.

³³⁹ Petrone K. A Double-Edged Discourse on Freedom. P. 140.

³⁴⁰ Гаспаров М. Л. К обмену мнений о перспективах литературоведения // Гаспаров М. Л. Собр. соч.: В 6 т. М., 2023. Т. 6. С. 466.

³⁴¹ Там же. С. 466–467.

При этом среди участников академического издания были и те, кто не решился, подобно Б. В. Томашевскому, бесповоротно «уйти в раковину» текстологии и комментария. Ими пушкинский «юбилей» 1937 года (а затем и юбилей 1949 года) был воспринят как возможность для карьерного роста. Так, например, совмещая работу в АПСС с теоретическими разысканиями в области социологии творчества Пушкина и попытками глобализации его роли в истории мировой культуры, Д. Д. Благой в послевоенные годы прочно утвердился во главе отечественного литературоведения³⁴².

Завершая контекстуальный анализ, важно сказать еще об одном знаковом пушкинском проекте, который возник на фоне «юбилея» 1937 года. Идея организации масштабной выставки, посвященной Пушкину, высказанная на конференции пушкинистов 1933 года, была впоследствии горячо воспринята партийными функционерами. Она стала главным проектом Всесоюзного Пушкинского комитета, который был вновь учрежден Постановлением ЦИК СССР от 16 декабря 1935 года³⁴³. Ближайшее участие в разработке ее концепции приняли крупнейшие московские пушкинисты: М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, Г. О. Винокур, Н. С. Ашукин. Особое постановление Совнаркома предписывало архивам и музеям немедленно представить материалы для этой выставки и, более того, запрещало экспонировать их на собственных выставках без разрешения Всесоюзного Пушкинского комитета. «Юбилейная» выставка в столице изначально рассматривалась как дело политической важности.

Всесоюзная Пушкинская выставка открылась 16 февраля 1937 года в семнадцати залах Государственного Исторического музея. На ней было

³⁴² Анализ научной биографии Д. Д. Благого в свете идеологии и прагматики его пушкиноведческих работ см.: *Цыганов Д. М.* Пушкин и рождение «новой» социалистической литературы: Случай Дмитрия Дмитриевича Благого // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!». С. 408–452.

³⁴³ До этого Всесоюзный Пушкинский комитет был учрежден Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июля 1934 г. (см.: *Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953.* М., 1999. С. 218–219), однако трагические события, точкой отсчета которых стало убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г., тогда затормозили подготовку «всесоюзного пушкинского праздника».

представлено более 5600 экспонатов из 102 различных учреждений Советского Союза; в фондах Выставки оставалось еще около 10 тысяч экспонатов. Получив доступ к этой «сокровищнице», столичные пушкинисты предприняли попытки сохранить Пушкинскую выставку в качестве постоянно действующего музея в Москве. 4 марта 1938 года было подписано Постановление № 256 Совнаркома СССР «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина»³⁴⁴, которое не только закрепляло за ним все экспонаты «юбилейной» выставки, но и обязывало учреждения передать в учрежденный музей все «имеющиеся у них материалы, связанные с жизнью и творчеством Пушкина»³⁴⁵.

В скором времени заведующий Сектором рукописей Государственного музея А. С. Пушкина М. А. Цявловский стал осуществлять планомерную концентрацию рукописных материалов в новом музее, последовательно изымая — в соответствии с Постановлением Совнаркома — автографы из коллекций Гослитмузея, Ленинской библиотеки в Москве, Публичной библиотеки в Ленинграде. Единственным учреждением, которому удалось уклониться от исполнения директивы, был Пушкинский Дом, для которого с изъятием пушкинского фонда прекратилась бы его история в том виде, как он был задуман его основателями³⁴⁶.

История Государственного музея А. С. Пушкина весьма драматична: после «выселения» из ГИМа для него не нашлось подходящего здания в Москве, в связи с чем его фонды оставались в свернутом состоянии как до войны, так и после возвращения музея из эвакуации. Это обстоятельство стало решающим в деле передачи музея Институту русской литературы в Ленинграде летом 1948 года в преддверии очередного пушкинского юбилея.

³⁴⁴ Ныне существующий в Москве Государственный музей А. С. Пушкина (Пречистенка 12 / 2) был создан в 1957 г.; он не является преемником этого музея.

³⁴⁵ Цит. по: Каталоги фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации / Ред. К. П. Богаевская. М., 1948. Вып. 7. С. 18 (1-я паг.).

³⁴⁶ Подробнее о Государственном музее А. С. Пушкина и концентрации пушкинских рукописей в 1930-е–1940-е гг. см.: *Краснобродько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам. С. 5–29.

2. 2. Организация работы

2. 2. 1. Пробный том

Изучение научного продукта в герметичном контексте эволюции научного знания, вне обстоятельств его создания и функционирования, неизбежно приводит к формированию искаженного представления о нем³⁴⁷. Это утверждение в полной мере касается истории советского академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, где реализация собственно научной задачи (развернутое описание которой дано в предыдущей главе) происходила в условиях жесткого политико-идеологического контроля и организационной нестабильности, которые во многом обусловили конечный результат. В предыдущем параграфе была предпринята попытка широкой контекстуализации научного проекта; целью же настоящего является абрис организационной стороны издания и введение в научный оборот новых источников по его истории.

Конференция пушкинистов дала мощный толчок академическому изданию Пушкина, однако его институциональное оформление в виде специального проекта

³⁴⁷ Ср.: «Часто понимают историю науки как последовательное, “одномерное” развитие усложняющегося знания. Эта искусственно стройная схема изолирует науку от живого человеческого общества и личности, от истории в широком смысле и мало похожа на действительность. Она повторяет развернутую во времени внутреннюю логику научной догмы сегодняшнего дня, в этом ее дидактическое оправдание и в этом же ее основной порок. Известно, что последовательность такой логики редко совпадает со сложными зигзагами подлинно происходящего» (*Вавилов С. И.* Галилей в истории оптики // *Успехи физических наук.* 1964. № 8. С. 583). Эта мысль, высказанная Вавиловым еще в начале 1940-х гг. (см.: *Галилео Галилей.* М.; Л., 1943. С. 5), два десятилетия спустя получила многомерное теоретическое развитие в монографии «Структура научных революций» Т. Куна (1962), ставшей мощным толчком для изучения того, как в действительности развивается наука. «Расплывчатое, но выразительное куновское понятие парадигмы дало историкам науки, стремящимся избавиться от анахронизма, мощный инструмент — исследование научных практик: грубо говоря, что ученые в действительности делают в противоположность тому, что они говорят об этом. <...> Следование путями практик запутанно сплело науку с охватывающим ее культурным контекстом. Нет способа распутить это сплетение, невозможно заниматься исключительно наукой без исследования других способов познания и деятельности», — справедливо замечает Л. Дастон (*Дастон Л.* История науки и история знания // *Логос. Философско-литературный журнал.* 2020. Т. 30. № 1. С. 72, 78).

Академии наук СССР случилось существенно позже. Эта задержка была связана, прежде всего, с определением *формы организационного контроля* издания. Фактически заблокировав вариант единоличной редактур при «главной редакционной тройке», пушкинисты отстаивали формат коллективной редактур издания, на который руководство Академии было не готово согласиться. Только в конце лета усилиями Ю. Г. Оксмана удалось продвинуть проект в результате «беседы по пушкинским делам в самой высокой инстанции»³⁴⁸ и получить согласие А. М. Горького возглавить академическое издание³⁴⁹. 7 октября 1933 года Президиум Академии наук принял постановление о необходимости «немедленно приступить к подготовке и выпуску в свет академического издания произведений А. С. Пушкина, <...> принять все меры к тому, чтобы издание это было закончено к 1937 г.», и утвердил составы общей редакции и рабочей редакционной комиссии АПСС³⁵⁰. Примечательно, что в редакционный комитет издания вошел Н. К. Пиксанов — и не был включен Б. В. Томашевский³⁵¹.

³⁴⁸ См. письмо Оксмана к Цявловскому от 23 августа 1933 г.: «Очень досадно было не застать вас в Москве, — чуть было не махнул к вам в Ясную Поляну для совещания о плане наступления на Пушкинском фронте. А все предпосылки для успеха этого наступления налицо. Имел беседу по пушкинским делам в самой высокой инстанции, где очень сочувствуют не только полному собранию сочинений Пушкина, но и энциклопедии, а главное, большой конференции, которая объединила бы пушкиноведов с писателями. Конференцию будут проводить Акад<емия> наук и А. М. Горький, академическое издание будет возглавлять Горький, а легкую промышленность в области пушкиноведения — Л. Б. Каменев. С последним я тоже беседовал о конкретизации некоторых замыслов — о маленьком Пушкине и об энциклопедии» (цит. по: «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»: (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 535).

³⁴⁹ Отмечу, что на предложение В. П. Волгина от 10 января 1933 г. войти в состав редакции академического издания Горький спустя четыре месяца, в мае того же года, ответил отказом: «Войти в состав редакции академических изданий классиков наших я решительно отказываюсь, ибо не чувствую себя [дост<ойным>] способным на такую работу [и достойным ее]» (цит. по: Шуган О. В. А. М. Горький в главной редакции Полного академического собрания сочинений А. С. Пушкина. С. 103).

³⁵⁰ См.: Кузьменко Т. А. К истории академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина (1937–1949). С. 231. Списочные составы редакции и редакционной комиссии АПСС, приведенные в цитируемой выше статье О. В. Шуган (с. 105), неверны.

³⁵¹ Письма Д. П. Якубовича (о намерении инициировать включение Томашевского в Редакцию АПСС) и Б. В. Томашевского (о категорическом отказе принимать участие в подготовке академического издания), адресованные М. А. Цявловскому 11 октября 1933 г., см.:

Реакция пушкинистов на это постановление последовала незамедлительно. На первом же заседании Редакции 13 октября 1933 года Д. П. Якубович поставил вопрос о введении в ее состав Томашевского; в тот же день в Президиум Академии наук вместе с ходатайством Редакции была направлена и копия открытого письма М. А. Цявловского от 12 октября 1933 года:

Получив вечером 11 октября выписку из протокола заседания Президиума Академии наук Союза ССР от 7 октября об академическом издании полного собрания сочинений Пушкина и ознакомив ряд пушкинистов с содержанием этой выписки, считаю своим долгом сообщить, что невключение Б. В. Томашевского в состав рабочей редакции издания вызвало как с моей стороны, так и со стороны товарищей чувство глубокого удивления. Мы не представляем себе академического издания сочинений Пушкина без участия в рабочей редакции такого опытного и высококвалифицированного редактора и крупнейшего текстолога, каким является Борис Викторович Томашевский, и потому позволяем себе просить Рабочую редакцию выйти с ходатайством в Президиум Академии о введении в Рабочую редакцию Б. В. Томашевского.³⁵²

Месяц спустя Редакционно-издательский совет АН СССР вывел из состава Редакции АПСС Пиксанова и включил Томашевского. Тогда же было выделено и финансирование на подготовку первых двух томов издания — лицейской лирики и драматургии³⁵³. К началу 1934 года общее руководство академическим изданием осуществлял Редакционный комитет в составе академиков В. П. Волгина (главный редактор) и А. С. Орлова (заместитель главного редактора), а также Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского и Д. П. Якубовича³⁵⁴.

Таким образом, работа над академическим Пушкиным фактически началась в декабре 1933 года. Сохранились первоначальные проекты инструкции, а также график выпуска семнадцати (из 18) томов издания к пушкинскому «юбилею» 1937 года³⁵⁵. Этот план в полной мере соответствовал амбициозным заявлениям

Ларионова Е. О. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов. С. 47–48.

³⁵² РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 4.

³⁵³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 387. № 362. Л. 73.

³⁵⁴ *Мануйлов В., Модзалевский Л.* Хроника пушкиноведения за 1933 год. С. 153–154.

³⁵⁵ См.: РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 27. Л. 1–26.

отдельных участников конференции пушкинистов о готовности «исполнить академическое издание в кратчайшие сроки». Об этом, в частности, говорил тогда и будущий руководитель проекта Ю. Г. Оксман: «Можно надеяться — в сравнительно короткий срок, в не очень благоприятных условиях — выполнить заказ советской научной общественности и дать настоящего академического Пушкина, текстологически препарированного на основе последних достижений пушкиноведения и марксистской методологии»³⁵⁶. «От требования закончить все издание к столетней годовщине, правда, хватило благоразумия вскоре отказаться, — вспоминал один из участников АПСС Л. Л. Домгер, — но все же вполне серьезно говорилось о выпуске шести томов в течение 1934–1935 гг.»³⁵⁷ Это сверхамбициозное планирование на начальном этапе подготовки издания впоследствии стало одной из причин его трагедии.

Основные работы по подготовке первого (и единственного вышедшего в изначальном задуманном виде) тома пушкинской драматургии (т. 7) относятся к 1934 — первой половине 1935 годов. Помимо общего редактора тома (Д. П. Якубович) в подготовке текстов и составлении комментариев приняли участие Г. О. Винокур, М. П. Алексеев, Б. В. Томашевский, Н. В. Яковлев, С. М. Бонди, А. Л. Слонимский и Ю. Г. Оксман, причем ряд комментариев к произведениям, помещаемым в том, был вынесен на обсуждение в виде докладов на заседаниях Пушкинской комиссии³⁵⁸.

Выходу в свет в конце 1935 года в высшей степени качественно и добросовестно подготовленного тома сопутствовали отнюдь не самые благоприятные условия. Напряженное финансовое положение издания негативно повлияло на его художественно-полиграфическое оформление, отмеченное на

³⁵⁶ Там же. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 143.

³⁵⁷ Домгер Л. Л. Советское академическое издание Пушкина. С. 236.

³⁵⁸ См.: Турчаненко В. В. «Содействовать росту и развитию советского пушкиноведения». С. 326–329.

заседаниях в Москве (21 апреля 1936 года)³⁵⁹ и Ленинграде (26 января 1936 года в Доме печати и 1 июня 1936 года в Доме писателя)³⁶⁰. Однако более существенной проблемой для редакции АПСС стало резкое недовольство партийных функционеров большим объемом комментариев по отношению к текстам Пушкина.

На сегодняшний день по-прежнему представляется сложным отделить реальные факты от мифологических преданий. Так, без указания на апокрифичность данного сюжета, в статье В. Д. Рака приводятся высказывания, якобы принадлежащие И. В. Сталину: «Советские люди хотят читать Пушкина, а не пушкинистов» и «Кого мы, в конце концов, издаем — Пушкина или пушкинистов?»³⁶¹. Историк цензуры А. В. Блюм приводит и вовсе анекдотичный пассаж, доказывающий, скорее, расхожесть предания: «Сталин, просмотрев этот том, сказал: “Савэтскаму челаваэку камэнтарии нэ нужны”»³⁶².

По всей видимости, претензии к комментариям заключались не столько в их объеме и содержании³⁶³ (хотя построенная на этих двух тезисах аргументация выглядит достаточно убедительно), сколько в их потенциальной угрозе осуществлению издания к 1937 году. Заявив еще в проекте 1932 года готовность завершить издание в пятилетний срок, его участники не подозревали, что эта инициатива займет одно из ключевых мест в идеологической схеме пушкинского «юбилея», а ее невыполнение повлечет за собой тяжелые последствия. Вслед за

³⁵⁹ См.: Из истории советского академического издания сочинений Пушкина: Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина. С. 273.

³⁶⁰ См.: Обсуждение VII тома академического издания в общественных организациях Ленинграда // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Т.] 2. С. 455.

³⁶¹ Рак В. Д. О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. С. 7.

³⁶² Блюм А. В. «Снять контрреволюционную шапку...». С. 213.

³⁶³ Критики отмечали «очень малое внимание», уделенное социальной проблематике в тексте комментариев, а также отсутствие имен и ссылок на классиков марксизма: «Ни один автор комментария не обращается к классикам марксизма <...>. Между тем на целый ряд вопросов, которые ставятся произведениями Пушкина и комментариями, можно было найти ответ в произведениях классиков марксизма» (см.: Пушкин, прочтенный эпохой // Литературный Ленинград. 1936. № 26. 6 июня. С. 1).

арестом одного из руководителей проекта, Ю. Г. Оксмана³⁶⁴, обострилась жесткая критика академического издания. Как полагает С. А. Фомичев, «директивной подосновой» ряда разгромных публикаций в периодической печати стал доклад заместителя председателя Всесоюзного пушкинского комитета А. С. Бубнова³⁶⁵. Говоря об академическом собрании сочинений, нарком просвещения резюмировал: «Советскому читателю не нужны такие псевдонаучные “комментарии”, которые подменяют действительное изучение Пушкина, его замечательной жизни и гениального творчества ковырянием в малосущественных мелочах личной жизни и разными по этому поводу догадками»³⁶⁶. Посягательства на структуру АПСС не ограничились нападками на комментарии. Л. Л. Домгер вспоминал, как Издательство АН СССР осудило «возню» с черновыми автографами Пушкина, заявив, что исследователи готовят к печати «пушкинский брак»³⁶⁷. И если сохранение раздела других редакций и вариантов редакторам АПСС отстоять удалось, то комментарии — в соответствии с новым издательским планом — было предписано заменить краткими справками источниковедческого характера.

³⁶⁴ «Арест явился полной неожиданностью для Оксмана — настолько, что, считая визит агентов ГПУ “простым недоразумением”, он взял с собой в тюрьму очередные корректуры издания: он был совершенно уверен, что недоразумение вскоре разъяснится и он не сегодня — завтра вернется домой вместе с корректурами» (*Домгерр Л. Л.* Советское академическое издание Пушкина. С. 241). См. также статью М. А. Фролова «“Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...”: К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936–1958)» (*Вопросы литературы.* 2011. № 2. С. 431–473).

³⁶⁵ *Фомичев С. А.* «Звезда пленительного счастья...» // *Русская речь.* 1993. № 2. С. 5.

³⁶⁶ *Бубнов А.* К пушкинским дням // *Правда.* 1936. № 346 (6952). 17 декабря. С. 2.

³⁶⁷ *Домгерр Л. Л.* Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг. С. 298.

2. 2. 2. В. Д. Бонч-Бруевич во главе Редакции АПСС

В конце ноября 1936 года заведующим Редакцией академического издания ПСС Пушкина был назначен революционер, партийный и государственный деятель, основатель и первый директор Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич. «Надо отдать ему справедливость: наделенный кипучей энергией и несомненными организаторскими способностями, а также большим умением раздобывать необходимые и немалые денежные средства, он сумел в сравнительно короткое время создать замечательное собрание рукописей, книг и иконографических материалов, — вспоминал Домгер. — С такой же энергией и готовностью безоговорочно выполнять самые абсурдные директивы “партии и правительства” принялся он и за академическое издание Пушкина»³⁶⁸.

Стараниями Бонч-Бруевича в кратчайшие сроки был собран новый Редакционный комитет³⁶⁹ и налажена работа по выпуску к «юбилею» четырех томов издания: т. 1 (Лицейские стихотворения), т. 4 (Поэмы 1817–1824), т. 6 («Евгений Онегин») и т. 7 (Драматические произведения) (последний был выпущен в «обновленном» варианте без комментариев). Важные штрихи к портрету Бонч-Бруевича как заведующего Редакцией дает его письмо к академику-секретарю Отделения общественных наук АН СССР А. М. Деборину от 10 января 1937 года, в котором описана реакция пушкинистов на их «травлю» в печати:

Дорогой Абрам Моисеевич!

Считаю необходимым представить Вам копию письма, направленного редактору журнала «Большевистская печать» проф. Томашевским Б. В., одним из главных редакторов полного собрания сочинений Пушкина, где он так великолепно отредактировал главнейший том этого собрания сочинений, а именно «Евгения Онегина». В этом письме он излагает все

³⁶⁸ Домгерр Л. Л. Советское академическое издание Пушкина. С. 241–242.

³⁶⁹ В него вошли: П. И. Лебедев-Полянский (председатель), В. Д. Бонч-Бруевич (заместитель председателя — заведующий Редакцией), академики Н. П. Горбунов и А. М. Деборин, директор Издательства АН П. И. Чагин, ученый секретарь ИРЛИ Н. Г. Свирин, а также пушкинисты — Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и Д. П. Якубович; в траурной рамке во всех томах издания сохранялось имя Максима Горького.

свои возражения на статью, появившуюся в «Большевистской печати»³⁷⁰, которая его в высшей степени оскорбила и своим тоном, и всеми теми сведениями, которые там сообщались. Причем сведения эти во многом уклоняются от истины, а иногда являются и прямо ошибочными. Должен сообщить Вам, что это совершенно непонятная для меня травля пушкинистов в печати произвела свое отрицательное впечатление, которое сильно тормозит академическое издание полного собрания сочинений Пушкина, т. к. эти основные работники академического издания не могли, конечно, равнодушно относиться ко всем этим заушениям в печати, истратили очень много времени на беготню по редакциям и другим учреждениям, пытаясь опровергнуть эти данные, но, к сожалению, органы печати остались глухи и немы к их заявлениям и никаких возражений на эти неправильные статьи они напечатать не могли.

Правда, в то же время в личных устных беседах в ЦК партии и в других местах им разъясняли, что это, де, не официальные статьи, что против них ничего не имеют, но вместе с этим разъяснения, конечно, не могли всецело искоренить впечатления от этих статей, которые разошлись по СССР в огромном количестве экземпляров. Мне стоило величайшего труда вновь договориться с редакторами, чтобы они принялись за работу. «Руки опускаются, — говорили мне они, — ибо нет никакой возможности выносить тот незаслуженный поток упреков и брани, который нам приходится читать в различных газетах и статьях, появляющихся в последнее время в нашей центральной печати».

Я должен отметить, что, помимо этого, все редакторы собрания сочинений Пушкина завалены другими совершенно обязательными для них работами, так, например, они имеют предписание от наркома просвещения ежедневно бывать на выставке Пушкина и там проводить возложенную на них работу³⁷¹.

Все это вместе создает крайне тяжелое положение для работы над собранием сочинений Пушкина. Но, повторяю, все-таки удалось настроение поднять. <...>

Крепко жму Вашу руку, с коммунистическим приветом

Влад. Бонч-Бруевич³⁷²

³⁷⁰ Речь о статье И. Лежнева «Каста пушкинистов», которая содержала, в частности, такой пассаж: «Модный пушкинист обдeldывает свои дела на ходу, торгуясь направо и налево. Он стал прыток, боек, оборотист. И только диву даешься, откуда у изъеденного, казалось, молью старика такая оперативность. Но без тени смущения, с откровенным цинизмом прожженного рвача-деляги профессор отвечает: “Столетний юбилей бывает раз в сто лет”... Век живи — такой ярмарки не будет. Лови момент! Рви, где можно» (Большевистская печать. 1936. № 10. С. 17–18).

³⁷¹ Речь о подготовке Всесоюзной Пушкинской выставки в Москве и Юбилейной Пушкинской выставки в Эрмитаже (Ленинград).

³⁷² АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47. Л. 29–29 об.

Почти сразу, не дожидаясь окончания февральской «юбилейной агонии»³⁷³, Бонч-Бруевич приступил к планомерной организации процесса подготовки академического издания. Концом декабря 1937 года — началом января 1938 года датируется разработка текстологической (для лирики) и орфографической инструкций³⁷⁴; в январе и феврале были согласованы с Издательством Академии наук нормы оплаты различных видов работ для сотрудников издания (утверждены 3 марта 1937 года)³⁷⁵; в начале апреля были окончательно приняты новые инструкции для издания прозаических текстов и составления именного указателя³⁷⁶. Вся эта научно-организационная «рутина», которой до этого времени уделялось существенно меньше внимания, явилась необходимым условием для продолжения академического издания. Однако даже такая «ответственная

³⁷³ Выражение Б. В. Томашевского из письма к В. Д. Бонч-Бруевичу от 27 декабря 1936 г. (РО ИРЛИ. Ф. 373).

³⁷⁴ См. письмо Бонч-Бруевича Деборину от 14 января 1937 г.: «Послал Вам текстологическую и орфографическую инструкции, которые мы наконец закончили и утвердили. <...> До сих пор этого не было и все работали — всякий по собственному разумению и поэтому получилось, что письма, обрабатываемые в Москве под редакцией Д. Д. Благого, оформлялись по одной орфографии, а письма других лет этого же тома, редактирующиеся в Ленинграде, оформленные Л. Б. Модзалевским и Д. П. Якубовичем, оформлялись по другой орфографии. Все это приходится переиздавать, переделывать и приходится тратить на эту ерунду большое количество времени. Просто удивляюсь на Оксмана, как он это допустил! Счастлив, что вовремя спохватились, успели переделать и положили предел этой редакционной вакханалии, которая могла бы оскандалить академическое издание Пушкина. <...> Сейчас напрягаю все силы, чтобы редактора днем и ночью вели корректурные работы. Они действительно ведут их днем и ночью, я бы сказал, с большой опасностью для своего личного благополучия, т. к. некоторые из них уже сильно поддались невероятному переутомлению. Есть случаи, что редактора работали сплошь по трое суток почти без сна» (АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47. Л. 43–43 об.).

³⁷⁵ «а) контрольный рецензент получает 25 руб. с листа, б) редактор всего тома получает 50 руб. с листа (минус его собственная работа), в) тексты Пушкина (канонические) — 150 руб. с листа, г) другие редакции и варианты — 600 руб. с листа, д) алфавитный указатель произведений (содержание) — 400 руб. с листа, е) алфавитный указатель имен — 800 руб. с листа, ж) текстологические примечания — 800 руб. с листа, з) за переводы — 300 руб. с листа. Если перевод сделан прозой, то лист считается в 40 000 букв, а если стихами — то 450 стихов» (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 1 об.–2). Эти условия отражены и в договорах, заключенных с редакторами — см., например, договор Издательства АН СССР с Л. Б. Модзалевским на подготовку текстов и вариантов и составление текстологических примечаний для т. 11 АПСС (РО ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 137. Л. 1–2 об.).

³⁷⁶ Инструкции были разосланы редакторам 10 апреля 1937 г. (см., например: Там же. Ф. 47. Оп. 2. № 28. Л. 17).

постановка работы» не могла обеспечить его выхода в нереалистичные сроки, установленные правительством. В связи с этим в июле 1937 года В. Д. Бонч-Бруевич подготовил докладную записку с обоснованиями вынужденной корректировки сроков выпуска академического издания. Приведу этот документ полностью.

ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК

В. Л. КОМАРОВУ

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

согласно Вашему желанию, посылаю Вам те мои соображения, которые могут лечь в обоснование доклада Правительству с просьбой об отсрочке издания Пушкина.

1) До ноября 1936 г. заведывание всем изданием академического собр<ания> соч<инений> А. С. Пушкина находилось в руках вредителя Оксмана, давно уже арестованного, который так распределял работы между пушкинистами, что ни одного тома нельзя было закончить. Он давал разные инструкции разным работникам, и когда материалы приходилось сводить в один том, то сделать этого было нельзя, потому что московские пушкинисты работали по другой схеме и другой инструкции чем ленинградские, так что большую часть работы приходилось перерабатывать вновь.

2) Пушкинистов, имеющих достаточно научное имя, на которых вполне можно было бы положиться при работе над академическим изданием Пушкина, — очень мало. Все они были до такой степени перегружены работой по Пушкину за последние 2 года, не только по издательской части, но и по Пушкинской выставке, и по чтению огромного числа лекций по Пушкину в различных аудиториях, клубах, заводах и пр<очих> местах, что времени на редактирование издания Пушкина у них было немного.

Несмотря на крайнее напряжение удалось только к выставке издать 4 тома. После выхода этих томов энергия у пушкинистов страшно упала, и большинство из них должны были выехать на длительный срок на серьезное лечение, так как целому ряду из них грозили серьезные заболевания: М. А. Цявловскому, С. М. Бонди, Д. П. Якубовичу и др. Это пагубно отразилось на работе над следующими томами.

Попытка привлечь более молодые силы к работе над академическим изданием Пушкина потерпела полное фиаско, так как наилучшие из молодых, приглашенные на работу, оказались недостаточно квалифицированными, чтобы они могли справиться с пушкинскими рукописями, так как надо было работать не только с основными текстами, но и с многочисленными вариантами почти каждой рукописи поэта. Некоторые из молодых

отказались от этой работы, а другие представили работы в таком виде, что после рецензирования их, пришлось их переделывать заново в буквальном смысле этого слова.

3) В первом академическом издании Пушкина, которое будет действительно полным, имеется огромное число новых, никогда не исследованных текстов, принадлежащих Пушкину. Таковы варианты к «Евгению Онегину», варианты повести «Дубровский», почти целый том материалов по Петру I, которые Пушкин готовил для написания романа из жизни этого времени. Точно так же многие другие произведения, например «История Пугачевского бунта», будет впервые напечатана полностью без малейших искажений, с опубликованием всех вариантов, которые сохранились от великого писателя. А также совершенно новый 16-й том, в который войдут все рисунки, сделанные рукою Пушкина с весьма краткими объяснениями.

4) На замедленности темпов работы академического издания Пушкина также отразилась очень долгая волокита с получением нужных для редактирования рукописей обратно с Всесоюзной Пушкинской выставки и пересылкой их в Ленинград для редакционной работы.

5) Все эти обстоятельства, а также крайняя переутомленность редакторов академического издания Пушкина, которые приедут обратно из отпуска только к осени и примутся за работу с обновленными силами, — заставляют просить Правительство отсрочить напечатание полного академического издания сочинений А. С. Пушкина не в 1937 г., а в течение 1938 г., причем мы, конечно, не будем ослабевать редакторские темпы и постараемся сдать в течение 1937 г. все 15 томов, оформив их окончательно в редакторском смысле. Но напечатать их в количестве 35 000 вряд ли удастся в течение 1937 г., так как процесс печати одной такой книги занимает много времени.

Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на то, что фактически на редактирование 16 томов сочинений А. С. Пушкина было отпущено всего 14 месяцев. А такая работа, тем более так тщательно проводимая, где публикуются решительно все варианты Пушкина, конечно, требует значительно большего времени.

Все несчастье в том, что первые три года были растрачены совершенно зря вредителем Оксманом, взявшим это дело в свои руки.

Как будто бы я привел все замедляющие соображения по изданию академического полного собрания сочинений А. С. Пушкина и полагаю, что с ними нельзя не согласиться.

С искренним и глубоким уважением к Вам

Влад. Бонч-Бруевич³⁷⁷

³⁷⁷ АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47. Л. 157–158.

Сроки подготовки издания были продлены — сначала до конца 1938 года, затем до конца 1939-го. Впрочем, эти «послабления» неизменно сопровождались нареканиями и даже прямыми угрозами со стороны партийных функционеров и руководства Академии. Так, на заседании Редакционного комитета 28 января 1938 года П. И. Лебедев-Полянский грозил С. М. Бонди применением «по-большевистски строжайших мер»³⁷⁸ за задержку сдачи нескольких текстов для тома критико-публицистической прозы. В контексте широко развернувшихся в то время репрессий эта угроза не выглядела просто фигурой речи. Стоит сказать, что Бонч-Бруевич в этих случаях всегда брал основной удар на себя. В переписке с редакторами он мог быть резок и даже груб (вслед за такими письмами неизменно следовали извинения³⁷⁹), однако на заседаниях Редакционного комитета и в общении с Президиумом АН выступал заодно с редакторами, понимая все трудности текстологической работы. Различие внешней и внутренней точек зрения на редакционный процесс ярко показывает следующий фрагмент стенограммы заседания Редкомитета АПСС от 1 ноября 1937 года:

Председатель <П. И. Лебедев-Полянский>. Когда составлялся план издания, который лежит у меня на столе, то я почти наизусть знаю, где что должно быть, а сейчас я не могу обсуждать, так ли нужно или не так. Я не могу сказать...

Бонч-Бруевич. План был утвержден и Редкомитетом был принят, дополнен, и на основании утвержденного плана Редкомитета эта работа сделана. Теперь в процессе работы явились некоторые сомнения.

Председатель <П. И. Лебедев-Полянский>. Могу сказать только одно: бедные советские граждане, которые окончательно не в состоянии будут читать сочинения Пушкина. Все время перекраиваются! Школьники жалуются, учителя жалуются... Все жалуются! Жалуются на то, что Пушкина нельзя в школе читать. По одному изданию так,

³⁷⁸ И далее: «Когда нарком так работает, то снимают его. По существу, следовало бы и вас снять с работы. А вы пользуетесь тем, что выполняете нужную функцию. <...> Это абсолютно недопустимое положение» (РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 12–13).

³⁷⁹ См. в письме к Б. М. Эйхенбауму от 9 февраля 1938 г.: «Прошу Вас не обижаться на мой сугубо официальный тон. Вы должны понять, что я исполняю требования Президиума АН, и мой тон есть тон официального учреждения» (Там же. Ф. 1527. Оп. 1. № 772. Л. 9–9 об.).

по другому так, у четвертого эдак. Надо в конце концов положить предел этому бесконечному выкраиванию Пушкина и так, и так...

Цявловский. Для этого мы собрались. Вы против чего говорите?

Председатель <П. И. Лебедев-Полянский>. Я знаю, сколько раз подписывается корректура. И каждый раз: это последняя корректура, и больше изменений не будет. Есть такие заявления письменные и устные, что это последняя редакция.

Благой. Для этого и делается академическое издание.

Председатель <П. И. Лебедев-Полянский>. Под прикрытием академического издания бесконечное количество редакций! Могут возразить, что стало лучше. Но вы скорее давайте эти новые изменения. У нас же все это дается в самый последний момент. Как на охоту ехать, так собак кормить.³⁸⁰

О завершении *редакционной* работы над академическим изданием сочинений Пушкина было объявлено 12 ноября 1938 года на страницах «Известий»³⁸¹. Однако и после этого редакторы продолжали работать в «юбилейном» темпе, сверяя корректуры в гранках и верстке. Издательство Академии наук, впрочем, работало на порядок медленнее; некоторые тома, сданные Редакцией, долгое время лежали в Издательстве без движения. До войны вышли из печати 11 книг академического издания³⁸², в производстве находились еще 11³⁸³ — редакционная работа над некоторыми из них продолжалась и в эвакуации.

³⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 171–172.

³⁸¹ Известия. 1938. № 263 (6730). 12 ноября. С. 3. Ср. информацию в докладной записке о состоянии АПСС на 15 декабря 1938 г.: «<...> Поступают в производство, вычитаны: 5 том. Поэмы 1825–1833 гг.; 16 том. Переписка 1835–1836 гг. Поступают на вычитку: 2 том. Стихотворения 1817–1825 гг. (в начале января 1939 г.); 3 том. Стихотворения 1826–1836 гг. (в конце декабря 1938 г.). Не закончены редактированием: 17 том. Рисунки Пушкина. 18 том. Сводный указатель ко всему изданию. Будет сдан в Издательство через два месяца после изготовления типографией сверстанных листов последнего тома» (АРАН. Ф. 394. Оп. 9. № 63. Л. 109 об.).

³⁸² **1937**: Лицейские стихотворения (т. 1), Поэмы 1817–1824 (т. 4), «Евгений Онегин» (т. 6), Драматические произведения (т. 7; допечатка тиража в 1948 г.), Переписка 1815–1827 (т. 13); **1938**: Романы и повести. Путешествия (т. 8, кн. 1), «История Пугачева» (т. 9, кн. 1), История Петра. Записки Моро-де-Бразе. Заметки о Камчатке (т. 10); **1940**: Романы и повести. Путешествия (т. 8, кн. 2), «История Пугачева» (т. 9, кн. 2); **1941**: Переписка 1828–1831 (т. 14).

³⁸³ **1947**: Стихотворения 1817–1826. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях (т. 2, кн. 1); **1948**: Стихотворения 1826–1836. Сказки (т. 3, кн. 1), Поэмы 1825–1833 (т. 5),

Весной 1945 года в соответствии с Распоряжением ЦК ВКП(б) Академия наук возобновила работу над академическим изданием ПСС Пушкина. На заседании Редакционного комитета 2 июня после доклада директора Издательства АН СССР И. А. Мартынова было решено возобновить печатание томов, тем более что редакционная работа была сдана в полном объеме еще до войны. Однако во второй половине октября 1946 года Издательство АН СССР подало Президенту Академии наук докладную записку о неудовлетворительном состоянии работ по академическому изданию ПСС Пушкина, «причем всю вину невыхода в свет остающихся томов издательство переложило на редакторов издания»³⁸⁴. 26 октября 1946 года состоялось заседание у академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинова, на котором В. Д. Бонч-Бруевич представил документы из архива Редакции, опровергающие обвинения Издательства. По совету Мещанинова Бонч-Бруевич подготовил докладную записку на имя Президента Академии наук С. И. Вавилова, текст которой приводится в *Приложении 2* к настоящей работе. В ней подробнейшим образом изложена история академического издания в период с июня 1941 года по октябрь 1946 года.

2. 2. 3. Выдвижение АПСС на Сталинскую премию

8 июля 1949 года, в год 150-летия со дня рождения Пушкина, Президиум Академии наук СССР издал Распоряжение № 879, в котором объявлял завершенным академическое издание Полного собрания сочинений А.С. Пушкина:

1. Считать академическое издание полного собрания сочинений А. С. Пушкина в 16-ти томах и 20-ти книгах законченным.

Переписка 1832–1834 (т. 15); **1949**: Стихотворения 1817–1826. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях (т. 2, кн. 2); Стихотворения 1826–1836. Сказки (т. 3, кн. 2), Критика и публицистика 1819–1834 (т. 11*), Критика. Автобиография (т. 12*), Переписка 1835–1837 (т. 16). (*) отмечены тома, которые готовились до лета 1941 г. в двух книгах каждый.

³⁸⁴ РО ИРЛИ. Ф. 373. Протокол № 6 Заседания Редакционного комитета АПСС.

2. Выразить благодарность за большую плодотворную работу заведующему редакцией академического издания сочинений А. С. Пушкина доктору исторических наук В. Д. Бонч-Бруевичу и коллективу редакторов этого издания и премировать:

доктора исторических наук В. Д. Бонч-Бруевича	9 000 руб.
доктора филологических наук Д. Д. Благого	6 000 руб.
доктора филологических наук С. М. Бонди	6 000 руб.
доктора филологических наук Б. В. Томашевского	6 000 руб.
научного работника Т. Г. Цявловскую-Зенгер	6 000 руб.
Л. А. Катанскую	4 000 руб.
Н. В. Измайлова	2 000 руб.

3. Весь архив редакции академического издания сочинений А. С. Пушкина передать Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Поручить Институту русской литературы (профессору Н. Ф. Бельчикову) подготовить к изданию в течение 1949 г. сводный алфавитный указатель и не вошедшие в собрание сочинений тексты и рисунки А. С. Пушкина, а Издательству АН СССР (А. И. Назарову) обеспечить в первой половине 1950 г. срочное издание этих томов.

Президент Академии наук СССР

академик С.И. Вавилов

Главный ученый секретарь

Президиума Академии наук СССР

академик А.В. Топчиев³⁸⁵

С. М. Бонди, публично отвечая на обвинения Е. Прохорова на страницах журнала «Вопросы литературы»³⁸⁶, так вспоминал этот заключительный аккорд:

³⁸⁵ Публикуется по заверенной протокольным отделом АН СССР машинописной копии (Там же).

³⁸⁶ Прохоров Е. Издание остается незавершенным // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 187–191. «В письме, напечатанном в № 6 “Вопросов литературы” за 1962 год, Е. Прохоров предъявил серьезные претензии к Полному собранию сочинений Пушкина, изданному Академией наук СССР в 1937–1949 годах. Некоторые текстологические решения в этом издании (например, в ряде случаев выбор источников текста) кажутся автору письма неправильными или необоснованными. Правда, Е. Прохоров признает, что, возможно, многие его недоумения рассеялись бы, если бы пушкинисты-текстологи объяснили мотивы своих решений. Но такого рода мотивировок в собрании сочинений Пушкина нет, так как нет обычного в академических изданиях комментария — с анализом истории текста, обоснованием выбора его источников, мотивировкой тех или иных чтений и т. д. Е. Прохоров выражает свое разочарование и недавно

Когда вышли в свет шестнадцать томов издания и редакторами готовились последние три тома (том «нетворческих» и мелких автобиографических записей, том рисунков и том указателей, а также дополнений и исправлений), произошло новое, неожиданное для редакторов событие³⁸⁷. В 1949 году Сталину было доложено, что академическое издание Пушкина закончено. Об этом было торжественно объявлено в печати³⁸⁸, участники издания получили премии, — и три тома остались за бортом издания (не говоря уже о томах комментария).³⁸⁹

Примечательно, что договоренность между Издательством АН СССР — с одной стороны, и коллективом редакторов АПСС — с другой, изложенная в виде компромиссного постановления в пункте 3 Распоряжения № 879, так и не была выполнена: из намеченных к изданию в 1950 г. трех томов в составе АПСС вышел — десять лет спустя — лишь справочный том (1959). Том рисунков и том «нетворческих» текстов и мелких автобиографических записей не увидели свет³⁹⁰.

вышедшим дополнительным, справочным томом, в котором он надеялся увидеть текстологический комментарий, а нашел дополнения и исправления, опять-таки никак не обоснованные» (От редакции // Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 132).

³⁸⁷ Здесь С. М. Бонди отчасти лукавит: еще задолго до пушкинского юбилея Издательством Академии наук было намечено завершить многострадальное АПСС к июню 1949 г. (так, еще в октябре 1946 г. предполагалось завершить редакторскую работу над всеми томами АПСС к 1 января 1948 г.); ближе к юбилею в печати неоднократно помещались соответствующие заметки и объявления — см., например, сообщение директора Издательства АН СССР А.И. Назарова (Вечерняя Москва. 1948. № 247 (7529). 18 октября. С. 3) и др.

³⁸⁸ «Издательство Академии наук СССР завершило выпуск полного академического собрания сочинений и писем поэта в 16 томах (20 книгах), а также издало массовое 10-томное собрание сочинений. Вышли из печати последние книги этих изданий. Это собрание сочинений Пушкина — первое по полноте собранных в нем материалов. В него вошло много стихотворений и стихотворных отрывков, не публиковавшихся в прежних изданиях. Десятитомное издание было предпринято в 1948 году. Все десять книг отпечатаны в нынешнем году» (Известия. 1949. № 130 (9970). 4 июня. С. 1).

³⁸⁹ Бонди С. Об академическом издании сочинений Пушкина. С. 126.

³⁹⁰ Глубокий конфликт, возникший из-за предложения Издательства АН СССР сократить вдвое том «нетворческих» текстов Пушкина, не стал причиной заморозки работы: пойдя на серьезные уступки, редактор тома М. А. Цявловский переработал его и сдал в редакцию в июле 1947 г. (см.: Краснобородько Т. И. «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания. С. 147). Однако почти сразу после смерти Цявловского Редакционный комитет издания под давлением Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР принял решение о разделении

Говоря об изъятии из Полного собрания сочинений материале, Н. В. Измайлов отмечал: «Отсутствие его представляет нарушение одного из основных принципов академического издания — полноты. И хотя в юбилейные дни 1949 года было даже заявлено об окончании издания, в действительности это было не так, и формально правы те критики, которые упрекают редакцию издания (не зная его трудную историю) в неполноте его»³⁹¹. Эти недостающие тома были подготовлены (с опорой на материалы предшественников) почти полвека спустя новым поколением пушкинистов и изданы в качестве дополнительных томов к репринтному воспроизведению АПСС в 1996–1997 годах³⁹².

До недавнего времени информация о выдвижении советского академического издания на Сталинскую премию оставалась неизвестной широкому кругу литературоведов — прежде всего потому, что сами участники проекта предпочли не упоминать этот факт в истории АПСС. Комментируя фрагмент письма Ю. Г. Оксмана П. Н. Беркову от 30 декабря 1949 года («вчера написал большой разбор большого академичес<кого> издания Пушкина, но приостановил переписку, чтобы не мешать выдвижению издания на Сталинскую премию»), публикаторы опрометчиво заметили, что «вопрос о Сталинской премии за издание не поднимался»³⁹³. Это утверждение не соответствует действительности: 18 ноября 1949 года ученый совет Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР принял решение о выдвижении академического издания Полного собрания сочинений Пушкина на Сталинскую премию в области литературы и

тома критики и публицистики (т. 11) на два, чтобы хоть отчасти компенсировать изъятие из АПСС тома «нетворческих» текстов (см. об этом далее).

³⁹¹ Измайлов Н. В. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина. С. 9.

³⁹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994–1996. Т. 1–19. (Переиздание). Т. 17 (дополнительный). Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997 (в основе тома — дополненная и переработанная книга М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер «Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты» (М.; Л.: Academia, 1935)). Т. 18 (дополнительный). Рисунки / Под ред. и с предисл. С. А. Фомичева; сост. С. В. Денисенко, А. В. Дубровский, Т. И. Краснобородько; авт. комментариев С. В. Денисенко. М., 1996.

³⁹³ «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-х годов) // Русская литература. 2003. № 3. С. 166.

критики за 1949 г.³⁹⁴ «Основными подготовителями издания» были названы Д. Д. Благой, В. Д. Бонч-Бруевич, С. М. Бонди, М. А. Цявловский и Г. О. Винокур. Список весьма примечателен, так как имена других ключевых участников издания — Б. В. Томашевского, Т. Г. Цявловской, Н. В. Измайлова — не упомянуты вовсе.

Впрочем, сложившуюся ситуацию трудно объяснить недоразумением или административной недоработкой: список «подготовителей издания» был санкционирован одним из его номинантов и — по (не)случайному совпадению — членом ученого совета номинирующей организации Д. Д. Благим³⁹⁵. В качестве претендента на Сталинскую премию академическое издание на заседании ученого совета ИМЛИ представил заместитель директора института С. М. Петров, для которого накануне, 17 ноября 1949 года, была подготовлена специальная справка. Любопытно, что автора этого документа, Т. Г. Цявловскую-Зенгер, одну из активных участниц и редакторов АПСС, в список подготовителей-номинантов не включили.

По всей видимости именно этот факт послужил толчком к появлению блока документов³⁹⁶, подготовленных Цявловской для заведующего редакцией академического издания, в то время — директора Музея истории религии и атеизма АН СССР В. Д. Бонч-Бруевича. Списочные составы редакционного комитета издания и его редакторов почти не содержат ранее не известной информации³⁹⁷;

³⁹⁴ См.: АРАН. Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 182. Л. 16.

³⁹⁵ Аналогичные случаи академической непорядочности Д. Д. Благого известны — см., например, свидетельства Ю. Г. Оксмана (Из архива Гугеровского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 24–25, 37), К. П. Богаевской (*Богаевская К. П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29). С. 137–140) и др. Эти и другие факты биографии Благого, улавливавшего малейшие колебания внутри сталинского эстетического режима, обеспечили ему стремительный карьерный рост (см.: *Цыганов Д. М.* «И миру тихую неволю в дар несли...»: Идеология и прагматика пушкиноведческих работ профессора Д. Д. Благого (1920–1950-е гг.) // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2024. Вып. 38. С. 193–222).

³⁹⁶ Справка «Об академическом издании Полного собрания сочинений Пушкина. 1937–1949 гг.», списки членов Редакционного комитета, редакторов, переводчиков иноязычных текстов, составителей именных указателей АПСС, см. публикацию этих документов: *Турчаненко В. В.* К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на Сталинскую премию // *Codex manuscriptus*. М., 2024. Вып. 5. С. 524–552.

³⁹⁷ За исключением, пожалуй, участия Н. К. Гудзия в работе над т. 12 АПСС.

вместе с тем списки переводчиков и составителей именных указателей позволяют зафиксировать неучтенный вклад отдельных лиц в подготовку издания. Небезынтересно и дополнение к письму от 19 ноября 1949 года, в котором Т. Г. Цявловская перечисляет «самых ценных» участников издания:

Дорогой Владимир Дмитриевич,

если бы меня спросили, как на духу, кто является самым ценным основным работником издания, то в дополнение к списку редакторов с перечислением их работы (который сам за себя говорит), я назвала бы несколько товарищей, в первую очередь: М. А. Цявловского, С. М. Бонди, Б. В. Томашевского, Н. В. Измайлова, Т. Г. Цявловскую-Зенгер (простите за откровенность), Г. О. Винокура, Л. Б. Модзалевского, Д. П. Якубовича, Д. Д. Благого, В. В. Гиппиуса, Б. М. Эйхенбаума.

И, конечно, Вас, вне всяких рангов.

Без Вашего замечательного организационного дара, умения найти выход из трудно-примиримых принципиальных расхождений в мнениях редакторов, без Вашей неусыпной заботы об издании, без Вашего постоянного трогательного отеческого представительства за нас в весьма холодно относящемся к нам Президиуме Академии Наук, — издание едва ли бы вышло.

Дополнительно пришлю Вам характеристику работ названных товарищей.

Искренне преданная Вам

Т. Цявловская-Зенгер³⁹⁸

Следует отметить, что приведенный перечень представляется весьма объективным и вполне соотносится с документом, раскрывающим вклад каждого отдельного редактора в подготовку АПСС.

Между тем письмо, написанное днем позже, 20 ноября того же года, выглядит существенно более эмоциональным. Из него становится ясно, что изначально редакция АПСС не принимала участия в выдвижении издания на Сталинскую премию, а предложение расширить список «основных подготовителей издания», представленный ИМЛИ (следует читать: Д. Д. Благим), — личная инициатива Цявловской. «Жалко и странно, что мне приходится это делать в порядке частной инициативы, — отмечает одна из ведущих пушкинистов. — Естественно было бы,

³⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 373.

чтобы сам коллектив, или лица официально ответственные за всю работу в целом, выдвигали бы отдельных кандидатов на премирование, а не посторонний этому изданию коллектив (Ученый совет Института мировой литературы), хотя бы там и присутствовал один из работников издания». Примерно в это же время Цявловской приходится отстаивать в Издательстве АН СССР свой вклад в общую редакцию 2-го и 3-го томов лирики Пушкина³⁹⁹ — в письмо Бонч-Бруевичу она помещает фрагмент из письма главному редактору Издательства Е. С. Лихтенштейну.

Неожиданным образом письма и документы, подготовленные Т. Г. Цявловской и шквалом обрушившиеся на заведующего редакцией, возымели действие. Уже 26 ноября 1949 года Бонч-Бруевич направляет председателю правления Союза писателей СССР (по совместительству — председателю Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства) А. А. Фадееву ходатайство участников АПСС о включении в список «персонально премируемых» за подготовку академического издания, представленный ИМЛИ, еще троих его участников — Б. В. Томашевского, Т. Г. Цявловскую-Зенгер и Н. В. Измайлова⁴⁰⁰. В этом письме каждый из «номинантов» получает развернутую характеристику — обоснование выдвижения (тексты подготовлены Т. Г. Цявловской и С. М. Бонди). К сожалению, остаются неизвестными фамилии подписантов этого коллективного письма.

³⁹⁹ В первых книгах обоих томов лирики (т. 2, кн. 1 — 1947; т. 3, кн. 1 — 1948) на обороте титула общим редактором значится лишь М. А. Цявловский. Во вторых полутомах (оба — 1949) общими редакторами указаны М. А. Цявловский (в траурной рамке) и Т. Г. Цявловская-Зенгер.

⁴⁰⁰ В материалах Редакции академического издания (РО ИРЛИ. Ф. 373) отложились два документа: машинописная копия письма, отправленного А. А. Фадееву (с пометами секретаря В. Д. Бонч-Бруевича, К. Б. Суриковой), и оригинал неотправленного письма (с подписью Бонч-Бруевича). Содержание этих документов совпадает с одним лишь исключением: во втором письме отсутствует имя Н. В. Измайлова. Вероятнее всего, в процессе обсуждения письма возник вопрос о допустимости выдвижения на Сталинскую премию (пусть и в составе коллектива) человека, арестованного и затем осужденного по «академическому делу» (освобожден в июле 1934 г., судимость была снята в марте 1953 г., а полная реабилитация произошла лишь в июле 1967 г.; подробнее об этом см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. С. 101–105). Впрочем, как свидетельствуют архивные документы, в Комитет по Сталинским премиям было отправлено первое письмо, а второе — за ненадобностью — осталось в архиве Редакции.

Ходатайство было получено Комитетом, о чем свидетельствует список кандидатур, поступивших на рассмотрение Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы при Совете Министров СССР 1949 года. В нем фамилии ключевых участников АПСС — Томашевского, Цявловской и Измайлова — присоединены к «основным подготовителям издания», выдвинутым ИМЛИ⁴⁰¹:

г) ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ и ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бонч-Бруевич В. Д.,	Академическое издание	Ин-т Миров.
Благой Д. Д.,	полного собрания сочинений	Лит-ры
Бонди С. М.,	А.С. Пушкина	
Цявловский М. А.,		
Винокур Г. О.		
<i>(основные подготовители издания).</i>		

<u>И кроме того:</u>	Главная
Томашевский Б. В.,	редакция
Цявловская-Зенгер Т. Г.,	издания
Измайлов Н. В.	

Сталинскую премию советский академический Пушкин не получил: Комитет отверг номинируемое издание еще на стадии предварительного обсуждения⁴⁰². О причинах этого решения сейчас можно только догадываться (поиск документальных свидетельств пока не увенчался успехом). Вероятно, свою роль сыграли и репутация затянувшегося издания, и череда конфликтов с Президиумом Академии наук и Издательством. Наконец, не мог пройти незамеченным и описанный выше казус с выдвижением издания на премию.

⁴⁰¹ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. № 37. Л. 205.

⁴⁰² См.: Цыганов Д. Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М., 2023. С. 429. Соответственно, издание не было допущено к обсуждению в Политбюро. Между тем именно в тот год по разделу литературной критики и искусствоведения лауреатами Сталинских премий стали пять человек: В. В. Ермилов, С. А. Макашин, Я. Е. Эльсберг, Г. Гусейнов и Е. С. Мозольков (все — по представлению Союза писателей). Для сравнения: за предыдущий 1948 г. по этому разделу не присуждено ни одной премии; за 1950 г. — две премии, причем обладателем одной из них стал Д. Д. Благой (за книгу «Творческий путь Пушкина»), незадолго до этого избранный в Комитет по Сталинским премиям (см.: Там же. С. 713, 720–725).

Сегодня академическое издание Полного собрания сочинений Пушкина вполне заслуженно считается крупнейшим отечественным филологическим проектом XX века. Начатое в преддверии «юбилейных торжеств» по случаю 100-летия со дня гибели поэта и формально завершённое в 1949 году к 150-летию со дня его рождения, оно оказалось шире рамок сталинского идеологического проекта, в которые его пытались вписать партийные функционеры и ответственные политработники. Благодаря беспрецедентно высокому научному уровню подготовки, АПСС стало «каноном» уже в момент своего выхода, избежав канонизации политической, и продолжает оставаться эталонным для целого ряда академических изданий русских классиков.

2. 3. Критико-публицистическая проза в составе АПСС

Критико-публицистическая проза Пушкина — несмотря на более чем полуторавековую историю ее научного освоения — на сегодняшний день по-прежнему является достаточно слабо исследованной частью творческого наследия писателя. Вследствие превалирования условно «теоретического» направления в изучении литературно-критических и историко-литературных статей и заметок Пушкина над «практическим» до сих пор остается нерешенным целый ряд научных проблем (установление критического текста ряда статей и заметок и их датировка, атрибуция анонимных пушкинских текстов на страницах русской печати 1820-х–1830-х годов, формирование корпуса текстов, относящихся к критико-публицистической прозе, и выбор концепции его публикации), что неизбежно привело к отсутствию на сегодняшний день полноценного научного издания критико-публицистической прозы Пушкина.

Вместе с тем в разное время исследователи ставили перед собой задачу комплексной подготовки текстов литературно-критических и историко-литературных статей и заметок Пушкина для публикации, причем дважды — в составе академических собраний сочинений⁴⁰³. Обе эти попытки отмечены как очевидными достоинствами, так и серьезными недостатками. Цель настоящего параграфа — реконструировать ход работы над томом критико-публицистической прозы в составе советского академического издания Полного собрания сочинений Пушкина в свете обозначенного комплекса научных проблем⁴⁰⁴.

⁴⁰³ *Пушкин*. Соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9. Кн. 1; 1929. Т. 9. Кн. 2 (ред. Н. К. Козмин); *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834; Т. 12: Критика. Автобиография (общ. ред. В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум).

⁴⁰⁴ Работа над этой темой осуществлялась мной в рамках научного проекта, поддержанного Российским научным фондом (№ 22-28-01616 «Критическая проза А. С. Пушкина: проблемы изучения и эдиционная практика»), совместно с А. Ю. Балакиным, С. Б. Федотовой, В. Т. Золотухиным и Л. А. Тимофеевой. В ходе изложения я буду неизбежно пользоваться наблюдениями и выводами, полученными в результате совместной работы.

2. 3. 1. Пушкин-критик: постановка проблемы и краткий обзор литературы по теме

Сосредоточившись на теоретической разработке тем *Пушкин — критик (публицист, журналист), литературная тактика Пушкина-критика* (Пушкин в полемике с Булгариным etc.), *Пушкин и «Литературная газета», Пушкин как издатель «Современника»*, исследователи уделяли не так много внимания собственно текстам поэта: проблемам текстологии, датировки и научного комментария.

Список общих научных работ по теме чрезвычайно обширен. В аннотированную библиографию «Пушкин — критик и журналист», составленную Л. А. Тимофеевой и В. Т. Золотухиным, включены 220 позиций (15 из них — диссертационные исследования)⁴⁰⁵. Отмечу наиболее важные из них.

Проблеме пушкинской критики и развития его эстетических взглядов посвящены работы А. Н. Пыпина⁴⁰⁶, А. М. Евлахова⁴⁰⁷, А. В. Луначарского⁴⁰⁸, А. Лежнева⁴⁰⁹, Н. Л. Степанова⁴¹⁰, Н. И. Мордовченко⁴¹¹, Ю. Г. Оксмана⁴¹², Н. Ф. Филипповой⁴¹³. Работа последней — «Критик-поэт Александр Сергеевич Пушкин» (М., 1998) — одно из немногих монографических исследований по этой проблеме. Опубликованная в конце 1990-х годов, монография базируется на

⁴⁰⁵ См.: Пушкин — критик и журналист: Аннотированная библиография научных работ / Сост. Л. А. Тимофеева и В. Т. Золотухин под ред. А. Ю. Балакина и В. В. Турчаненко // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2024. Вып. 38. С. 34–113.

⁴⁰⁶ См.: Пыпин А. Н. Исторические очерки: Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873. С. 54–60.

⁴⁰⁷ См.: Евлахов А. М. Пушкин как эстетик. Киев, 1909.

⁴⁰⁸ См.: Луначарский А. В. Пушкин-критик // Литературное наследство. Т. 16–18. С. 35–48.

⁴⁰⁹ См.: Лежнев А. О Пушкине-критике // Красная новь. 1937. № 1. С. 184–195.

⁴¹⁰ См.: Степанов Н. Л. Пушкин-критик // Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Л., 1950. Т. 1. С. 415–433.

⁴¹¹ См.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.

⁴¹² См.: Оксман Ю. Г. Пушкин — литературный критик и публицист // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959–1962. Т. 6. С. 441–469.

⁴¹³ См.: Филиппова Н. Ф. Критик-поэт Александр Сергеевич Пушкин. М., 1998.

исследовании, проведенном в середине прошлого столетия⁴¹⁴. Несмотря на очевидные достоинства книги, исследование уходит от решения конкретных проблем критической прозы и обращается к анализу творческого пути поэта и утверждению «целостности пушкинского слова».

Еще одна монография — «Пушкин-публицист» М. П. Еремина — в меньшей степени касается изучения пушкинской критики и публицистики, смещаясь в сторону анализа творческого наследия автора в целом за счет широкого понимания автором «публицистичности»⁴¹⁵. Последнее по времени монографическое исследование — кандидатская диссертация Е. А. Липницкой «Эволюция творчества А. С. Пушкина — критика и публициста», защищенная в 2011 году⁴¹⁶. Это еще одна попытка теоретического осмысления, «целостного изучения литературно-критического и публицистического наследия Пушкина» в свете эволюционного подхода, результатом которой стала новая периодизация творчества Пушкина-критика: исследовательницей выделены три периода — «эстетико-теоретический» (1820–1826), «критико-полемический» (1827–1832), «политический» (1833–1837). До этого варианты периодизации литературно-критической деятельности поэта предлагали Б. Ф. Егоров⁴¹⁷ и В. И. Ширинкин⁴¹⁸.

⁴¹⁴ См.: Филиппова Н. Ф. Метод Пушкина-критика. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954 (ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР).

⁴¹⁵ См.: Еремин М. П. Пушкин-публицист. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.

⁴¹⁶ См.: Липницкая Е. А. Эволюция творчества А. С. Пушкина — критика и публициста: Дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011 (САФУ им. М. В. Ломоносова).

⁴¹⁷ См.: Егоров Б. Ф. О жанрах литературно-критических статей Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 49–57. Исследователь выделял четыре этапа критической деятельности Пушкина: 1820–1825 (до восстания декабристов), 1826–1829, 1830–1831 («Литературная газета»), 1832–1837.

⁴¹⁸ См.: Ширинкин В. И. А. С. Пушкин-критик и русская литературная критика 1820–1830-х годов: (Метод и жанры): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983 (ЛГПИ им. А. И. Герцена). Ширинкин предлагал разделить деятельность Пушкина-критика на два этапа: «додекабрьский» и «последекабрьский», т. е. до 1825 г. и после.

Отдельным вопросам поэтики пушкинской критики посвящены работы Т. Г. Цявловской⁴¹⁹, В. И. Ширинкина⁴²⁰, А. А. Алешкевич⁴²¹, С. Н. Лахно и Л. Г. Фризмана⁴²² и др. Сделанные ими замечания и наблюдения ценны, однако все они носят сугубо частный характер и не выходят на уровень теоретических обобщений.

Вопрос о пушкинских статьях и заметках в «Литературной газете» 1830–1831 гг. разрабатывается исследователями с середины XIX века, однако по-прежнему остается нерешенным. Субъективная атрибуционная методика Н. О. Лернера⁴²³ подверглась критике Б. В. Томашевского⁴²⁴, что способствовало более точной атрибуции пушкинских текстов, опубликованных в «Литературной газете». Радикальным образом ситуация изменилась при подготовке советского академического издания ПСС Пушкина, редакционный комитет которого поручил В. В. Виноградову (рецензенту тома критики) пересмотреть вопрос о принадлежности Пушкину анонимных статей⁴²⁵. Его атрибуции (4 новых текста, ранее никогда не атрибутировавшихся Пушкину) и атетезы (2 текста) были учтены в АПСС, однако метод Виноградова нельзя признать безупречным, что вполне убедительно показал В. Э. Вацуро⁴²⁶. Целый ряд гипотетических атрибуций сделан

⁴¹⁹ См.: *Цявловская Т. Г.* Первая статья Пушкина для «Московского вестника» // Замысел, труд, воплощение... / Под ред. В. И. Кулешова. М., 1977. С. 79–91.

⁴²⁰ См.: *Ширинкин В. И.* А. С. Пушкин и судьбы русской литературной критики 1820–1830-х годов: (Заметка «О критике») // Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1986. С. 123–129.

⁴²¹ См.: *Алешкевич А. А.* Из наблюдений над критико-полемиической прозой Пушкина 1830 года // А. С. Пушкин: Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 95–105.

⁴²² См.: *Лахно С. Н., Фризман Л. Г.* О своеобразии рецензий Пушкина // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1991. С. 83–88.

⁴²³ См.: *Лернер Н. О.* 1) Новооткрытые страницы Пушкина // Пушкин и его современники. Пб., 1909. Вып. 12. С. 121–158; 2) Новооткрытые страницы Пушкина // Северные записки. 1913. Кн. 2. С. 32–44; 3) Новые приобретения пушкинского текста и дополнения // Пушкин. [Соч.: В 6 т.]. Пг., 1915. Т. 6. С. 172–243.

⁴²⁴ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. С. 118–123.

⁴²⁵ См.: *Виноградов В. В.* Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Т.] 4–5. С. 453–476.

⁴²⁶ См.: *Вацуро В. Э.* 1) «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания. Идеино-художественная проблематика. Л., 1974. С. 178; 2) К изучению

в указателе Е. М. Блиновой⁴²⁷. В недавнем прошлом предприняты попытки решения этого вопроса с помощью математических методов, основанных на структурном моделировании и формализации языковых единиц⁴²⁸. Впрочем, на сегодняшний день можно констатировать безусловную принадлежность Пушкину лишь тех статей, авторство которых подтверждается или автографом, или авторитетными свидетельствами современников.

Особый интерес исследователи проявили к пушкинскому журналу «Современник». История создания и редакционная политика (в т. ч. в свете цензурных ограничений) представлены в работах В. Б. Шкловского⁴²⁹, В. Г. Березиной⁴³⁰, М. И. Гиллельсона и В. Э. Вацура⁴³¹ и др. С разной степенью углубленности изучалась тематика публикаций журнала, участие в нем самого Пушкина и авторов его круга (работы уже упомянутых Березиной и Гиллельсона, а также Т. И. Краснобородько⁴³², А. А. Карпова⁴³³, Т. Б. Фрик⁴³⁴ и др.).

Статьи, посвященные отдельным текстам критико-публицистической прозы, были учтены Л. А. Тимофеевой в недавно изданных «Материалах для

«Литературной газеты» Дельвига — Сомова // Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968. С. 23–36.

⁴²⁷ См.: Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966.

⁴²⁸ См.: Хозяинов С. А. 1) Атрибуция публицистических произведений, приписываемых А. С. Пушкину: (Тексты 1830–1836 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008 (РГПУ им. А. И. Герцена); 2) Атрибуция публицистики, приписываемой А. С. Пушкину: Решение проблемы авторства методами распознавания образов. Saarbrücken, 2012.

⁴²⁹ См.: Шкловский В. Пушкин — редактор «Современника» // Большеви́стская печать. 1937. № 2–3. С. 71–75.

⁴³⁰ См.: Березина В. Г. Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 278–312.

⁴³¹ См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 266–348; а также: Гиллельсон М. И. Пушкинский «Современник» // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным: [Приложение к факсимильному изданию]. М., 1987. С. 3–39.

⁴³² См.: Краснобородько Т. И. Журнальные замыслы А. С. Пушкина и «Современник»: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991 (ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР).

⁴³³ См.: Карпов А. А. Документальное и художественное в исторической прозе и публицистике А. С. Пушкина 1830-х годов // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX – нач. XX века. Л., 1985. С. 7–26.

⁴³⁴ См.: Фрик Т. Б. «Современник» А. С. Пушкина как единый текст. Томск, 2009.

библиографии» (в совокупности 1261 позиция)⁴³⁵. На сегодняшний день в связи с тем, что в фокусе внимания исследователей находятся прежде всего художественные тексты Пушкина, публикации, посвященные его критической прозе, появляются крайне редко.

2. 3. 2. Принципы публикации критико-публицистической прозы Пушкина

История публикации критических и публицистических статей Пушкина заслуживает специального исследования. Настоящая работа ни в коей мере не претендует на полноту раскрытия темы; ее цель — обозначить последовательное наполнение и осмысление редакторами корпуса критико-публицистической прозы Пушкина, а также актуальное состояние проблемы в контексте изданий 1930-х–1960-х годов (включая академическое).

Начальному этапу формирования корпуса критической прозы посвящена специальная статья А. Ю. Балакина⁴³⁶, в которой учтены отзывы и дополнения авторитетных критиков и журналистов первой половины XIX века (В. Г. Белинский, Н. А. Полевой, С. П. Шевырев, И. А. Бессонов) к разделу «Смесь» 8-го и 11-го томов посмертного издания сочинений Пушкина. В томе 8 были напечатаны три статьи из «Современника» («Разбор собрания сочинений Георгия Кониского», «Вольтер» и «Джон Теннер»⁴³⁷), в томе 11 — изданные посмертно «О Мильтоне и о Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» и «Последний из свойственников Иоанны д’Арк», а также найденные в рукописях «Лорд Байрон» и корпус критических и исторических заметок, объединенных заглавием «Отрывки. Литературные, критические, грамматические замечания»⁴³⁸.

⁴³⁵ См.: Критические и публицистические статьи А. С. Пушкина в литературоведческих исследованиях: Материалы для библиографии / Сост. Л. А. Тимофеева под ред. А. Ю. Балакина и В. В. Турчаненко // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2025. Вып. 39. С. 38–145.

⁴³⁶ См.: Балакин А. Начальный этап формирования корпуса критической прозы Пушкина // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 3–4. С. 267–277.

⁴³⁷ Пушкин А. С. Соч. СПб., 1838. Т. 8. С. 208–307.

⁴³⁸ Там же. СПб., 1841. Т. 11. С. 63–97, 193–248.

Действительно, бо́льшая часть критико-публицистической прозы Пушкина была неизвестна его современникам (это и черновые заметки, оставшиеся «в столе», и тексты, не прошедшие цензуру, и статьи, опубликованные анонимно). Однако любопытно, что издатели посмертного собрания сочинений не включили в него *подписанные* Пушкиным рецензии и открытые письма в журналы⁴³⁹. Так или иначе, в корпусе текстов Пушкина образовалась значимая лакуна, заполнение которой стало серьезной научной задачей для следующих поколений редакторов.

Первопроходцами в работе с корпусом критико-публицистической прозы стали братья И. В. и П. В. Анненковы⁴⁴⁰. В первом критическом издании сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова (СПб., 1855–1857) появился специальный отдел «Журнальные статьи». Тексты в нем были разделены на опубликованные при жизни⁴⁴¹ и «явившиеся после смерти автора в журнале “Современник” 1837 г. и в посмертном издании сочинений Пушкина 1838–41»⁴⁴². В седьмой, дополнительный том были помещены еще около десятка извлеченных из рукописей текстов, относящихся к критической прозе (раздел «Отрывки в прозе»)⁴⁴³. Несмотря на некоторую эдиционную наивность, осознаваемую ретроспективно, этот опыт трудно назвать неудачным: редакторы существенно продвинули вперед изучение пушкинских черновых рукописей и предложили вполне удачное для того времени композиционное решение для публикации критической прозы Пушкина. «Всякое издание классического писателя должно соответствовать времени своего выхода и потому неизбежно имеет своего рода ограничения и условия, — замечал П. В. Анненков. — Задача издания состоит в том, чтобы не быть ниже потребностей

⁴³⁹ Перечень этих 8 текстов с выходными данными представлен в статье А. Ю. Балакина (см.: Балакин А. Ю. Начальный этап формирования корпуса критической прозы Пушкина. С. 268).

⁴⁴⁰ Т. И. Краснобородько установила, что значимая часть текстологической работы в издании под редакцией П. В. Анненкова была сделана его братом И. В. Анненковым.

⁴⁴¹ Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 5. С. 539–636.

⁴⁴² Там же. Т. 6. С. 3–112.

⁴⁴³ Там же. СПб., 1857. Т. 7. С. 50–116.

и возможностей современности»⁴⁴⁴. С полной уверенностью можно сказать, что собрание сочинений под редакцией Анненкова было выше своего времени⁴⁴⁵.

Следующим этапом в изучении и публикации корпуса критико-публицистической прозы Пушкина стало собрание сочинений под редакцией П. А. Ефремова (СПб., 1880–1881). Занимавшийся изучением жизни и творчества Пушкина с начала 1860-х годов, он был привлечен к подготовке собрания сочинений поэта издателем и книгопродавцем Я. А. Исаковым, владевшим правами на издание пушкинских текстов. Одна из основных задач нового редактора заключалась в исправлении многочисленных ошибок двух предыдущих исаковских изданий, вышедших под редакцией Г. Н. Геннади (СПб., 1859–1860; СПб., 1869–1871) и признанных современниками крайне неудачными. В собрании сочинений Пушкина 1880–1881 годов Ефремов постарался учесть отмеченные критикой недостатки, а также значительно расширил корпус пушкинской критики, включив в него ряд нехудожественных текстов, относящихся к разным жанрам. В издании Ефремова критико-публицистическая проза оказалась в одном ряду с историческими и биографическими материалами⁴⁴⁶. Фактически разделив прозу Пушкина на художественную («чисто-литературную») и нехудожественную («остальную»), редактор расположил все тексты «остальной» прозы в хронологической последовательности: «Читатель увидит, что даже мелкие, мимоходом набросанные заметки, приобретают особенное значение и несравненно более выясняют литературную личность великого поэта, нежели при прежнем

⁴⁴⁴ Там же. С. 1.

⁴⁴⁵ Ср.: «Что же касается качества его работы, то тексты издания Анненкова нисколько не уступают текстам позднейших изданий Ефремова, а в чтении черновиков Пушкина и умении их дешифровать Анненков стоял много выше последующих исследователей, не исключая и Якушкина. Анненков привел весь корпус произведений Пушкина в *систему*, снабдил каждое произведение примечанием и тем *установил тип русских критических изданий сочинений классиков*» (Томашевский Б. В. Основные этапы изучения Пушкина. С. 449; курсив мой — В. Т.).

⁴⁴⁶ См.: Пушкин А. С. Соч. / 3-е изд., испр. и доп., под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1881. Т. 5: Проза 1815–1837 гг. Критические, библиографические, полемические и исторические статьи и заметки. Дневник. Записки. Путешествие. Черновые тетради.

порядке распределения их по группам»⁴⁴⁷. В последующих изданиях Ефремов лишь уточнял датировки и незначительно изменял состав тома материалов non-fiction, так и не решившись на его кардинальную перестройку.

Первое издание сочинений Пушкина под редакцией П. О. Морозова (СПб., 1887), внешне повторявшее композицию изданий Ефремова, стало настоящим прорывом в области пушкинской текстологии: обратившись к описанию пушкинских рукописей, выполненному В. Е. Якушкиным, редактор внес существенные исправления в публиковавшиеся ранее тексты и ввел в собрание сочинений новые произведения. Процесс подготовки Морозовым тома критической прозы Пушкина особенно наглядно отражен в наборной рукописи, где редактор работал поверх расклейки соответствующего тома ефремовского собрания сочинений⁴⁴⁸. В начале XX века в издании Товарищества «Просвещение» (СПб., 1903–1906) Морозов предложил принципиально новый взгляд на структуру корпуса критико-публицистической прозы, которая позволяла представить Пушкина как участника литературного процесса 1820-х–1830-х годов. Вновь из общего корпуса были выделены «Журнальные статьи» (в этот раздел вошло опубликованное при жизни Пушкина); остальные тексты были сгруппированы тематически: «Статьи и заметки критические и историко-литературные», «Статьи автобиографические», «Мелкие заметки»⁴⁴⁹. Внутри каждого раздела был установлен ориентировочный хронологический порядок. «Точное хронологическое приурочение и распределение всех этих статей и набросков, часто мелких и случайных, представляется совершенно невозможным, — отмечал П. О. Морозов,

⁴⁴⁷ Там же. С. 518. Единую хронологическую цепь Ефремов отстаивал эмоционально, ссылаясь на зарубежный опыт издания классиков: «В последних английских изданиях Шекспира один “сонет” помещается между двумя 5-актными драмами и этого не находят “пестрым”. Неужто и теперь еще приходится повторять стих самого же Пушкина: “Что нужно Лондону, то рано для Москвы”?» (Там же). Вероятнее всего, речь идет об изд.: *The complete works of William Shakespeare: Arranged in their chronological order* / Ed. by W. G. Clark and W. A. Wright. New York, 1879.

⁴⁴⁸ Указано А. Ю. Балакиным.

⁴⁴⁹ См.: *Пушкин А. С. Соч. и письма* / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1904. Т. 6: Журнальные и другие статьи и заметки. Статьи автобиографические (1819–1837).

— попытки прежних изданий <...> разместить их в приблизительном хронологическом порядке дали в результате только крайнюю пестроту, затрудняющую разыскивание той или другой статьи в этой массе разнородного материала»⁴⁵⁰.

Опыт структурирования корпуса текстов, предложенный Морозовым, был перенят новым поколением пушкинистов, которые готовили собрания сочинений в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Принцип композиции критико-публицистической прозы с магистральным делением корпуса на опубликованное при жизни и оставшееся в рукописях (неизданное и черновое), заложенный Морозовым, был обоснован и развит Ю. Г. Оксманом в ряде изданий Пушкина, подготовленных «Известиями», Государственным издательством художественной литературы и «Academia». Эволюция этой работы наглядно представлена в таблице (*Приложение 3*).

Первое, что важно отметить, — соседство критико-публицистической прозы с историческими и автобиографическими материалами в изданиях 1930-х годов. Это объясняется, с одной стороны, механическим делением прозы на художественную и нехудожественную (и, соответственно, герметичным бытованием нефикциональной прозы в рамках одной книги), с другой — издательскими соображениями компактности издания. Единственное исключение — юбилейный шеститомник «Academia», в котором «История Пугачева» была напечатана в одном томе с художественной прозой и «Путешествием в Арзрум».

Во-вторых, явно неудачное распределение материала в разделе «Неизданное и черновое» краснониевского издания было пересмотрено Оксманом — уже в ГИХЛ 1931–1933 количество рубрик было сокращено в полтора раза. В обоих изданиях Academia литературно-критические и полемические наброски были слиты с историческими и социально-экономическими, что сделало раздел еще более компактным.

⁴⁵⁰ Там же. С. 1.

Начиная с ГИХЛ 1931–1933 раздел «Опубликованное и подготовлявшееся к печати» делится на «Журнальные статьи и заметки» и «Исторические исследования и материалы». Только в Academia в 9 т. отдел «Dubia» логично оказался внутри раздела с опубликованными материалами; в остальных изданиях он помещен в конце книги, после раздела «Неизданное (неопубликованное) и черновое».

Своеобразным итогом многолетней работы Ю. Г. Оксмана с критико-публицистической прозой Пушкина стал шестой том ГИХЛ 1959–1962. В нем корпус критики и публицистики был освобожден от исторических и официальных материалов и автобиографической прозы, раздел «Опубликованное и подготовленное к печати» окончательно утвердился в структуре образца изданий Academia, сменив лишь свое название на «Статьи и заметки: 1824–1836», а раздел «Незавершенное, отрывки, наброски, планы» оформился в виде хронологической цепи.

Другой принцип публикации критико-публицистической прозы заключается в строго хронологическом представлении всего корпуса и не учитывает ни завершенности текстов (опубликованные либо подготовленные к печати vs. оставшиеся незаконченными), ни их прагматики (для какого издания предназначались). Этот *хронологический* принцип композиции, примененный для тома нехудожественной прозы П. А. Ефремовым, был обоснован В. В. Гиппиусом⁴⁵¹ и реализован в одиннадцатом и двенадцатом томах АПСС (1949). Вслед за «большим» академическим изданием он представлен и в так называемых «малых» академических десяти томниках под редакцией Б. В. Томашевского (Л., 1949. Т. 7; 2-е изд.: М., 1958; 3-е изд.: М., 1964; 4-е изд.: Л., 1978).

Оба принципа — «оксмановский» и хронологический — имеют свои *pro et contra* и, следовательно, своих сторонников. Так, в ходе специального научного семинара «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина»

⁴⁵¹ См.: Гиппиус В. В. Из материалов редакции академического издания Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Т.] 4–5. С. 557–558.

(ноябрь 2022 года) пушкинисты предсказуемо заняли противоположные позиции⁴⁵². Разделение корпуса критической прозы на опубликованное и предназначенное для публикации, с одной стороны, и незавершенное — с другой, по мнению С. А. Фомичева и С. Б. Федотовой, наглядно демонстрирует эволюцию критико-публицистической деятельности Пушкина и его место в литературном поле.

Противоположной точки зрения придерживается Т. И. Краснобородько, указывая на непоследовательность проведения принципа, предложенного Оксманом и реализованного им в ряде изданий. Так, им были выделены разделы «Публикации в “Современнике”» и «Статьи и заметки, предназначенные для “Современника”»; при этом раздел «Публикации в “Литературной газете”» не сопровождается аналогичным — «Статьи и заметки, предназначенные для “Литературной газеты”». Между тем, в него могут быть включены и большой массив литературно-критических, полемических и автобиографических заметок «<Опровержение на критики>» (XI, 143–163), и незавершенный цикл «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (XI, 166–174), и незавершенные статьи «<Баратынский>» (XI, 185–187), «<О народной драме и драме “Марфа Посадница”>» (XI, 177–183) и др. Все они — важные журнальные замыслы, которые Пушкин не смог реализовать из-за закрытия «Литературной газеты». В структуре оксмановского тома им отводится место среди мелочей в разделе «Незавершенное, отрывки, наброски, планы».

Т. И. Краснобородько выразила глубокое убеждение в том, что редакторы одиннадцатого тома академического издания В. В. Гиппиус и Б. М. Эйхенбаум, а позднее и Б. В. Томашевский сознательно избежали деления на опубликованное и неопубликованное, ведь хронологический принцип подачи этого разнородного материала, с трудом поддающегося систематизации, позволяет показать *эволюцию Пушкина-критика*.

⁴⁵² Аналитическое изложение хода дискуссии см.: Турчаненко В. В. Научный семинар «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина» // Русская литература. 2023. № 4. С. 276–279.

По мнению С. А. Фомичева, композиция тома критической прозы, разработанная Оксманом, может быть усовершенствована. Соглашаясь с необходимостью введения раздела «Статьи и заметки, предназначенные для “Литературной газеты”», он предложил еще два подраздела: публикации для «Северных цветов» («Отрывки из писем, мысли и замечания» (XI, 52–58), «Отрывок из литературных летописей» (XI, 77–81), «<О “Ромео и Джульете” Шекспира>» (XI, 83) и др.), а также заметки и материалы для газеты «Дневник» 1832 года⁴⁵³. Исследователь подчеркнул, что расположение текстов блоками, едиными комплексами — материалы для «Северных цветов», «Литературной газеты», «Дневника», «Современника» — позволяет ясно увидеть движение Пушкина к «Современнику» как критика, публициста и издателя. Логика этой эволюции, по мнению Фомичева, должна быть обязательно эксплицирована в структуре тома.

Важным критерием для принятия решения о композиции тома, по мнению главного редактора нового академического издания М. Н. Виролайнен, должны стать общие принципы построения томов в собрании сочинений. В советском академическом издании критика и публицистика были даны в хронологическом порядке потому, что так были построены все тома, включая тома лирики. Главный редактор обратила внимание участников семинара на принципиально иную структуру нового издания, и предложила ввести в том критики раздел «Оставшееся в рукописях» — по аналогии с разделом «Оставшееся в черновиках» в томах лирики⁴⁵⁴. Альтернативное мнение высказала Т. А. Китанина, предложив (вслед за С. А. Фомичевым) деление всего корпуса на «Опубликованное и подготовленное к печати» и «Неопубликованное». Несмотря на то, что запрещенные цензурой статьи (к примеру, «Александр Радищев» (XII, 30–40)) остались неопубликованными, их

⁴⁵³ Этот комплекс, кстати, был выделен Оксманом в ГИХЛ 1959–1962 — см. соответствующую строчку в таблице (*Приложение 3*).

⁴⁵⁴ Ср. структуру тома стихотворений периода михайловской ссылки (1824–1826) в новом АПСС: основной корпус (отделы по годам), «Стихотворения неизвестных годов», «Стихотворения, оставшиеся в черновиках, и наброски», «Коллективное», «Dubia» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1*).

следует включить в первый раздел в соответствии с практикой вышедших томов лирики, где запрещенные цензурой стихотворения включены в основной корпус. Эта позиция в итоге нашла поддержку у значительной части аудитории.

Однако точка в вопросе о композиции тома критико-публицистической прозы нового АПСС еще не поставлена. Довлеющее значение предыдущего, советского академического издания в дискуссионных вопросах явно ощущается и сегодня. Тем актуальнее обратиться к истории редакционной подготовки соответствующего тома, которая обнаруживает иной раз (наряду с ценными наблюдениями и высказываниями научного толка) и *вненаучные* мотивировки тех или иных эдических решений.

2. 3. 3. XI том: история подготовки (декабрь 1935 – ноябрь 1937 годов)

Начало работы над корпусом критической прозы относится к концу 1935 года. 5 декабря на общеинститутском совещании «предполагаемых участников коллективных томов академического издания Пушкина» Ю. Г. Оксман изложил план подготовки двух очередных томов АПСС — «Критические и исторические статьи и заметки 1819–1831 гг.» (т. 10) и «Статьи и заметки 1832–1837 гг.» (т. 11)⁴⁵⁵ — к концу июля 1936 года. Для ускорения работы каждый том предполагалось разделить на две части, поручив ответственную редактуру «опытным сотрудникам» — В. В. Гиппиусу, Ю. Г. Оксману, Н. Г. Свирину и Д. П. Якубовичу, под руководством которых должны были готовить тексты и комментарии другие исследователи. Потенциальными участниками томов критико-публицистической прозы мыслились присутствовавшие на совещании сотрудники Института П. Н. Берков, Б. П. Городецкий, Л. Л. Домгер, А. Я. Максимович, Б. С. Мейлах, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, а также Г. О. Винокур, И. Л. Маяковский,

⁴⁵⁵ До октября 1936 г. подготовка издания осуществлялась в соответствии с проектом, утвержденным на конференции пушкинистов 1933 г. и доработанным в начале 1934 г. В нем критике и публицистике перспективно отводились три тома из восемнадцати — с десятого по двенадцатый. К декабрю 1935 г. решено было распределить критико-публицистическую прозу между двумя томами (10 и 11).

А. Л. Слонимский, И. М. Троцкий и Б. М. Эйхенбаум⁴⁵⁶. Контрольным рецензентом всех томов критической прозы был намечен Б. В. Томашевский.

Любопытно, что в установочном докладе, т. е. еще до обмена мнениями, Оксман предложил отказаться от композиции аналогичных томов, подготовленных им для ГИХЛ 1931–1933 и ГИХЛ 1934 («от разделения материала на печатное и черновое в акад<емическом> издании, по-видимому, надлежит отказаться»⁴⁵⁷). Это положение поддержали Д. П. Якубович и В. В. Гиппиус. Протокол совещания достаточно сжато фиксирует ход прений, и в завершающем слове Оксмана вновь возникает идея разделения корпуса на «опубликованное и приготовленное к печати» и «черновое»; отдельным разделом предлагалось давать записки официального назначения⁴⁵⁸. В сохранившемся «Плане по организации работ» принцип композиции будущих томов критики не оговаривается⁴⁵⁹.

Амбициозным планам по форсированию подготовки томов критико-публицистической прозы (за восемь месяцев) большим коллективом исследователей под наблюдением четырех ответственных редакторов не суждено было осуществиться. Предполагаемое разделение сотрудников на текстологов и комментаторов на деле не продвинуло работу, а лишь создало хаос еще на этапе сбора заявок на редактирование и комментирование текстов. Регулярная работа над

⁴⁵⁶ Краткие биографические справки см.: Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905–2005: Материалы к справочнику // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. С. 405 (Берков); 428 (Городецкий); 476–477 (Максимович); 481–482 (Мейлах); 488–489 (Мордовченко); 527 (Степанов); 419 (Винокур); 480–481 (Маяковский); 549–550 (Эйхенбаум).

⁴⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 46. Ср. позднейшее свидетельство М. А. Цявловского: «Я знаю его <Оксмана> вывод: все эти опыты как-то рубрицировать, классифицировать, привели его к убеждению, что все это неудачно, и он пришел к заключению, что нужно все это вытянуть в хронологическую цепь, т. е. отказаться от деления по томам и остановиться на подаче по жанрам» (РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 40–41).

⁴⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 47.

⁴⁵⁹ См.: Там же. Л. 48.

этими томами была начата лишь в мае⁴⁶⁰, а процесс заключения договоров с сотрудниками растянулся вплоть до ареста Оксмана в начале ноября 1936 года⁴⁶¹.

В служебной записке о «положении пушкинских изданий» от 15 сентября 1936 года, составленной Л. Л. Домгером для Ю. Г. Оксмана, информации о работе над критической прозой нет⁴⁶². Краткие сведения о положении одного из томов критики (т. 10) имеются в докладе на имя академика Н. П. Горбунова от 25 сентября:

Работа над томом, начатая в мае с<его> г<ода>, тормозится из-за перегрузки московских и ленинградских текстологов работами по другим томам Академического издания. Договора на комментирование частью до сих пор не заключены, частью заключены только в августе и сентябре (на основании протокола от 19 августа). Часть тома, редактируемая В. В. Гиппиусом (статьи 1830–1831 гг.) сдается 1–10 октября. Для ускорения работ по тому необходимо командировать в Москву сроком на две-три недели Н. В. Измайлова и Б. М. Эйхенбаума. Срок сдачи всего тома — 1 января <1937 года>. Текстовый вариант X тома может быть сдан не раньше 15–20 октября <1936 года>.⁴⁶³

На редакционном совещании 11 октября, которое было посвящено утверждению графика выхода «облегченных» томов в свете реорганизации плана академического издания, было решено сдавать критико-публицистическую прозу в Издательство в первом (т. 10) и третьем (т. 11) квартале 1937 года⁴⁶⁴.

⁴⁶⁰ Отчет Непременному секретарю АН СССР за май 1936 г. фиксирует работу В. В. Гиппиуса над текстами и примечаниями к статьям 1830 г. (см.: Там же. Л. 88). 29 мая 1936 г. датировано письмо Редакции АПСС в Архив Академии наук с просьбой «откомандировать ученого специалиста Л. Б. Модзалевского в распоряжение Редакции сроком на один месяц, с 1 июня по 1 июля с. г., для срочных работ по XV и X томам соч<инений> Пушкина» (Там же. Л. 93).

⁴⁶¹ Так, например, 1 октября 1936 г. С. Я. Гессен обращается к Г. А. Волкову за содействием в заключении договоров на подготовку текстов и комментариев для томов критики между Издательством АН СССР — с одной стороны, и Б. С. Мейлахом и Н. И. Мордовченко — с другой, сроком на два месяца (см.: Там же. Л. 108–108 об., 113).

⁴⁶² См.: Там же. Л. 116–118.

⁴⁶³ Там же. Л. 104.

⁴⁶⁴ См.: Там же. Л. 55.

Очередной этап работы над критикой и публицистикой Пушкина совпадает с назначением В. Д. Бонч-Бруевича заведующим Редакцией академического издания. Именно ему принадлежала инициатива в корне перестроить работу и привлечь к редактуре всего десятого тома, помимо В. В. Гиппиуса, и Б. М. Эйхенбаума⁴⁶⁵, который в то время интенсивно работал в редакции академического собрания сочинений Л. Н. Толстого. «Я лично переговорил с И. К. Луппол<ом>, который выразил согласие отложить Вашу работу по Толстому в пользу Пушкина на нужное Вам время», — писал Бонч-Бруевич Эйхенбауму 24 ноября 1936 года, почти сразу после того, как принял заведование Редакцией АПСС⁴⁶⁶. Аналогичные переговоры по освобождению Гиппиуса от нагрузки в академическом Гоголе он вел с Н. Л. Мещеряковым⁴⁶⁷.

В стремлении как можно скорее юридически оформить работу редакторов, Бонч-Бруевич в течение декабря форсировал распределение текстов между Гиппиусом и Эйхенбаумом⁴⁶⁸. Тогда же обнаружилось, что спустя более полугода работы над десятым томом, отсутствовал его *план* — перечень текстов и принцип их расположения. В этих условиях редакторы вынужденно отталкивались от материала в пятом и шестом томах ГИХЛ 1934⁴⁶⁹. Среди бумаг В. В. Гиппиуса сохранились два списка текстов пушкинской критики и публицистики, дублирующих оглавления соответствующих томов ГИХЛ 1934 с незначительными

⁴⁶⁵ См. письмо Бонч-Бруевича Гиппиусу от 4 декабря 1936 г.: «Полагаю, что редакторскую работу X-го тома надо сделать таким образом, что Вы будете редактировать часть, проработанную Эйхенбаумом, а Эйхенбаум — часть, проработанную Вами, и X-й том выйдет таким образом, под вашей обоюдной редакцией» (Там же. Ф. 47. Оп. 2. № 19. Л. 2).

⁴⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 765. Л. 2.

⁴⁶⁷ См.: РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 19. Л. 2 об.; № 28. Л. 31.

⁴⁶⁸ Задержка со стороны редакторов вызывала острое беспокойство заведующего Редакцией, однако тон его писем оставался спокойным — см., например, очередное объяснение необходимости заключения договоров в письме к Гиппиусу от 30 декабря 1936 г.: «Я всегда предпочитаю заключить договор на меньшее число листов, чем не заключать его. Знаете, это как-то солиднее, определеннее, лучше и для Вас, и для Издательства, и для Редакции, а потому подсчитайте, сколько у Вас минимум листов и на это заключите договор. <...> Я очень хорошо знаю, что Вы и Эйхенбаум самым лучшим образом всегда относитесь к той работе, которую на себя приняли, и в особенности к Пушкину, так что я на этот счет вполне спокоен, но мне только хочется, чтобы у Вас все формальности были выполнены» (Там же. Л. 3).

⁴⁶⁹ См.: Там же. № 19. Л. 23.

изменениями⁴⁷⁰. Эти списки изобилуют пометами Гиппиуса, которые отражают разные этапы распределения текстов между редакторами. В качестве редакторов отдельных текстов намечались также Н. В. Богословский, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович и Б. С. Мейлах.

15 января 1937 года был утвержден состав редакторов и контрольных рецензентов для каждого тома⁴⁷¹. В соответствии с новым планом издания вся критическая проза помещалась в один десятый том, редактируемый В. В. Гиппиусом и Б. М. Эйхенбаумом; рецензентом тома был назначен В. В. Виноградов. Неделю спустя, 22 января, заведующий Редакцией согласовал список материалов десятого тома⁴⁷².

Мартом 1937 года датируется работа над новой инструкцией для редакторов академического издания. Разработка раздела, посвященного редактированию прозы, была поручена Гиппиусу и Эйхенбауму⁴⁷³. Сопоставление сохранившегося проекта инструкции⁴⁷⁴ с ее итоговым вариантом убедительно показывает, что система подачи вариантов для всех прозаических текстов (см.: VIII, 497–499) была выработана редакторами тома критической прозы.

17 марта Президиум Академии наук «твердо и окончательно постановил» сдать критику и публицистику в производство не позднее 15 апреля 1937 года⁴⁷⁵. Нереалистичность этих сроков — как минимум на фоне долговременного отсутствия инструкции, без которой была невозможна «чистовая» работа над подготовкой вариантов⁴⁷⁶, а также отсутствия договоров с Издательством АН⁴⁷⁷ —

⁴⁷⁰ См.: Там же. № 20. Л. 4–9 (на л. 4 помета: «Окончательный экземпляр плана у Л. Л. Домгера для переписи»), 10–15.

⁴⁷¹ См.: РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 28–30.

⁴⁷² См.: Там же. Ф. 1527. Оп. 1. № 765. Л. 9; РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 19. Л. 1.

⁴⁷³ См.: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 1.

⁴⁷⁴ См.: РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 27. Л. 42–43.

⁴⁷⁵ См.: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 765. Л. 14–14 об.; РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 28. Л. 12–12 об.

⁴⁷⁶ Бонч-Бруевич сообщал, что в отсутствие соответствующей инструкции для редактирования прозы Пушкина Гиппиус и Эйхенбаум руководствовались инструкцией для ПСС Гоголя в работе над десятым томом АПСС Пушкина (см.: РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 96).

⁴⁷⁷ Договор с В. В. Гиппиусом на редактирование текстов десятого тома был заключен только 26 марта 1937 г. (см.: РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 2).

осознавалась всей Редакцией. В этой ситуации Бонч-Бруевич принял неожиданное для руководства Академии решение и встал на сторону редакторов академического издания, ходатайствуя о смягчении категоричных постановлений Президиума.

В результате очередного пересмотра плана академического издания ПСС Пушкина в конце марта 1937 года том критико-публицистической прозы стал *одиннадцатым*. В докладе М. А. Цявловского на заседании Редакционного комитета 2 апреля 1937 года была отмечена тесная связь этого тома со следующим, двенадцатым, который планировалось наполнить литературными и биографическими материалами. Говоря о структуре и содержании этих томов, Цявловский настаивал на категорическом отказе от композиционных решений Ю. Г. Оксмана:

Мы приходим к единогласному мнению, что необходимо от оксмановского распределения <...> отказаться, и что тома <...> XI и XII должны представлять собой единое целое, т. е. здесь все писания Пушкина вытягиваются в одну хронологическую цепь, подобно тому, как это делается в стихотворениях. <...> XI и XII тома дают нам все написанное Пушкиным прозой нехудожественного содержания, <...> таким образом, эти два тома — XI и XII — слагаются из следующих групп писаний: 1) большой раздел, где все писания безотносительно темы идут в хронологическом порядке. После этого идет <2> материал автобиографический. <...> Затем идет еще <3> материал, который в прозаические сочинения не вводился, который вошел в книгу «Рукою Пушкина».⁴⁷⁸

В дальнейшем «биографии» этих двух томов — одиннадцатого и двенадцатого — тесно переплетаются. Работая над систематизацией материала в т. 12, М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер-Цявловская регулярно обращались в Редакционный комитет с предложением перебросить отдельные тексты в т. 11. 27 апреля 1937 года Гиппиус так отвечал по поводу очередной «порции» таких опусов:

Вызывает некоторые сомнения список вновь намеченных для включения в т. XI вещей. Лично мне представляется непоследовательным включение сюда вещей дневникового

⁴⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 41, 42–43.

характера («Записки 1831 года»⁴⁷⁹, «Запись о 18 брюмера — 10 августа 1832»⁴⁸⁰), а также «Заметки о холере»⁴⁸¹, которая никак не вяжется с остальным содержанием тома. Непоследовательно, по-моему, и включение заметок при чтении книги Мих. Орлова, поскольку аналогичные заметки (при чтении Батюшкова, Вяземского) — отнесены в другой том; с этой точки зрения вызывают сомнения и заметки при чтении Шлецера⁴⁸². Оговариваюсь, что я не имел еще возможности обменяться об этом мнениями с Б. М. Эйхенбаумом, но ввиду срочности вопроса считаю необходимым с этим спешить; в случае возражений со стороны Б<ориса> М<ихайлови>ча сообщу об этом тоже срочно.⁴⁸³

Основная часть текстологической работы была сдана редакторами на рецензирование Виноградову в конце мая в виде отдельных текстов; оглавление тома было сформировано позднее⁴⁸⁴. 22 июля 1937 года в Ленинграде состоялось камерное совещание, посвященное обсуждению замечаний рецензента. Сохранился протокол, бегло фиксирующий — без аргументации — промежуточные итоги работы Виноградова⁴⁸⁵. Отдельные его текстологические решения, тогда отвергнутые редакторами, могут быть полезны в свете предстоящей работы над текстами критической прозы Пушкина в новом академическом издании, однако все они нуждаются в объяснении. Приведу для примера некоторые из замечаний Виноградова, высказав в связи с ними собственные соображения.

І. В неоконченной статье «<О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”>», предназначавшейся, вероятно, для первой книги

⁴⁷⁹ Речь о текстах, опубликованных Оксманом в разделе «Дневники и автобиографические записи» (см., например: Асад. в 9 т. Т. 9. С. 468–474). В АПСС вошли под редакторским заглавием «<Материалы для заметок в газете “Дневник”>» (XII, 199–201).

⁴⁸⁰ В АПСС напечатана под редакторским заглавием «<Запись о 18 брюмера>» в разделе «Наброски, записи, конспекты, планы» (XII, 204).

⁴⁸¹ В АПСС помещена в разделе «Автобиография, воспоминания, дневники» (XII, 308–310).

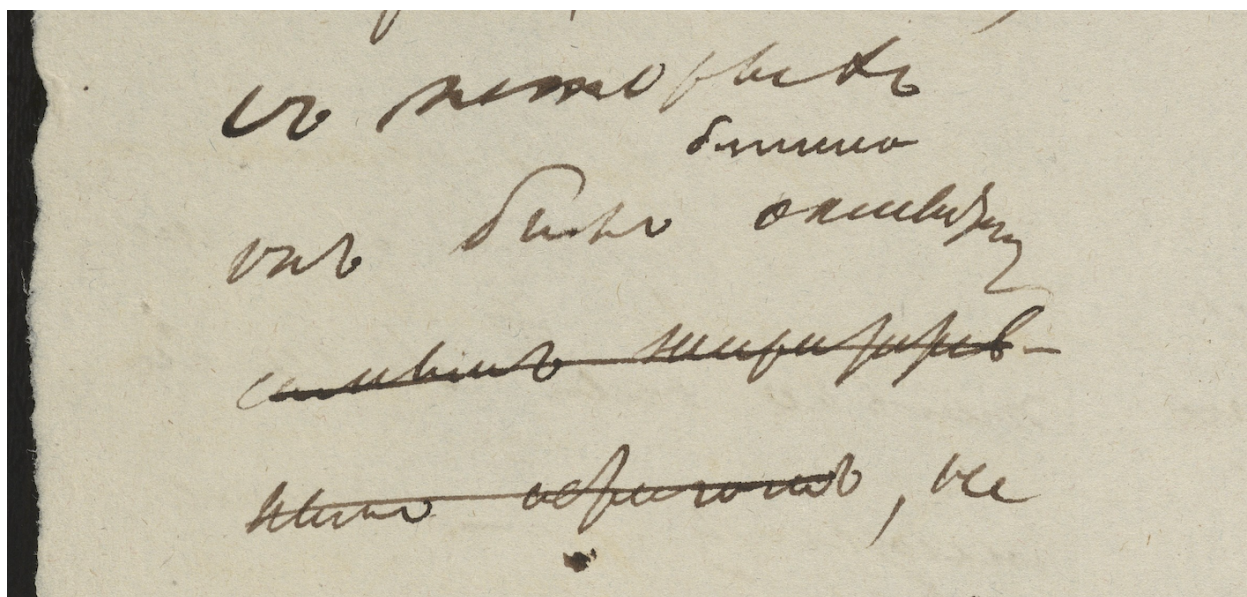
⁴⁸² «<Заметки при чтении книги М. Ф. Орлова “О государственном кредите”>» (XII, 206–207) и «<Заметки при чтении “Нестора” Шлецера>» (XII, 207–208) были помещены в раздел «Наброски, записи, конспекты, планы» — в отличие от т. н. «надстрочной критики», выделенной в АПСС в особый раздел «Заметки на полях» (XII, 213).

⁴⁸³ РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 19. Л. 30 об.

⁴⁸⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 765. Л. 21.

⁴⁸⁵ См.: Там же. № 773. Л. 3–4; РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 36–37.

«Современника» 1837 года⁴⁸⁶, есть широко известный пассаж о неудовлетворительных переводах Мильтона — по мнению Пушкина, одного из величайших поэтов мировой литературы⁴⁸⁷ — на французский язык: «Изо всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он был *безвинно* <?> оклеветан, не говорим о переводе в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и украсил его без милосердия...» (XII, 137–138; выделено мной — В. Т.).

Ил. 1. РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 340. Л. 4 об. (фрагмент)

Чтение «*безвинно* оклеветан», к тому моменту утвердившееся во всех изданиях (начиная с первой публикации в «Современнике» и заканчивая изданиями ГИХЛ и Academia), было оспорено Виноградовым в результате изучения автографа⁴⁸⁸. В качестве альтернативного чтения он предложил «*бешено* оклеветан», опираясь, вероятно, в том числе и на семантику отброшенного Пушкиным варианта — «оклеветан самым непростительным образом» (см. ил. 1).

⁴⁸⁶ См.: Оксман Ю. Г. Примечания // ГИХЛ 1959–1962. Т. 6. С. 510.

⁴⁸⁷ См.: Рак В. Д. Мильтон // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. С. 203–204.

⁴⁸⁸ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 340.

Обе версии прочтения бегло написанного слова — «безвинно» и «бешено» — одинаково уязвимы⁴⁸⁹. И если ни для одной из версий автограф не дает веского аргумента (для уверенного чтения «безвинно» не хватает графически выраженной буквы «в», для «бѣшено» — буквы «ѣ»), то лексический контекст и особенности пушкинского словоупотребления, как представляется, подтверждают предложение Виноградова. Речь идет об употреблении Пушкиным однокоренного прилагательного (бешеный) в сочетании с однокоренным существительным (клевета) — «бешеная клевета»⁴⁹⁰. Таким образом наличие в пушкинском узусе близкого словосочетания дают аргумент в пользу чтения Виноградова: «бешено оклеветан» (но, замечу, какое бы решение ни приняли редакторы тома критики в новом академическом издании, каждый из вариантов следует сопровождать <?>).

II. Другое замечание рецензента касалось одной вставки в черновом автографе «<Возражения на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”>». В этой неотделанной заметке Пушкин полемизировал с конкретными местами в двух статьях Кюхельбекера, который выступал в роли апологета оды как «высшего рода поэзии»⁴⁹¹, одновременно нападая на элегию («...выиграли ли мы, променяв оду на элегию и послание?»⁴⁹²). «Гомер неизмеримо выше Пиндара — ода, не говоря уже об элегии стоит на низших степенях поэм, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (*fantaisie*), воображения — гениального знания природы» (XI, 42; подчеркнуто мной. — В. Т.). Подчеркнутый текст вписан Пушкиным над строкой (см. ил. 2); в последнем слове — «Э<легии?>» — уверенно читается только первая буква. В специальном исследовании, посвященном этому тексту, Т. И. Краснобородько указывает, что «в публикациях до академического собрания

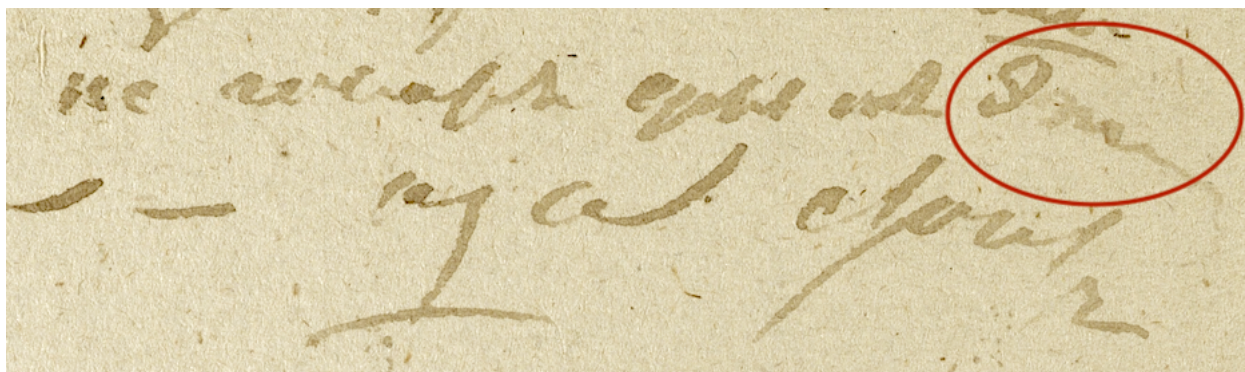
⁴⁸⁹ «Словарь языка Пушкина» не фиксирует наречия *бешено*; наречие *безвинно* отмечено лишь единожды — в рассматриваемом контексте. Национальный корпус русского языка не дает рассматриваемых словоупотреблений (*бешено оклеветан* / *безвинно оклеветан*) в пределах первой половины XIX века.

⁴⁹⁰ Ср. в черновике письма Бенкендорфу около 21 июля 1831 г.: «озлобленная Европа нападает покаместь на Россию, не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою» (XIV, 283).

⁴⁹¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. [М. Г. Альтшуллер], Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979. С. 462. (Сер. «Литературные памятники»)

⁴⁹² Там же. С. 455.

вся фраза выглядела иначе»⁴⁹³, приводя без ссылки цитату из девятого тома первого академического издания: «ода стоит на низших степенях поэм, — не говоря уже об эпосе, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют...»⁴⁹⁴. Это утверждение нуждается в корректировке. Для изданий Academia Оксман пересмотрел этот фрагмент и предложил следующую его реконструкцию, на мой взгляд, наиболее точно выражающую мысль поэта: «ода стоит на низших степенях — не говоря уже об эпосе, поэма, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества...»⁴⁹⁵. Этот вариант, вероятно, поддерживал и Виноградов, требуя пересмотра текста, подготовленного Эйхенбаумом. Попробую дать краткую аргументацию в пользу точки зрения Оксмана-Виноградова.

Ил. 2. РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 292. Л. 3 об. (фрагмент)

Вариант чтения «Эп<оса>» вместо «Эл<егии>» имеет, во-первых, веские логические основания: он продолжает оппозицию Гомер (эпос) / Пиндар (ода), актуализируя важное для Пушкина противопоставление эпического *спокойствия*, в котором рождается прекрасное, и *восторга*, «не предполагающего силы ума», «непродолжительного» и «непостоянного» (XI, 41–42). Во-вторых, при изучении автографа⁴⁹⁶ обращает на себя внимание начальный элемент буквы, следующей за «Э», значительно более схожий с аналогичными начертаниями буквы «п», нежели

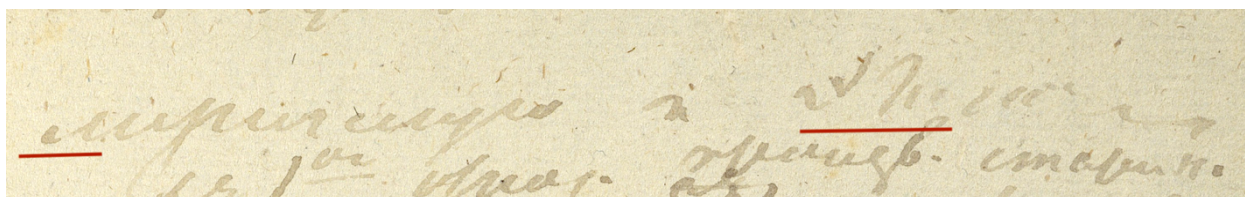
⁴⁹³ Краснобородько Т. И., Хитрова Д. А. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part I. P. 104.

⁴⁹⁴ Пушкин А. С. Соч. / Изд. АН. Л., 1929. Т. 9. Кн. 2. С. 924–925; такое же чтение см.: КН. Т. 5. С. 332 (ред. С. А. Рейсер).

⁴⁹⁵ Acad. в 6 т. Т. 5. С. 272; см. также: ГИХЛ 1936. Т. 6. С. 45 (4-е изд.).

⁴⁹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 292. Л. 3 об.

«л» (наблюдения подтверждаются и другими автографами, однако ограничусь примером внутри одного автографа — см. ил. 3).

Ил. 3. РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 292. Л. 2 (фрагмент)

Что же касается места, куда следует включить вставку, вписанную над строкой («не говоря уже об эпосе»), то положение ее в автографе (без указания конкретного места вставки) не позволяет принять однозначное решение. И здесь вновь следует обратиться к сути полемики Пушкина с Кюхельбекером. Критика тезиса Кюхельбекера о господствующей, «высшей» роли оды в поэзии строится Пушкиным на сопоставлении явлений, которые питают оду (непродолжительный и непостоянный *восторг*) и другие жанры (*сила ума, воображение*). Подобно противопоставлению Пиндара Гомеру («Гомер неизмеримо выше Пиндара») складывается и противопоставление оды другим жанрам — поэме, трагедии, комедии и сатире. Следовательно, текст, представленный в АПСС, искажает полемический посыл Пушкина: такое включение фрагмента «не говоря уже об э<...>» ставит в один ряд оду и эпос («элегия» в тексте академического издания), которые у Пушкина разведены полярно.

Остается спорным вопрос о «низших степенях (поэм)». Изначальный вариант текста, до правки, был таким: «ода стоит на низших степенях творчества»; затем слово «творчество» (которое позже понадобится Пушкину для усиления противопоставления оды другим жанрам) было зачеркнуто, поверх него вписано слово «поэм». Едва заметная разделительная черта после слова «поэм» может свидетельствовать о завершении смыслового комплекса (фразы). В этом случае текст может быть восстановлен так: «ода стоит на низших степенях поэм», что,

впрочем, никак не вписывается ни в терминологическое⁴⁹⁷, ни в узуальное⁴⁹⁸ значение слова *поэма*. Это смысловое противоречие и пытались решить Оксман и Виноградов при реконструкции основного текста «<Возражения на статьи Кюхельбекера>». В варианте, предложенном Оксманом, поэмы вполне удачно помещены в круг жанров, которые, в отличие от оды, «требуют творчества <...>, воображения — гениального знания природы».

После доработки по замечаниям рецензента тексты тома критической прозы были сданы в набор 2 августа 1937 года. На расширенном заседании редакторов АПСС 28 сентября Бонч-Бруевич высказал беспокойство по поводу отсутствия общего плана расположения критико-публицистической прозы в издании и текстологических примечаний к статьям: «Том сдан в сыром виде, и работа только начнется при корректурах»⁴⁹⁹. Спустя месяц заведующий Редакцией в надежде ускорить работу над томом, который «сорвал все мыслимые и немыслимые сроки», предложил Гиппиусу и Эйхенбауму подготовить доклад о редактировании пушкинской критики для заседания Редакционного комитета АПСС⁵⁰⁰.

Это заседание состоялось 1 ноября 1937 года в Москве под председательством П. И. Лебедева-Полянского. Выступление В. В. Гиппиуса, посвященное принципам работы с критико-публицистической прозой и отдельным текстологическим сюжетам, впоследствии было опубликовано во «Временнике Пушкинской комиссии»⁵⁰¹. Вплоть до сегодняшнего дня эта публикация была,

⁴⁹⁷ См.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 933–934.

⁴⁹⁸ См.: Словарь языка Пушкина. М., 2000. Т. 3. С. 660 (148 употреблений); также см.: Национальный корпус русского языка (ок. 270 текстов в период с 1790 по 1850 гг.).

⁴⁹⁹ См.: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 6 об.

⁵⁰⁰ «Я очень прошу обоих редакторов этого тома, а также его рецензента сделать полный, исчерпывающий доклад Редкомитету о работе по редактированию и рецензированию этого тома. На этом заседании необходимо установить полное и точное содержание тома и решить, куда будут отнесены некоторые спорные опусы, намеченные ранее к помещению в XI том» (Там же. № 765. Л. 29–29 об.; то же: РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 15–15 об.).

⁵⁰¹ См.: Гиппиус В. В. Из материалов редакции академического издания Пушкина. С. 557–568.

пожалуй, единственным «ключом» к одиннадцатому тому⁵⁰², который сами участники издания считали едва ли не самым трудным из всех томов академического Пушкина. Только после этого доклада члены Редкомитета в полной мере осознали масштаб задачи, который стоял перед В. В. Гиппиусом и Б. М. Эйхенбаумом — не-пушкинистами, хотя и опытными текстологами, «призванными» в пушкиноведение на волне подготовки к «юбилею» 1937 года. В архиве Эйхенбаума сохранился шуточный поэтический экспромт Гиппиуса, емко характеризующий ситуацию вынужденной адаптации гуманитариев в научном и культурном поле на фоне его стремительной трансформации в годы сталинского режима:

Самосатира

... Эйхенбаума тащат в пушкинисты,

И Гуковский тоже пушкинист.

Варвара Павловна (1937).

Гвалт и ропот в бывшем Петербурге:

Критиков отныне больше нет!

Эйхенбаума тащат в драматурги,

А Гуковский — расперепоэт!

Горе вам, развенчанные маги!

Как-то вас по группам рассуют?

Или переводчикам бумаги

В группе переводчиков приют?⁵⁰³

⁵⁰² Неопубликованным остается доклад Б. М. Эйхенбаума о работе над «Отрывками из писем...» (XI, 52–58) и материалам к ним (XI, 59–61), заметке «<О драмах Байрона>» (XI, 51), статье «<О втором томе “Истории русского народа” Полевого>» (XI, 125–127) и др. мелочах, сохранившийся в составе стенограммы заседания (см.: РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 164–169), в виде тезисного плана выступления (см.: Там же. Ф. 1527. Оп. 1. № 93. Л. 9–10 об.), а также развернутых замечаний (см.: Там же. № 104. Л. 44–49).

⁵⁰³ Там же. № 382. Л. 23.

2. 3. 4. XI том: история подготовки (декабрь 1937 – июнь 1941 годов)

Только теперь, наконец, мы действительно <...>
по-научному подошли к кабинету, к письменному столу Пушкина,
к разбору его рукописей — всерьез и по-настоящему.

*М. А. Цявловский*⁵⁰⁴

В процессе работы над томом критики была реализована практика тройного фронтального рецензирования — кажется, единственный раз за всю историю академических изданий. С идеей дать дополнительные экспертные заключения (сверх того, что было сделано контрольным рецензентом тома В. В. Виноградовым) выступил М. А. Цявловский:

Выходит том, за который мы все несем научную, моральную ответственность, и невозможно себе представить такое явление, что том выйдет в печать, и потом Томашевский или Цявловский напишет рецензию, в которой будет возражать. Это ненормально! Все это надо проделать в этой стадии. Ненормально, когда член Редакционного комитета потом в печати и в частном порядке что-то возражает. Почему не возражал при производстве тома? Ум хорошо, а два лучше!⁵⁰⁵

Вторым рецензентом одиннадцатого тома выступил сам Цявловский, третьим стал Д. П. Якубович. Их участие никак не отражено в вышедших томах критики, однако вклад в изучение и представление корпуса критико-публицистической прозы Пушкина был весьма существенным. Об этом, в частности, свидетельствуют сохранившиеся рецензии на тексты одиннадцатого тома в 159 гранках, подготовленные в ноябре и декабре 1937 года. Несомненно, что при подготовке очередного тома критической прозы эти яркие научные высказывания должны быть вновь осмыслены и учтены в полном объеме. Сейчас, однако, ограничимся аналитическим обзором проблем, которые были подняты рецензентами.

⁵⁰⁴ Из выступления в прениях по докладу В. В. Гиппиуса на заседании Редакционного комитета академического издания Пушкина 1 ноября 1937 г.

⁵⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 162.

Одной из задач советского академического издания ПСС Пушкина, сформулированной по итогам конференции пушкинистов 1933 года, должно было стать воспроизведение *всего*, что когда-либо было написано поэтом — вне зависимости от того, является тот или иной текст творческим. Это стремление к беспрецедентной полноте корпуса текстов Пушкина, однако, наталкивалось на ряд препятствий — как собственно научных, так и внеположных академическому литературоведению. В своих рецензиях М. А. Цявловский и Д. П. Якубович говорили преимущественно о затруднениях научного толка.

Специфика основного массива текстов корпуса пушкинской критики и публицистики — ее преимущественно неотделанный, черновой вид — предопределила две ключевые научные проблемы, однозначные решения для которых, как было показано выше, не найдены до сих пор: это *полнота корпуса* и принцип его *композиции*.

Важно отметить, что распределение нехудожественной прозы между соответствующими томами осуществлялось без предварительной теоретической разработки границ понятий *критика*, *публицистика*, *журналистика* применительно к творческому наследию Пушкина; не была определена и методика деления текстов на творческие и нетворческие. Таким образом, редакторы буквально на ходу решали, является тот или иной текст материалом для *исторической* заметки, или все же заготовкой *публицистической* статьи (например, «<Москва была освобождена...>» (XI, 222)), и есть ли в заметке при чтении книги зерно *критики*, или ее следует признать скорее *пометой* и отнести к подготовительным материалам (например, «<Заметки при чтении «Нестора» Шлецера>» (XII, 207–208)).

Существует мнение, что композиционная структура корпуса критико-публицистической прозы в выпущенных после войны одиннадцатом (Критика и публицистика. 1819–1834) и двенадцатом (Критика. Автобиография) томах академического издания ПСС Пушкина сложилась прежде всего под влиянием Издательства Академии наук, которое в определенный момент забраковало подготовленный к печати том «Литературных и биографических материалов» (в

значительной своей части близкий по наполнению и структуре книге «Рукою Пушкина»). В результате этого редакторам якобы пришлось «спасать» тексты из забракованного тома путем их внедрения в корпус пушкинской критики, чем и объясняется его наполнение неравноценными по своим форме и содержанию материалами.

Однако сложная четырехчастная структура тома критики была разработана его редакторами при участии рецензентов еще до вмешательства издательских чиновников. Единую хронологическую цепь критических и публицистических текстов Пушкина (как опубликованных, так и оставшихся в черновиках) М. А. Цявловский предложил дополнить разделами «Материалы, конспекты и планы» и «Заметки на полях», которые изначально были включены в план двенадцатого тома⁵⁰⁶, причем в «Материалы...» рекомендовалось ввести не только критико-публицистические наброски, но и исторические заметки⁵⁰⁷, афоризмы, записи пословиц и поговорок. Впрочем, очевидная уязвимость этого технического решения и необходимость поиска мотивировок ощущалась самим Цявловским. Несколько дней спустя, 11 декабря 1937 года, он оставил на своей рецензии запись следующего содержания:

В процессе работы над комплектованием XII тома я принужден был снова пересмотреть состав второго раздела «Материалы, конспекты и планы» XI тома. Посоветовавшись с С. М. Бонди, я принял такое его определение состава второго раздела XI тома:

В этот отдел входят тексты, которые в том или ином виде могут быть названы или «произведениями» Пушкина, т. е. нечто творческое, или конспектами и планами произведений ненаписанных.

⁵⁰⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 16. № 29. Л. 3–3 об., 13.

⁵⁰⁷ С критикой этого предложения выступал Якубович: «По-видимому в каких-то предыдущих (мне неизвестных) инстанциях предрешен вопрос о включении в критический (XI) том ряда исторических статей и заметок. Решение это мне представляется ошибочным. Все этого рода статьи и заметки безусловно должны занимать место особого отдела в специальном *историческом* томе. Опасения диспропорции материалов не должны здесь иметь места. Работа Пушкина над материалами истории должна быть объединена в одном томе, давая читателю замкнутый комплекс интересов Пушкина этого рода» (Там же. № 30. Л. 3–4).

Вне этого отдела в XII томе таким образом должны быть собраны всякого рода лишь подготовительные материалы, выписки и выборки из книг и т. п., хотя бы и сопровождавшиеся отдельными (конечно, так как это делал Пушкин, то очень интересными и значительными) замечаниями, не приведенными в состояние хотя бы части задуманного целого.⁵⁰⁸

Руководствуясь критерием наличия (или отсутствия) в тексте *творческого* начала, Цявловский изначально предлагал изъять из корпуса критики ряд редакционных заметок Пушкина, опубликованных на страницах «Современника» или подготовленных для него (в т. ч. «<Примечание к слову “богадельня”>» (XII, 183), «<Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности...>» (XII, 182) и др.)⁵⁰⁹. Это предложение было оспорено редакторами тома путем выделения специального подраздела «Редакционные заметки» внутри основного раздела (принятое решение было поддержано рецензентами т. 12 Б. В. Томашевским и Л. Б. Модзалевским). Таким образом, в результате диалога с рецензентами был сформирован план тома критико-публицистической прозы:

I. <Основной раздел>

- Статьи и заметки
- Заметки и афоризмы разных годов
- Редакционные заметки

II. Наброски / записи, конспекты, планы

III. Заметки на полях

IV. Dubia

⁵⁰⁸ Там же. № 29. Л. 15.

⁵⁰⁹ Впоследствии Цявловский изменил свою точку зрения и публично осуждал Бонди за предложение включить опубликованные или предназначенные для публикации тексты в двенадцатый том: «XII том — это ненапечатанные вещи, и надо различать, что Пушкин напечатал и что осталось, поэтому засорять XII том напечатанными вещами не следует. Могу другое образное выражение взять: напечатанные вещи — это денди, который будет находиться в кругу плебса! Как же все это можно будет разместить в одной линии?» (РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 79).

Параллельно возникал важный вопрос о распределении критико-публицистических текстов между основным (I) и вспомогательным (II) разделами. «Совершенно неясен критерий отбора материала в отдел “Наброски, планы, конспекты”, отдел в его настоящем виде скорей могущий носить заглавие “Смесь”, — писал Д. П. Якубович. — Неясна мотивировка включения “Железной маски” и недоработанной статьи “О Мильтоне” в основной отдел, при включении “Замечаний на «Анналы» Тацита” в наброски, рядом с “Гастрономическими изречениями” и т. д. и т. д.»⁵¹⁰.

В дискуссии о месте раздела «Заметки на полях» в собрании сочинений (публиковать в составе тома критики (т. 11) или же относить в т. 12) М. А. Цявловский и С. М. Бонди отмечали необходимость нарушить — в качестве исключения — принцип *фрагментарности*, который был взят за основу при отборе текстов для двенадцатого тома. Бонди подчеркивал, что том критической прозы мыслится редакторами издания как «очень читабельный от начала до конца»⁵¹¹, и с этой точки зрения фрагментарные заметки на полях статьи Вяземского или книги Батюшкова должны быть отнесены в двенадцатый том. Однако смысловой потенциал этих заметок («и по контексту, и по значительности мысли — такие вещи, что стоят другой статьи!»⁵¹²) может стать основанием для помещения их в одиннадцатый том.

Оба рецензента уделили также особое внимание выбору *редакторских заглавий*. Якубович ограничился частными замечаниями, Цявловский же предлагал дать их всем рецензиям — вне зависимости от того, были они напечатаны или нет.

Результаты рецензирования одиннадцатого тома обсуждались на заседании Редакционного комитета 28 декабря 1937 года и были в целом одобрены. Тогда же с докладом об атрибуции анонимных статей в «Литературной газете» выступил В. В. Виноградов, решения которого показались редакторам вполне

⁵¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 16. № 30. Л. 3.

⁵¹¹ РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 75.

⁵¹² Там же.

убедительными⁵¹³. После года насыщенной текстологической работы корпус текстов критико-публицистической прозы, наконец, получил свои очертания. Теперь в срочном порядке требовалось сдать корректуру гранок и готовить текстологические примечания.

16 января 1938 года М. А. Цявловский писал Б. М. Эйхенбауму:

Дорогой Борис Михайлович!

В настоящее время Вы и Василий Васильевич заняты правкой корректуры гранок XI тома. После этой правки гранки должны пойти в верстку. Но прежде чем верстать, настоятельно необходимо, чтобы все входящие в том опусы были самым тщательным образом продатированы, ибо порядок опусов определяется временем написания и в целом том должен представлять собою крепко сбитую «цепь», отдельные звенья которой должны занимать свои места после, повторяю, тщательно продуманного обоснования. Занимаясь в течение не менее 25 лет хронологизацией лирических стихотворений Пушкина, я на основании этого большого опыта знаю, какая это кропотливая, требующая большого внимания и, главное, знания разного рода биографических и историко-литературных данных, работа.

Потому было бы очень хорошо, если бы Вы с Василием Васильевичем теперь, до верстки, занялись «узкой» датировкой текстов XI тома. В настоящее время С. М. Бонди, Татьяна Григорьевна, Н. В. Измайлов и Г. О. Винокур занимаются полистным описанием рукописей Ленинской Библиотеки. В задачи описания входит и датировка (полистная), а потому чрезвычайно важно, связавшись с этими лицами, совместно добиться этой «идеально-узкой» датировки. Датировать несколькими годами или даже одним годом в академическом издании тексты совершенно недостаточно. В этом отношении должна быть проделана такая же работа, какая делается со стихотворными текстами. <...>

Мне кажется, для пользы дела было бы хорошо, если бы Вы теперь прислали датировки с изложением вкратце своих обоснований. <...> Опыт показал, что только совокупными усилиями ряда лиц, работающих на отдельных участках пушкинского наследия, удастся достигнуть необходимой для академического издания точности. Вы, конечно, понимаете, что никаких «недоработок» в этом издании быть не может.

⁵¹³ См.: *Виноградов В. В.* Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. С. 453–476.

Пожалуйста, не думайте, дорогой Борис Михайлович, что все это я пишу в качестве какого-то «сверхредактора». Мною руководит лишь желание видеть наше издание по возможности совершенным.⁵¹⁴

О датировке текстов одиннадцатого тома, к которой Гиппиус и Эйхенбаум приступили тогда сразу же⁵¹⁵, следует сказать особо. Она проводилась редакторами в условиях, когда работа над *комментариями* к текстам фактически не осуществлялась, а значительная часть рукописей находилась в Москве. «По поводу одной вещи приходилось делать путешествия, и довольно длительные. Дело трудное! — замечал Б. М. Эйхенбаум. — Я еще должен сказать, что не все сделано, главным образом, из-за отсутствия рукописей. Мы с Гиппиусом не в состоянии приехать <в Москву> на несколько дней, Пушкинский Дом совершенно не отпускает»⁵¹⁶. Подчеркну, что за две с лишним недели редакторами тома были проверены и установлены датировки для более чем 150 текстов Пушкина.

21 и 22 февраля 1938 года в Москве состоялось заседание Редакционного комитета, на котором в результате прений были внесены очередные изменения в состав одиннадцатого тома. Помимо окончательного утверждения раздела с редакционными заметками для «Современника», в том были включены «<Запись о 18 брюмера>» (XII, 204), письмо к издателям «Северных цветов» (XII, 182)⁵¹⁷, а также дополнения к разделу «Другие редакции и варианты»: к «Table-talk» (<VI.> «Форма цифров арабских...») — рисунок (XII, 157) на листе с записью еврейского

⁵¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 4. № 58. Л. 1–2.

⁵¹⁵ Ср. доклад Б. М. Эйхенбаума на заседании Редакционного комитета 21 февраля 1938 г.: «Мы получили письмо от Цявловского <с просьбой> по возможности точно датировать. Это очень важно, потому что иначе маленькие кусочки получаются неопределенными, немотивированными. <...> Поэтому мы с Гиппиусом последние две недели целиком работали над этим. Перед моим отъездом мы эту датировку в основном закончили, остались мелочи, которые задержат на 1–2 дня. Потом мы составим список датировок и пришлем Цявловскому» (РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 67–68).

⁵¹⁶ Там же. Л. 68.

⁵¹⁷ Н. В. Измайлов, один из редакторов эпистолярия в АПСС, считал этот фрагмент письма не предназначавшимся для печати и предлагал включить его в соответствующий том писем. С ним полемизировали Д. Д. Благой и М. А. Цявловский, которые видели в этом фрагменте стилизацию под частное письмо. Решение о включении этого текста в т. 11 было поставлено на голосование (см.: Там же. № 138. Л. 65–66).

алфавита⁵¹⁸, к статье об «Илиаде» — черновая редакция (XI, 359), которая долгое время считалась черновиком письма Пушкина к Гнедичу⁵¹⁹. 31 марта 1938 года в Издательство Академии наук была сдана рукопись двенадцатого тома⁵²⁰, о чем 4 апреля В. Д. Бонч-Бруевич докладывал в Отделение общественных наук Академии:

Вычитываться и технически оформляться этот том <12-й> будет здесь, в Москве, лучшими корректорами АН при непосредственном руководстве и наблюдении проф. М. А. Цявловского, так как, повторю, в эдиционном смысле это наитруднейший том, тем более что он многоязычен.

Очень рад сообщить Вам, что и этот трудный барьер нами взят, и теперь в апреле, мае и июне мы сдадим остальные пять томов, включая сюда и том 16-й рисунков. Редакционное дело полного академического собр<ания> соч<инений> А. С. Пушкина будет нами закончено в срок и полностью.⁵²¹

Это обстоятельство, казалось, должно было поставить точку в движении пушкинских текстов между т. 11 и 12. Однако в скором времени выяснилось, что в рукописи двенадцатого тома отсутствуют «Записки П. В. Н<ащокина>» (XI, 189–192)⁵²², извлеченные авторитарным решением Цявловского из двенадцатого тома на

⁵¹⁸ См. воспроизведение в кн.: Рукою Пушкина. С. 60. Предложение сопроводить заметку рисунком озвучил Д. П. Якубович (см.: РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 80–81).

⁵¹⁹ Речь о черновом автографе в рабочей тетради Пушкина (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 841. Л. 29–29 об. (обосновано Н. В. Измайловым)).

⁵²⁰ Заверенную копию расписки о получении рукописи т. 12 (654 страницы) см.: АРАН. Ф. 394. Оп. 9. № 63. Л. 38.

⁵²¹ Там же. Л. 40.

⁵²² Специальной статьи в «Пушкинской энциклопедии», посвященной «Запискам П. В. Н<ащокина>», нет. Текст впервые опубликован с большими купюрами в посмертном собрании сочинений Пушкина под заголовком «Старинные русские странности. Отрывки биографии ***» (*Пушкин А. С. Соч.* СПб., 1838. Т. 11. С. 185–189) по беловому с поправками автографу (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 421. Л. 1–13 об.). П. В. Анненков включал его в художественную прозу под заглавием «Отрывки биографии Н*» (раздел «Отрывки и неоконченные рассказы» — см.: *Пушкин А. С. Соч.* / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 5. С. 510–512). Все так же с купюрами, но раскрыв имя в заглавии, — «Отрывки биографии Нащокина» — публиковал текст П. А. Ефремов (*Пушкин А. С. Соч.* / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. Т. 4. С. 423–426). Полностью, без купюр и под заглавием автографа («Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве. 1830») текст впервые опубликован Я. К. Гротом (Русь. 1885. № 22. С. 1–2), а в собрании сочинений — Ефремовым в комаровском издании

основании своей же рецензии на том критики («Записки эти такого же жанра, как и “Разговоры Загряжской”, почему место им только в XI томе»⁵²³). Не согласившись с этим решением, Гиппиус и Эйхенбаум направили 15 апреля 1938 года в Редакционный комитет докладную записку с просьбой пересмотреть вопрос о включении «Записок Н^ащокина» в одиннадцатый том:

Мы считаем, что этот опус никак не подходит к XI тому, так как представляет собою набросок художественного содержания. Следует, помимо всего, обратить внимание на то, что и в заглавии этих «Записок» фамилия Нащокина не раскрыта («Записки П. В. Н.»), а в тексте заменена звездочкой, — признак того, что Пушкин думал напечатать «Записки» как повесть мемуарного характера. Думаем, что этот опус надо было бы поместить не в XI, а в VIII том <художественная проза>.⁵²⁴

Этот документ постигла трагикомическая участь. По вине одного из секретарей В. Д. Бонч-Бруевича записка редакторов тома критики была отправлена в Пятигорск, где пролежала в Домике Лермонтова до начала мая⁵²⁵, в то время как двенадцатый том уже месяц как набирался в гранках. Получив, наконец, записку, Бонч-Бруевич инициировал сбор мнений по этому вопросу. В бумагах Гиппиуса и Эйхенбаума сохранились копии письма Якубовича от 10 мая 1938 года в Редакцию АПСС: «Полагаю, что “Записки П. В. Н., им диктованные в Москве 1830” никоим образом не следует помещать ни в XI том, ни в том художественной прозы. Как бы

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1887. Т. 4. С. 389–394). Впервые «Записки...» из прозы художественной в *историческую* были перенесены П. О. Морозовым в издании Товарищества «Просвещение» (Пушкин А. С. Соч. и письма. СПб., 1905. Т. 7. С. 26–32). Для красноивского шеститомника текст был подготовлен Л. Б. Модзалевским (КН. Т. 5. С. 426–428). «Записки П. В. Н^ащокина» не следует путать с «<Воспоминаниями П. В. Нащокина>» (XII, 287–292) — мемуарами, писанными не установленным лицом в мае 1836 г. под диктовку Нащокина, которые сохранили следы редакторской правки Пушкина (об этом тексте см.: Рукою Пушкина. С. 124–126 (примеч. Л. Б. Модзалевского); ПЭ. Т. 1. С. 324–325 (статья М. Н. Виролайнен)).

⁵²³ НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 16. № 29. Л. 3. «Разговоры Н. К. З^агряжской» входят в состав «Table-talk» (XII, 174–177).

⁵²⁴ Цитируется по машинописному отпуску из архива Эйхенбаума (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 770. Л. 1 об.). Ср. аналогичное включение «Записок П. В. Н^ащокина» в том художественной прозы в плане несостоявшегося собрания сочинений в 8 томах 1928 г. (см. с. 55–56 настоящей работы).

⁵²⁵ См. письмо Т. В. Розановой от 4 мая 1938 г. (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 772. Л. 14).

значительна ни была степень художественной обработки “Записок” Пушкиным, все же это — обработка. Место “Запискам” поэтому в XII томе. Это расширит и понимание, и значение этого последнего <тома>»⁵²⁶. Заочным постановлением Редкомитета «Записки Н<ащокина>» были определены в том критико-публицистической прозы. Это решение было окончательно утверждено — в отсутствие редакторов — на заседании в Москве 25 мая 1938 года, о чем 3 июня В. В. Гиппиусу в Ленинград писала Т. Г. Зенгер-Цявловская:

На последнем заседании Редкомитета вновь обсуждали, где помещать «Воспоминания» Нащокина — в VIII или XI томах, т. к., в конце концов, очень зыбкие границы между художественной прозой и, скажем, «очерком». Снова были разные мнения. Но, в конце концов, сговорились. Ближе всего по жанру подходят «Записки П. В. Н<ащокина>» к «Разговорам Н. К. З<агряжской>». Это стилизованный рассказ другого человека (не в пример «Повестям Белкина», конечно, где не было реального лица); поэтому уместнее печатать «Записки» Нащокина в одном томе с Table-talk, то есть в XI томе. Печатать же «Воспоминания» Нащокина, правленные Пушкиным⁵²⁷, — в XII томе, как было намечено в свое время, решили неудачным ввиду наличия «Записок П. В. Н.» в XI томе. Поэтому решили перенести «Воспоминания» Нащокина в XI том — в материалы к «Запискам П. В. Н.». Посылаю их Вам в том виде, как я их приготовила, — пока только на основании текста, напечатанного в «Рукою Пушкина», — сделав, так сказать, реконструкцию рукописи⁵²⁸.

Однако редакторы одиннадцатого тома оставались непреклонными. Ответное письмо Гиппиуса от 7 июня 1938 года содержит обстоятельную мотивировку отказа помещать «Записки П. В. Н<ащокина>» в томе критико-публицистической прозы. Эта аргументация и сегодня представляется заслуживающей внимания:

Что касается <Записок> Нащокина, я решительно не согласен с постановлением Редкомитета. Вопрос о жанровых границах, конечно, зыбок, но ведь Table-Talk все же явно тяготеет к «критике», т. к. включает в свой состав не только записи, но и критические заметки; самые записи его имеют характер журнальных сообщений. «Записки» же

⁵²⁶ Там же. Л. 16; РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 34.

⁵²⁷ См.: XII, 287–292. См. также примеч. 522.

⁵²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 121–121 об.; черновик письма см.: Там же. Ф. 387. № 18. Л. 1–1 об.

Нащокина — это замысел книги мемуарного характера. Можно спорить о том, как велика доля пушкинского творчества в осуществлении этого замысла и, стало быть, куда отнести «Записки» — к художественной прозе — в 8-й том или к «работе над чужими произведениями» — в 12-й том. Если к «Запискам П. В. Н.» присоединяются «мемории»⁵²⁹ Нащокина, — явно побеждает второе мнение, против чего, как мне кажется, особых возражений быть не может, т. к. степень пушкинского участия в этой правке с точностью определена быть не может. И если можно «притянуть» «Записки» к 12-му тому как дополнение к «мемориям», то притянуть «мемории» в 11-й том по следам «Записок» — уже явная натяжка, ибо сами «Записки» оказываются туда притянутыми по следам Table-Talk'a, т. е. с весьма сомнительными основаниями.

Неужели, если будет установлено, что «Записки Дуровой»⁵³⁰ обработаны Пушкиным, то и они пойдут в 11-й том со всеми материалами? И здесь, конечно, мог бы быть выбор между 8-м и 12-м томами.

Кстати, сравнение с «Повестями Белкина» я употребил в разговоре, разумеется, не всерьез отождествляя эти два замысла. Я хотел только сказать, что выражение «им диктованные» могло быть своеобразной мистификацией.

Бор<ис> Мих<айлович> согласен со мной, и мы предполагаем вновь просить Редкомитет пересмотреть этот вопрос. Очень сожалеем оба, что он рассматривался в прошлый раз без нашего участия.⁵³¹

Это и другие письма, отправленные В. Д. Бонч-Бруевичу и М. А. Цявловскому, не возымели должного эффекта, и редакторы были вынуждены исполнить решение Редакционного комитета. В машинопись окончательного плана распределения текстов внутри одиннадцатого тома (машинопись) «Записки П. В. Н<ащокина>» были внесены чернилами⁵³², т. е. уже после того, как корпус был сформирован.

Правка первой и второй⁵³³ корректуры в гранках, а также составление текстологических примечаний для тома критики продолжались в течение всего

⁵²⁹ Речь идет о «<Воспоминаниях П. В. Нащокина>» (XII, 287–292).

⁵³⁰ Речь о фрагменте «Записок Н. А. Дуровой», опубликованном в «Современнике» (1836. Т. 2. С. 54–132).

⁵³¹ РО ИРЛИ. Ф. 387. № 396. Л. 2–3 об.

⁵³² См.: Там же. Ф. 47. Оп. 2. № 21. Л. 3.

⁵³³ Дана в гранках редакторам не позднее 15 ноября 1938 г. (см.: Справка о состоянии томов акад. изд. Пушкина, находящихся в производстве на 15 ноября 1938 г. // РО ИРЛИ. Ф. 373).

1938 года. «Надо сказать, что XI том в силу неприятных обстоятельств стал *одиозным* томом, о котором Академия Наук просит постоянно информировать. Факт остается фактом, на этом томе играют, что вот он все время затягивается», — замечал Бонч-Бруевич на одном из заседаний Редакционного комитета⁵³⁴. 9 декабря 1938 года, спустя месяц после объявления в «Известиях» о завершении редактирования всего академического издания⁵³⁵, заведующий Редакцией просил Гиппиуса отложить всякую другую работу и «немедленно приступить к правке гранок»⁵³⁶. Несмотря на постоянные нарекания со стороны Президиума Академии наук и неоднократные попытки установить «твердые сроки прохождения тома» путем сокращения оплаты по договорам, скорость работы редакторов оставалась прежней. Как справедливо отмечал М. А. Цявловский, взятый Гиппиусом и Эйхенбаумом темп редактирования критической прозы был «не задержкой, а ускорением»⁵³⁷. Объективная оценка проведенной ими текстологической работы — более полутора сотен преимущественно черновых текстов за два года (март 1937 — февраль 1939 гг.) — позволяет констатировать предельное напряжение сил.

В процессе верстки том было решено разделить на две книги (основной текст и другие редакции и варианты + примечания). Верстка первого полутома была готова в феврале 1940 года, и уже в начале марта В. В. Гиппиус отправился в Москву для сверки текста по рукописям. В скором времени его вынужденное возвращение в Ленинград получило резко негативную оценку в письме Бонч-Бруевича: «Если Вам нужно было срочно вернуться в Ленинград, надо было договориться о предоставлении Вам возможности дольше работать ежедневно в архивах и ежедневно же работать над фотокопиями в остальное время, чтобы иметь возможность наиболее трудные и спорные места сверять тут же в Москве по подлинникам»⁵³⁸.

⁵³⁴ РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 78–79; курсив мой — В. Т.

⁵³⁵ Известия. 1938. № 263 (6730). 12 ноября. С. 3.

⁵³⁶ РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 38.

⁵³⁷ РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 69.

⁵³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 51.

Свидетельства о работе над корпусом критики в предвоенные годы немногочисленны, тем ярче выбивается из них одно из писем Т. В. Розановой, помощницы Бонч-Бруевича и сотрудницы Государственного музея Пушкина, от 18 сентября 1940 года, адресованное Гиппиусу. Из него становится ясно, что в какой-то момент запрет на пересылку фотокопий пушкинских рукописей, принадлежавших музею, был снят, и редакторы получили возможность сократить количество командировок в Москву⁵³⁹. «Как Вы относитесь к XI тому, когда Вы ждете его появления на свет — т. е. двух Ваших близнецов: I и II полутомов?» — завершает письмо Розанова⁵⁴⁰. Резко контрастирует с дружественным тоном этого письма записка Бонч-Бруевича, направленная редакторам одиннадцатого тома 6 ноября 1940 года:

Я получаю все более и более тревожные известия из Издательства и типографии о положении XI тома. Том до сих пор не подписан к печати, и типография грозит рассыпать набор. Серьезность положения заставляет Редакционный комитет Академического издания Пушкина принять немедленно самые энергичные меры для того, чтобы работа была закончена в наикратчайший срок. Одновременно с этим письмом я прошу члена Редкомитета Б. В. Томашевского оказать всемерную помощь XI тому. Если Вы считаете эту меру целесообразной, прошу Вас передать Борису Викторовичу часть работы по Вашему усмотрению. Должен Вас предупредить, что материальная ответственность ложится в данном случае целиком на редакторов XI тома, и если набор будет рассыпан, Вам и т. Гиппиусу будет предъявлен весь счет к оплате.

Всего наилучшего.⁵⁴¹

⁵³⁹ «Недавно я была в Ленинграде и узнала в Институте литературы, что снимки Пушкинского Музея Вам еще нужны, Вы еще над ними работаете. Большая просьба к Вам отработать поскорее листы тетради 2384 <...> Дело в том, что у нас нет дублетов этих листов, мы отослали Вам первые экз<емпля>ры, и теперь не можем смонтировать альбом 2384. Монтаж этот стоит в плане 3 квартала 1940 г. С другой стороны, несколько вещей, необходимых Вам для сверки, еще не досланы в ИРЛИ. Произошло это оттого, что у нас нет полных комплектов фото с некотор<ых> произведений, даже в одном экз<емпляре>. У Пушк<инского> Музея до сих пор нет своей фотолаборатории, и только на этих днях организуется более правильное обслуживание нас средствами Института мир<овой> литер<атуры> АН. Как только все будет готово, мы вышлем Вам комплекты фото» (Там же. Л. 57–57 об.).

⁵⁴⁰ Там же. Л. 57 об.

⁵⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 772. Л. 27–27 об.; РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 54–54 об.

Россыпи набора удалось избежать. К апрелю 1941 года первый полутом был подписан к печати, второй — сверстан⁵⁴². Однако планам по выходу обоих книг одиннадцатого тома до конца 1941 года помешала война. В первую блокадную зиму умер В. В. Гиппиус, а рукопись и правленные им корректуры тома (первый полутом — в листах, второй — в гранках) были безвозвратно утрачены по вине Издательства Академии наук⁵⁴³.

2. 3. 5. XI том: проект vs результат

Работа над томом критико-публицистической прозы Пушкина после войны была поручена сначала Г. П. Блоку, а после его отказа — Б. В. Томашевскому. Она базировалась на сохранившихся у М. А. Цявловского материалах: неправленной верстке основного текста и гранках «других редакций и вариантов»⁵⁴⁴. Также, по свидетельству Т. Г. Цявловской, Томашевский располагал и обоснованием датировок, подготовленным Гиппиусом и Эйхенбаумом в январе–феврале 1938 года⁵⁴⁵.

Как было указано выше, и по наполнению, и в плане организации работы том критики (т. 11) теснейшим образом был связан с томом литературных и биографических материалов (т. 12). Эта связь предопределила судьбу одиннадцатого тома, когда новое руководство Издательства Академии наук в лице директора И. А. Мартынова и старшего научного редактора А. И. Корчагина 24 мая 1946 года объявило о целесообразности сокращения двенадцатого тома

⁵⁴² См.: Состояние академического издания Пушкина на 17 апреля 1941 г. (РО ИРЛИ. Ф. 373).

⁵⁴³ См. докладную записку В. Д. Бонч-Бруевича президенту АН СССР С. И. Вавилову о состоянии АПСС после войны (*Приложение 2*).

⁵⁴⁴ Эти рабочие материалы пока обнаружить не удалось; не исключено, что они были уничтожены в 1949 г. после выхода томов 11 и 12.

⁵⁴⁵ В т. 11 АПСС, принадлежавшем Т. Г. Цявловской, на с. 529 имеется карандашная помета: «Не использованы датировки с обоснованиями, сделанные Гиппиусом и представленные Мст<иславом> Ал<ександрови>чем. <Они> потом были переданы мною Томашевскому. Получила их от него <назад> в апреле 1955 г.» (РО ИРЛИ. Ф. 373).

наполовину. «Судьба» этой «многострадальной» книги и хроника «сопротивления» Редакции академического издания подробно изучены Т. И. Краснобородько⁵⁴⁶.

Накануне очередного пушкинского юбилея 1949 года было принято решение не печатать в составе АПСС тексты из раздела «рукою Пушкина» (переработанный по требованию Издательства двенадцатый том так и остался лежать без движения). Бытует ложное мнение, что корпус критической прозы (т. 11) вобрал в себя ряд «инородных» текстов, изначально предназначавшихся для т. 12, которые редакторы пытались «спасти». История подготовки этих томов, восстановленная преимущественно по архивным источникам, позволяет сегодня объективно оценить сложности, с которыми столкнулись редакторы томов, и учитывать насильственное издательское вмешательство в собственно научный процесс.

Одной из задач настоящего исследования тома критико-публицистической прозы Пушкина в контексте изучения его научной «биографии» была *реконструкция структуры тома в довоенном виде*, необходимость которой обосновывается прежде всего взаимной проницаемостью корпусов нефикциональной прозы Пушкина (о чем подробно было сказано выше). Дифференцируя собственно научный взгляд на проблему от организационных проблем издания, удалось установить, в какой мере изначальный корпус критической прозы был искусственно расширен и трансформирован.

Эта задача была решена в результате сопоставления концептуально важных материалов из архивов редакторов критической прозы Пушкина — В. В. Гиппиуса, Б. М. Эйхенбаума и Б. В. Томашевского. Так, в процессе изучения «биографии» одиннадцатого тома удалось установить, какой план из десятка идентичных документов стал последним и лег в основу «сборки» довоенной версии тома критики перед версткой) и подкрепить его обоснованиями датировок для каждого текста, что представляется особо ценным в свете отсутствия таких мотивировок в томах АПСС. Результат этой работы отражен в виде таблицы «План расположения текстов тома 11 (Критика и публицистика) академического издания Полного

⁵⁴⁶ См.: Краснобородько Т. И. «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания. С. 145–152.

собрания сочинений Пушкина. 1938 год» (*Приложение 4*). При сопоставлении этого плана с вышедшими томами 11 и 12 АПСС (оба — 1949 год) обнаруживаются лишь *несущественные* различия.

Во-первых, Томашевский, основываясь на исследованиях Виноградова, поместил в основном корпусе несколько статей, анонимно опубликованных Пушкиным в «Литературной газете» и осторожно оставленных Гиппиусом и Эйхенбаумом в разделе «Dubia»: «Невский Альманах на 1830 год» (XI, 117), «Англия есть отечество карикатуры...» (XI, 118), «Г. Раич счел за нужное...» (XI, 128) и «Собрание насекомых, стихотворение А. С. Пушкина» (XI, 131)⁵⁴⁷. На тех же основаниях в подразделе «Заметки и афоризмы разных годов» двенадцатого тома (1949) оказались 4 мелких опуса: «Острая шутка не есть окончательный приговор...» (XII, 178), «В одной из Шекспировых комедий...» (XII, 178), «Мильтон говаривал...» (XII, 178) и «В газете: Le Furet...» (XII, 179).

Во-вторых, Томашевский поместил «<Письмо к издателям “Северных Цветов на 1829 г.”>» (XII, 182) в подраздел «Редакционные заметки» (в плане Гиппиуса и Эйхенбаума этот подраздел отводился целиком для заметок, связанных с изданием «Современника»).

Наконец, в корпус критико-публицистической прозы Томашевским были введены лишь два текста — «О стихотворении “Демон”» (XI, 30) и «<Об Андре Шенье>» (XI, 35). Любопытно, что второй опус, представляющий собой не включенное в печатный текст примечание к стихотворению «Андрей Шенье», по

⁵⁴⁷ См.: Виноградов В. В. Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. С. 467–473. Об анонимной заметке к стихотворению «Собрание насекомых» (в указанной статье она не упоминается) Виноградов высказался на заседании Редакционного комитета АПСС 28 декабря 1937 г.: «“Собрание насекомых” можно в корпус помещать... Есть стилистический анализ» (РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 136. Л. 147). К слову, еще в 1925 г. Б. В. Томашевский, опровергая атрибуции Лернера, писал: «Ясно, что нет никаких оснований приписывать Пушкину эти заметки. Из всех высказанных за последнее время догадок самой вероятной является принадлежность Пушкину примечания к стихотворению “Собрание насекомых” из № 43 (30 июля — Пушкин в это время был в Петербурге), так как совершенно естественно, что никто, кроме автора, не мог комментировать это стихотворение так, как это там сделано» (Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. С. 122).

рекомендации Томашевского⁵⁴⁸ был напечатан также во втором томе АПСС среди вариантов (II, 953).

Этими тремя пунктами исчерпываются отличия между структурой тома критики и публицистики, сданного В. В. Гиппиусом и Б. М. Эйхенбаумом в Издательство Академии наук до войны, и томами, вышедшими в 1949 году стараниями Б. В. Томашевского. Так, сегодня мы можем констатировать минимальную трансформацию корпуса критико-публицистической прозы и тот факт, что внешние обстоятельства, связанные с изъятием по требованию Издательства двенадцатого тома из состава АПСС, на него не повлияли. Проще говоря, тезис об искусственном расширении корпуса критико-публицистической прозы Пушкина за счет «спасения» материалов тома «Литературных и биографических материалов» посредством включения отдельных его текстов в разделы «Заметки и афоризмы», «Наброски / записи, конспекты, планы» и «Заметки на полях» тома критики приходится признать ошибочным.

Таким образом, будущим редакторам нехудожественной прозы Пушкина следует относиться к предложенной академическим изданием структуре корпуса критико-публицистических текстов как к *научному решению* его редакторов — В. В. Гиппиуса и Б. М. Эйхенбаума. Обогащенное контекстом разносторонних дискуссий второй половины 1930-х годов, оно должно стать отправной точкой в формировании нового взгляда на корпус пушкинской критики и публицистики.

⁵⁴⁸ См. рецензию М. А. Цявловского на том критики: «Из XI тома надо изъять: 1. Примечание к элегии “Андрей Шенье”. Стихотворение “Андрей Шенье” печаталось Пушкиным с примечаниями, началом которых, потом отброшенным, и является напечатанное на гр<анке> 10 “Примечание”. Место этого текста — “Другие редакции и варианты” во II томе к стих<отворению> “Андрей Шенье” (предложение Б. В. Томашевского)» (НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 16. № 29. Л. 3).

Заключение

То, что мы, первое поколение советских литературоведов, сделали, опираясь на опыт наших старших учителей и товарищей, <...> не имело того коэффициента полезного действия, которое имеет любое другое издание Пушкина, гораздо более несовершенное.

Ю. Г. Оксман

Огромное богатство, которое содержится в академическом издании, <...> остается очень мало разработанным, очень мало тронутым. Оно <...> не подвергнуто научной критике, мало вошло в научный оборот, мало использовано.

Н. В. Измайлов

«Издание Пушкина есть целая большая проблема», — так отвечал Б. В. Томашевский на адресованную ему просьбу выступить со своими тезисами в первый день Конференции пушкинистов 1933 года. «Я считаю, что таких основных тезиса три <...>: 1) вдохновляющая издание идея, 2) материальная база, 3) научная база издания и организация труда»⁵⁴⁹. Это положение, принятое мной за основу, и определило структуру исследовательского нарратива, предложенного в настоящей работе: «вдохновляющей идее» посвящена ее первая глава, организации труда и научной базе — соответствующие разделы второй.

За рамками исследования неизбежно осталось множество сюжетов, один из которых — дискуссии об академическом издании Пушкина внутри профессионального сообщества (в том числе на Всесоюзных Пушкинских конференциях 1957, 1959, 1960 годов). Невозможность вынести в публичное поле все трудности организационной стороны издания направила рефлексию пушкинистов в русло его *рецепции*. Тридцать лет спустя участники академического Пушкина вновь заговорили об *адресате* издания на фоне его очевидной не востребоваемости — констатацией этого «тревожного явления» завершал свой

⁵⁴⁹ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 121.

доклад Н. В. Измайлов⁵⁵⁰. Уйдя от осторожных формулировок коллеги, Ю. Г. Оксман — бывший руководитель проекта, лишенный возможности заниматься филологической работой на десятилетие, — говорил о *трагедии* академического издания, которое так и не нашло своего адресата⁵⁵¹.

Н. В. Измайлов видел причины этой трагедии в незавершенности АПСС: «Издание до сих пор остается в значительной мере закрытой сокровищницей, остается слепым, почти немым, потому что нет тех исследовательских монографических широких комментариев, которые бы давали в руки исследователя-читателя ключ, нет обоснования выбранного текста, нет истории создания произведения, истории текста, объяснений к вариантам. Они только сами за себя говорят, а этого недостаточно. Нет обоснования хронологии, и ошибочна она или справедлива, читатель не может судить, а только должен верить»⁵⁵². Насущной задачей пушкиноведения исследователь считал подготовку такого «ключа»-комментария для будущих поколений филологов: «Если мы научим молодого исследователя опираться на академическое издание, если дадим в руки ключ к изданию, тогда академическое издание надолго останется памятником, достойным великого поэта, и живым источником изучения его творчества, живым источником нашей литературной науки»⁵⁵³.

Эти слова и сегодня сохраняют свою поразительную актуальность.

⁵⁵⁰ Там же. Оп. 31. № 291. Л. 34.

⁵⁵¹ Там же. № 287. Л. 180 об.

⁵⁵² Там же. № 291. Л. 34.

⁵⁵³ Там же. Л. 34 об.

Список сокращений

Институции. Органы власти

АН СССР — Академия наук СССР

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИС — Государственная академия искусствознания

ГИЗ (также Госиздат) — Государственное издательство РСФСР

ГИИИ — Государственный институт истории искусств

ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы

Гослитиздат — сокращенное наименование (с 1934 г.) Государственного издательства художественной литературы

ИРЛИ — Институт русской литературы

Центрархив — Центральный архив, официальное наименование Центрального архивного учреждения РСФСР (1922–1929)

ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет СССР

Архивы

АРАН — Архив Российской академии наук

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Издания

ГИХЛ 1931–1933 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1933.

- ГИХЛ 1934 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, М. А. Цявловского, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.
- ГИХЛ 1936 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. М.: ГИХЛ, 1936.
- ГИХЛ 1959–1962 — *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
- КН — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИЗ, 1930–1931 (Прилож. к журналу «Красная нива» на 1930 г.).
- ПЭ — Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009–2024. Вып. 1–5.
- Рукою Пушкина — Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. [М.; Л.]: Academia, 1935. 928 с.
- Асад. в 6 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1–5; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 6.
- Асад. в 9 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. [М.; Л.]: Academia, 1935–1937. Т. 1–6, 8–9; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 7.

Список архивных источников⁵⁵⁴

АРАН

Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47.
Ф. 394. Оп. 9. № 63.
Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 20.
Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 182.
Ф. 597. Оп. 3. № 59.

НИОР РГБ

Ф. 369. Карт. 117. № 23.
Ф. 645. Карт. 16. № 28.
Ф. 645. Карт. 16. № 29.
Ф. 645. Карт. 16. № 30.

ОР РНБ

Ф. 117. № 177.

РГАЛИ

Ф. 384. Оп. 1. № 135.
Ф. 384. Оп. 1. № 136.
Ф. 384. Оп. 1. № 137.
Ф. 384. Оп. 1. № 138.
Ф. 384. Оп. 1. № 141.
Ф. 444. Оп. 1. № 586.
Ф. 1527. Оп. 1. № 93.
Ф. 1527. Оп. 1. № 104.
Ф. 1527. Оп. 1. № 382.
Ф. 1527. Оп. 1. № 765.
Ф. 1527. Оп. 1. № 770.
Ф. 1527. Оп. 1. № 772.
Ф. 1527. Оп. 1. № 773.
Ф. 2073. Оп. 1. № 37.
Ф. 2567. Оп. 1. № 1430.

РО ИРЛИ

Ф. 47. Оп. 2. № 19.
Ф. 47. Оп. 2. № 20.
Ф. 47. Оп. 2. № 21.
Ф. 47. Оп. 2. № 25.
Ф. 47. Оп. 2. № 26.
Ф. 47. Оп. 2. № 27.
Ф. 47. Оп. 2. № 28.
Ф. 47. Оп. 4. № 58.
Ф. 187. Оп. 2. № 137.
Ф. 244. Оп. 26. № 391.
Ф. 244. Оп. 27. № 49.
Ф. 244. Оп. 27. № 58.
Ф. 387. № 18.
Ф. 387. № 181.
Ф. 387. № 233.
Ф. 387. № 238.
Ф. 387. № 352.
Ф. 387. № 362.
Ф. 387. № 364.
Ф. 387. № 396.
Ф. 387. № 419.
Ф. 387. № 430.
Ф. 387. № 449.
Ф. 800. № 173.
Ф. 800. № 174.

СПбФ АРАН

Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16.
Ф. 150. Оп. 1 (1933). № 13.
Ф. 150. Оп. 1 (1935). № 20.

⁵⁵⁴ Учтены только материалы обработанных фондов.

Список литературы

Печатные источники

I. Издания текстов и рукописей А. С. Пушкина⁵⁵⁵

1. *Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1838–1841. Т. 1–11 (1838. Т. 1–8; 1841. Т. 9–11).
2. *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855–1857. Т. 1–7 (1855. Т. 1–6; 1857. Т. 7).
3. *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. Я. А. Исакова; под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880–1881. Т. 1–6.
4. *Пушкин А. С.* Соч. СПб.; Пг.: Изд. Имп. Академии наук, 1899–1916 (т. 1–4, 11); Л.: Изд-во АН СССР, 1928–1929 (т. 9, кн. 1–2).
5. *Пушкин А. С.* Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903–1906. Т. 1–8.
6. *Пушкин А. С.* [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг.: Изд. Брокгауза–Ефрона, 1907–1915. Т. 1–6.
7. *Пушкин А. С.* Соч. / Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Л.: ГИЗ, 1924. То же: 2-е изд. 1925; 3-е изд. и 4-е изд. 1928; 5-е изд. 1929; 6-е изд. 1930; 5-е [7-е] изд. 1933.
8. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИЗ, 1930–1931.
9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1933.
10. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, М. А. Цявловского, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.

⁵⁵⁵ Приведены в хронологическом порядке.

11. Автографы А. С. Пушкина / Транскрипция и коммент. М. А. Цявловского // Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1934. Вып. 3. С. 13–43.
12. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. [М.; Л.]: Academia, 1935. 928 с.
13. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. [М.; Л.]: Academia, 1935–1937. Т. 1–6, 8–9; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 7.
14. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. М.: ГИХЛ, 1936.
15. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1–5; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 6.
16. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Справочный том.
17. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. То же: Л.: Наука, 1950–1951; 2-е изд. 1956; 3-е изд. 1963–1965; 4-е изд. 1977–1979.
18. *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
19. *Пушкин А. С.* Стихотворения лицейских лет: 1813–1817 / Ред. тома В. Э. Вацуро. СПб., 1994. 716 с.
20. *Пушкин А. С.* Рабочие тетради: В 8 т. / Науч. ред. С. А. Фомичев и Т. И. Краснобородько. СПб., Лондон. 1995–1997.
21. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1; 2004. Т. 2. Кн. 1; 2009. Т. 7; 2016. Т. 2. Кн. 2; 2019. Т. 3. Кн. 1; 2024. Т. 9. Кн. 1–2.
22. *Пушкин А. С.* Болдинские рукописи 1830 года: [В 3 т.] / Авт.-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова; науч. ред. и вступ. ст. С. А. Фомичева. СПб., 2009. То же, переизд.: СПб., 2013.

II. Собрания сочинений

23. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
24. *Волошин М. А.* Собр. соч.: [В 13 т.]. М.: Эллис Лак [Т. 1–12]; Азбуковник [Т. 13], 2003–2015.
25. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
26. *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: [В 3 т.]: Издание Разряда изящной словесности Императорской Академии наук / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова. СПб., 1911–1917. (Сер. «Академическая библиотека русских писателей», вып. 7–9)
27. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 томах. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2013–2020. Т. 1–9.
28. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: [В 12 т.] / Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М.: Гослитиздат, 1948–1953.
29. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
30. *Ремизов А. М.* Собр. соч.: [В 10 т.]. М.: Русская книга, 2000–2003.
31. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч.: [В 20 т.] / Под ред. В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского, П. Н. Лепешинского и др. М.: Гослитиздат, 1933–1941.
32. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.]. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1964.
33. *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1941–1954.
34. *Хлебников В.* Собр. соч.: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006.
35. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: [В 20 т.] / Под общ. ред. С. Д. Балухатого, В. П. Потемкина, Н. С. Тихонова. М.: Гослитиздат, 1944–1951.

III. Другие печатные источники

36. *Азадовский М., Оксман Ю.* Переписка: 1944–1954 / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 1998. 410 с.
37. *Ашукин Н. С.* Заметки о виденном и слышанном. 1914–1933 / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой; вступ. заметка Н. Богомолова // НЛЮ. 1998. № 3 (31).

- С. 175–219; № 4 (32). С. 173–196; № 5 (33). С. 223–262; 1999. № 2 (36). С. 136–164; № 4 (38). С. 180–211.
38. *Благой Д., Макогоненко Г., Мейлах Б.* За образцовое издание классиков // Литературная газета. 1952. № 85 (2958). 15 июля. С. 3.
39. *Богаевская К. П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29). С. 125–141.
40. *Бубнов А.* К пушкинским дням // Правда. 1936. № 346 (6952). 17 декабря. С. 2.
41. В юбилейные дни // Известия. 1949. № 130 (9970). 4 июня. С. 1.
42. *Вавилов С. И.* Галилей в истории оптики // Успехи физических наук. 1964. № 8. С. 583–615.
43. *Виноградов В. В.* «Жду перемен в своей судьбе»: Письма к жене из вятской ссылки (1934–1936) / Сост., подгот. текста А. Б. Гуськовой; науч. ред. Н. Я. Козел; коммент. А. Б. Гуськовой, Н. Я. Козел. СПб., 2024. 400 с.
44. *Гаспаров М. Л.* К обмену мнений о перспективах литературоведения // Гаспаров М. Л. Собр. соч.: В 6 т. М., 2023. Т. 6. С. 466–467.
45. [Гёте] / План тома, лит. ред., подбор илл. и оформ. И. С. Зильберштейна, С. А. Макашина и И. В. Сергиевского. М., 1932. 1064 с. (Сер. «Литературное наследство», т. 4–6)
46. *Гордин Я.* Распад, или Переключка во мраке // Гордин Я. Пушкин. Бродский. Империя и судьба: В 2 т. М., 2016. Т. 1. С. 351–473.
47. *Григоренко В.* Еще раз об издании классиков // Литературная газета. 1952. № 140 (3013). 20 ноября. С. 3.
48. *Гродецкая А. Г.* Актуальные проблемы текстологии русской литературы // Русская литература. 2001. № 4. С. 221–228.
49. *Динамов С.* Юбилей Гёте и капиталистический Запад // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6. С. 39–80.
50. *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг.: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2.
51. *Друзин В., Морозова В.* О принципах издания собрания сочинений Глеба Успенского // Литературная газета. 1952. № 148 (3021). 11 декабря. С. 3.

52. За высокую идейность в работе издательств! // Правда. 1952. № 141 (12343). 20 мая. С. 1.
53. За образцовое издание классиков: [Обзор писем в редакцию] // Литературная газета. 1952. № 131 (3004). 28 октября. С. 3.
54. Закончено редактирование академического собрания сочинений Пушкина // Известия. 1938. № 263 (6730). 12 ноября. С. 3.
55. *Зильберштейн И.* Издание классиков — дело всенародного значения // Литературная газета. 1952. № 98 (2971). 14 августа. С. 3.
56. Из архива Гугеровского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 15–70.
57. Из истории советского академического издания сочинений Пушкина: Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 258–277.
58. Из истории справочных пушкинских изданий / Публ. И. С. Чистовой // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 278–292.
59. Издания сочинений А. С. Пушкина // Вечерняя Москва. 1948. № 247 (7529). 18 октября. С. 3.
60. *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. и коммент. Н. А. Прозоровой // Пушкинист Н. В. Измайлов. В Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 9–120.
61. Имя Пушкинского Дома и райкомовский архив / Публ. Л. Турандиной, сопр. текст и примеч. А. Арьева // Звезда. 2019. № 4. С. 189–225.
62. «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-х годов) / Публ. М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, примеч. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 3. С. 137–184; № 4. С. 182–220; 2004. № 1. С. 145–199; № 2. С. 189–244; 2005. № 4. С. 140–201; 2006. № 1. С. 227–273.
63. Каталоги фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации / Ред. К. П. Богаевская. М., 1948. Вып. 7. 325 с.

64. Конференция пушкинистов // Вестник АН СССР. 1933. № 7. Стб. 35–38. Подп.: М.
65. Краснобородько Т. И. П. М. Устимович и его воспоминания об А. А. Олениной (Андро) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб., 2022. С. 7–51.
66. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. [М. Г. Альтшуллер,] Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979. 790 с. (Сер. «Литературные памятники»)
67. Лежнев И. Каста пушкинистов // Большевицкая печать. 1936. № 10. С. 17–18.
68. Лукина В. А. Современные проблемы текстологии русской литературы // Русская литература. 2005. № 4. С. 222–226.
69. Мануйлов В., Модзалевский Л. Хроника пушкиноведения за 1933 год // Пушкин. 1834 год. Л., 1934. С. 152–168.
70. Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» // Russian Studies. 2000. Т. 3. № 3. С. 435–460.
71. Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920–1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 7–191.
72. Никитин О. Неизвестный филологический архив Николая Сергеевича Ашукина (1890–1972): Б. В. Томашевский. «Правила орфографии при издании сочинений Пушкина» // Михайловская Пушкиниана. Михайловское, 2022. Вып. 87. С. 62–68.
73. Обсуждение VII тома академического издания в общественных организациях Ленинграда // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Т.] 2. С. 454–456.
74. Острые вопросы фундаментальной филологической науки / Подгот. Г. В. Чуба. Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 11. С. 978–980.
75. Прохоров Е. Издание остается незавершенным // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 187–191.

76. *Путинцев В.* О научном издании Герцена // Литературная газета. 1952. № 109 (2982). 9 сентября. С. 3.
77. [Александр Пушкин] / План тома, организация материала, лит. ред., подбор материала и оформ. И. С. Зильберштейна и И. В. Сергиевского. М., 1934. 1183 с. (Сер. «Литературное наследство», т. 16–18)
78. Пушкин, прочтенный эпохой // Литературный Ленинград. 1936. № 26. 6 июня. С. 1.
79. Пушкинский комитет // Правда. 1927. № 275 (3807). 1 декабря. С. 4.
80. *Ровда К. И.* Луначарский — академик и директор Пушкинского Дома: (Из документов и воспоминаний) // А. В. Луначарский: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 207–232.
81. Совещание по вопросам текстологии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1954. Т. 13. Вып. 4. С. 392–396.
82. *Томашевский Б. В.* Д. П. Якубович // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т.] 6. С. 5–14.
83. *Трофимова Т. Б.* Круглый стол «Вторые академические собрания сочинений русских писателей» // Русская литература. 2011. № 1. С. 265–268; то же: // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2. С. 1019–1023.
84. *Фомичев С. А.* «Звезда пленительного счастья...» // Русская речь. 1993. № 2. С. 3–7.
85. *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. 336 с.
86. «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»: (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 525–566.
87. *Якубович Д.* Почему нам близок Пушкин? // Советское студенчество. 1937. № 2. С. 43–45.
88. [Якубович Д. П.] Фототипическое издание рукописей А. С. Пушкина // Вестник АН СССР. 1933. № 10. Стб. 66–68.

89. *Friedberg M.* [Rev. of:] Ludwig Domherr, The Pushkin Edition of the U.S.S.R. Academy of Sciences (English title page, Russian text). Mimeographed series No. 45. New York: Research Program on the U.S.S.R., 1953. 110 pages plus photostats // *American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. Iss. 2 (April). P. 271.

Научно-справочная литература

90. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1999. Юбилейный год / Сост. Ю. А. Сорокина и Л. А. Тимофеева. СПб., 2019. 622 с.
91. *Блинова Е. М.* «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966. 208 с.
92. Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / Сост. Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотова. СПб., 2021. 262 с. (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35)
93. Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М., 1969–1986.
94. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. 872 с.
95. Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М., 2004. 312 с.
96. Краткая литературная энциклопедия: [В 9 т.]. М., 1962–1978.
97. Критические и публицистические статьи А. С. Пушкина в литературоведческих исследованиях: Материалы для библиографии / Сост. Л. А. Тимофеева под ред. А. Ю. Балакина и В. В. Турчаненко // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2025. Вып. 39. С. 38–145.
98. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001. 799 с.
99. Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905–2005: Материалы к справочнику // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 389–552.

100. Описание бумаги А. С. Пушкина в автографах его, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Л., 1936. 55 с. (машинопись; хранится в РО ИРЛИ)
101. Пушкин — критик и журналист: Аннотированная библиография научных работ / Сост. Л. А. Тимофеева и В. Т. Золотухин под ред. А. Ю. Балакина и В. В. Турчаненко // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2024. Вып. 38. С. 34–113.
102. Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929. 51 с.
103. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева; отв. ред. Н. В. Измайлов. М.; Л., 1964. 112 с.
104. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. 396 с.
105. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000.
106. Управление наукой: Путеводитель по советскому прошлому / Науч. ред. Д. С. Секиринский; отв. ред. Е. А. Долгова. М., 2024. 405 с.

Научная литература

107. *Алешкевич А. А.* Из наблюдений над критико-полемиической прозой Пушкина 1830 года // А. С. Пушкин: Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 95–105.
108. *Афиани В. Ю.* Текстологические дискуссии: к вопросу о механизме научных дискуссий в советский период // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: Материалы Всероссийской научной конференции, г. Москва, Архив РАН – РГГУ, 25 июня 2019 г. / Отв. ред В. П. Козлов, отв. сост. И. Н. Ильина. М., 2019. С. 49–63.
109. *Багно В. Е., Рак В. Д.* О втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2009. № 3. С. 60–68.

110. *Багно В. Е., Тарасова Н. А.* Второе академическое собрание сочинений Ф. М. Достоевского в Пушкинском Доме: К 200-летию со дня рождения писателя // Вестник РАН. 2021. Т. 91. № 12. С. 1157–1169.
111. *Балакин А.* Начальный этап формирования корпуса критической прозы Пушкина // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 3–4. С. 267–277.
112. *Балакин А. Ю., Турчаненко В. В.* Анна Ахматова и Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 387–417.
113. *Березина В. Г.* Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 278–312.
114. *Благой Д. Д.* Типы советских изданий русских писателей-классиков // Вопросы текстологии: Сб. ст. / Отв. ред. В. С. Нечаева. М., 1957. С. 5–28.
115. *Блюм А. В.* «Снять контрреволюционную шапку...»: Пушкин и ленинградская цензура 1937 г. // Звезда. 1997. № 2. С. 209–215.
116. *Бонди С.* Об академическом издании сочинений Пушкина // Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 123–132 (с примечанием «От редакции» на с. 132–134).
117. *Буданова Н. Ф.* К спорам о втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2010. № 2. С. 32–40.
118. *Бухштаб Б. Я.* Проблемы типологии литературно-художественных изданий // Книга: Исследования и материалы. М., 1976. Вып. 32. С. 5–35.
119. *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социо-логос. Социология, антропология, метафизика. М., 1991. С. 39–50.
120. *Вацуро В. Э.* «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 177–212.
121. *Вацуро В. Э.* К изучению «Литературной газеты» Дельвига — Сомова // Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968. С. 23–36.
122. *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М., 1986. 385 с.

123. *Ветловская В. Е., Тихомиров Б. Н.* Об академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского // *Русская литература*. 2009. № 3. С. 69–73.
124. *Виноградов В. В.* Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. // *Пушкин: Временник пушкинской комиссии*. М.; Л., 1939. [Т.] 4–5. С. 453–476.
125. *Винокур Г.* Критика поэтического текста. М., 1927. 134 с.
126. *Гиллельсон М. И.* Пушкинский «Современник» // *Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным*. [Приложение к факсимильному изданию]. М., 1987. С. 3–39.
127. *Гиппиус В. В.* Из материалов редакции академического издания Пушкина // *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*. М.; Л., 1939. [Т.] 4–5. С. 557–568.
128. *Грачева А. М.* Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции: (Собрание сочинений А. М. Ремизова) // *Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей* / Под общ. ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003. С. 64–78.
129. *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. 416 с.
130. *Гришунин А. Л.* Проблема академических изданий русских писателей в советской текстологии // *Текстология славянских литератур*. Л., 1973. С. 70–81.
131. *Громова-Опульская Л. Д.* Принципы современной текстологии и академическое издание Есенина // *Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды* / Отв. ред. М. И. Щербакова. М., 2005. С. 462–465.
132. *Грякалова Н. Ю.* Символистский текст: модусы интерпретации: (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // *Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей* / Под общ. ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003. С. 112–126.
133. *Гудзий Н.* По поводу Полных собраний сочинений писателей // *Вопросы литературы*. 1959. № 6. С. 196–206.

134. *Гудзий Н. К., Жданов В. А.* Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232–242.
135. *Гуськов С. Н., Бодрова А. С.* Академические собрания сочинений русских писателей: электронный ресурс Пушкинского Дома // Информационные ресурсы России. 2020. № 5. С. 16–19.
136. *Дастон Л.* История науки и история знания // Логос. Философско-литературный журнал. 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.
137. *Двинятина Т. М.* Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: Дис. ... докт. фил. наук. СПб., 2015. 437 с.
138. *Дмитриева Е. Е.* Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003. С. 33–50.
139. *Домгерр Л. Л.* Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг.: (Материалы и комментарии) // Записки русской академической группы в США. 1987. Т. 20. С. 295–348.
140. *Домгерр Л. Л.* Советское академическое издание Пушкина // The New Review. (Нью-Йорк). 1987. Кн. 167. С. 228–252.
141. *Евлахов А. М.* Пушкин как эстетик. Киев, 1909. 185 с.
142. *Егоров Б. Ф.* О жанрах литературно-критических статей Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 49–57.
143. *Еремин М. П.* Пушкин-публицист. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. 470 с.
144. *Захаров В. Н.* Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск, 2009. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». С. 3–26.
145. *Измайлов Н. В.* О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 5–16.
146. *Измайлов Н. В.* Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 557–610.

147. *Карпов А. А.* Документальное и художественное в исторической прозе и публицистике А. С. Пушкина 1830-х годов // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX – нач. XX века. Л., 1985. С. 7–26.
148. *Касаткина Т. А.* От редактора // Достоевский: Дополнения к комментарию. М., 2005. С. 3–6.
149. *Касаткина Т. А.* Пунктуация как художественный прием: К проблеме текстологии произведений Ф. М. Достоевского в XX веке // Достоевский: дополнения к комментарию. М., 2005. С. 7–26.
150. *Краснобродько Т. И.* «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания (по материалам архива Редакции академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина) // Русская литература. 1989. № 1. С. 145–152.
151. *Краснобродько Т. И.* Журнальные замыслы А. С. Пушкина и «Современник»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 19 с.
152. *Краснобродько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3. С. 5–29.
153. *Краснобродько Т. И., Хитрова Д. А.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part I. P. 66–116.
154. *Кром М. М.* Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сб. науч. раб. СПб., 2003. С. 7–14.
155. *Кузьменко Т. А.* К истории академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина (1937–1949) // Берковские чтения – 2019. Книжная культура в контексте международных контактов. М., 2019. Ч. 1. С. 227–234.
156. *Кумпан К. А.* Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам. М., 2014. С. 8–128.
157. *Лавров А. В.* Об издании собраний сочинений русских классиков: (Несколько тезисов) // Лавров А. В. Тексты и комментарии: Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб., 2018. С. 7–25.

158. *Лавров А. В.* Проблемы академических изданий классиков русской литературы // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 11. С. 970–977.
159. *Ларионова Е. О. Б. В.* Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов: у истоков академического издания А. С. Пушкина // Русская литература. 2024. № 2. С. 9–48.
160. *Лахно С. Н., Фризман Л. Г.* О своеобразии рецензий Пушкина // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1991. С. 83–88.
161. *Лебина Н.* Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М., 2023. 584 с.
162. *Лежнев А.* О Пушкине-критике // Красная новь. 1937. № 1. С. 184–195.
163. *Лернер Н. О.* Новооткрытые страницы Пушкина // Пушкин и его современники. Пб., 1909. Вып. 12. С. 121–158.
164. *Лернер Н. О.* Новооткрытые страницы Пушкина // Северные записки. 1913. Кн. 2. С. 32–44.
165. *Лернер Н. О.* Новые приобретения пушкинского текста и дополнения // Пушкин. [Соч.: В 6 т.]. Пг., 1915. Т. 6. С. 172–243.
166. *Липницкая Е. А.* Эволюция творчества А. С. Пушкина — критика и публициста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011. 23 с.
167. *Лихачев Д. С.* Текстология: Краткий очерк / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1964. 103 с.
168. *Лотман Ю. М.* К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов науч. конф. 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 89–95.
169. *Луначарский А. В.* Пушкин-критик // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 35–48.
170. *Мисникевич Т. В.* К проблеме основного текста в лирике Федора Сологуба: По материалам творческого архива поэта в Рукописном отделе ИРЛИ // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 434–447.

171. *Молок Ю.* Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М., 2000. 272 с.
172. *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. 431 с.
173. *Муравьева О. С.* Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине / Отв. ред. М. Н. Виролайнен. СПб., 1994. С. 109–128.
174. *Нечаева В. С.* Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков // Вопросы текстологии: Сб. ст. / Отв. ред. В. С. Нечаева. М., 1957. С. 29–88.
175. *Обатнин Г. В.* Об одной проблеме подготовки академического собрания Вяч. Иванова // Русский модернизм: Проблемы текстологии: Сб. ст. СПб., 2001. С. 201–208.
176. *Оксман Ю. Г.* Пушкин — литературный критик и публицист // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 441–469.
177. *Онуфриев Н. М., Гайденков Н. М., Григорьян К. Н.* Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков // Советская книга. 1953. № 3. С. 95–108.
178. Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. 21. Вып. 1. С. 14–33.
179. *Платт Дж. Б.* Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт / Пер. с англ. Я. Подольного. СПб., 2017. 352 с.
180. Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003. 344 с.
181. *Проскурин О.* Из наследия Винокура-пушкиниста // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 36–54.
182. *Прохоров Е. И.* Типы изданий // Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 135–158.

183. Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. 664 с.
184. *Пыпин А. Н.* Исторические очерки: Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб., 1873. 514 с.
185. *Рак В. Д.* Как текстологи создавали и разрушали пушкинский шедевр: (О тексте чернового наброска «Царь увидел пред собою...») // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. ст. СПб., 2003. С. 343–377.
186. *Рак В. Д.* Мильтон // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. С. 203–205.
187. *Рак В. Д.* Новое академическое Полное собрание сочинений А. С. Пушкина // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 24–32.
188. *Рак В. Д.* О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. ст. СПб., 2003. С. 3–21.
189. *Рейсер С. А.* Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978. 176 с.
190. *Розанова С.* Профиль издания обязывает: (Русская литература в «Литературных памятниках») // Вопросы литературы. 1974. № 10. С. 204–228.
191. *Самбулова А. Ю.* Место академического собрания сочинений в типологии литературно-художественных изданий // Вестник МГУП. 2011. № 8. С. 49–52.
192. *Скатов Н. Н.* Драма одного издания // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 2. С. 153–163.
193. *Слепков Я. В.* Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: творческая история // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 357–386.
194. *Спиридонова Л. А.* Текстология: Теория и практика / Отв. ред. А. Г. Плотникова. М., 2019. 256 с.
195. *Степанов Н. Л.* Пушкин-критик // Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Л., 1950. Т. 1. С. 415–433.
196. *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 106–118.

197. *Тихомиров Б. Н.* Академический комментарий: Цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура. СПб., 2008. № 24. С. 117–126.
198. *Томашевский Б. В.* Об издании классиков // Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 224–243.
199. *Томашевский Б. В.* Основные этапы изучения Пушкина // Томашевский Б. Пушкин. Кн. 2-я: Материалы к монографии (1824–1837). М.; Л., 1961. С. 444–476.
200. *Томашевский Б. В.* Сочинения русских классиков в изданиях Академии наук СССР // Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 244–247.
201. *Томашевский Б.* Издания стихотворных текстов [Пушкина после Октября] // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 1055–1112.
202. *Томашевский Б.* Писатель и книга: Очерк текстологии. [М.; Л.], 1928. 229 с.; 2-е изд. М., 1959. 280 с.
203. *Томашевский Б.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. 135 с.
204. *Турчаненко В. В.* Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: Штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сб. ст. и мат. к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой. М., 2023. С. 245–258.
205. *Турчаненко В. В.* Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 2. С. 189–209.
206. *Турчаненко В. В.* К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на Сталинскую премию // Codex manuscriptus. М., 2024. Вып. 5. С. 524–552.
207. *Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34. С. 144–180.

208. Турчаненко В. В. Научный семинар «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина» // Русская литература. 2023. № 4. С. 276–279.
209. Турчаненко В. В. Незавершенный редакторский труд Д. П. Якубовича (седьмой «Временник Пушкинской комиссии») // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2024. Вып. 38. С. 223–240.
210. Турчаненко В. В. «Пишу в стихах посланье в Сочи...»: Черноморские открытки Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича (лето 1933 года) // «...И не кончается строка»: Сб. в честь Марии Наумовны Виролайнен. СПб., 2024. С. 267–297.
211. Турчаненко В. В. Подводя итоги советского пушкиноведения: Доклад Н. К. Пиксанова на Пушкинской конференции 1937 года // Новое литературное обозрение. 2022. № 5 (177). С. 119–134.
212. Турчаненко В. В. Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. Таллин, 2020. [Вып.] 18. С. 64–74.
213. Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025. 792 с.
214. Устинов А. Б. Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. ст. и мат. к 50-летию Лазаря Флейшмана. Стэнфорд, 1994. С. 471–544.
215. Филиппова Н. Ф. Критик–поэт Александр Сергеевич Пушкин. М., 1998. 263 с.
216. Филиппова Н. Ф. Метод Пушкина-критика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 17 с.
217. Фомичев С. А. Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003. С. 129–141.
218. Фомичев С. А. О томе 2 (книга 2) полного собрания сочинений А. С. Пушкина. СПб., 2017. 40 с.

219. *Фридендер Г. М.* О научных принципах и задачах академических изданий русских классиков: (На материале Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50. № 5. С. 401–413.
220. *Фрик Т. Б.* «Современник» А. С. Пушкина как единый текст. Томск, 2009. 191 с.
221. *Фролов М. А.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...»: К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936–1958) // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 431–473.
222. *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 384–436.
223. *Фролов М. А.* Проблемы текстологии в научном наследии Ю. Г. Оксмана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 32 с.
224. *Хозяинов С. А.* Атрибуция публицистики, приписываемой А. С. Пушкину: Решение проблемы авторства методами распознавания образов. Saarbrücken, 2012. 252 с.
225. *Хозяинов С. А.* Атрибуция публицистических произведений, приписываемых А. С. Пушкину: (Тексты 1830–1836 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 24 с.
226. *Цыганов Д.* Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М., 2023. 800 с.
227. *Цявловская Т. Г.* Первая статья Пушкина для «Московского вестника» // Замысел, труд, воплощение... / Под ред. В. И. Кулешова. М., 1977. С. 79–91.
228. *Чуковский К.* От дилетантизма к науке: Заметки текстолога // Новый мир. 1954. № 2. С. 232–254.
229. *Ширинкин В. И.* А. С. Пушкин и судьбы русской литературной критики 1820–1830-х годов: (Заметка «О критике») // Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1986. С. 123–129.

230. *Ширинкин В. И.* А. С. Пушкин–критик и русская литературная критика 1820–1830-х годов: (Метод и жанры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 18 с.
231. *Шкловский В.* Пушкин — редактор «Современника» // Большевистская печать. 1937. № 2–3. С. 71–75.
232. *Шуган О. В.* А. М. Горький в главной редакции Полного академического собрания сочинений А. С. Пушкина: (К 155-летию со дня рождения М. Горького) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 98–115.
233. *Эйхенбаум Б. М.* Основы текстологии // Редактор и книга: Сб. ст. М., 1962. Вып. 3. С. 41–98.
234. *Якубович Д.* Издания текстов художественной прозы [Пушкина после Октября] // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 1113–1126.
235. *Brandenberger D.* «The People's Poet»: Russocentric Populism during the USSR's Official 1937 Pushkin Commemoration // Russian History. 1999. Vol. 26. № 1. P. 65–73.
236. *Domherr L.* The Pushkin Edition of the U.S.S.R. Academy of Sciences. New York, 1953. 110 p. (Research Program on the U.S.S.R. Mimeographed Series № 45)
237. *Friedberg M.* Russian Classics in Soviet Jackets. New York; London, 1962. 228 p.
238. *Petrone K.* A Double-Edged Discourse on Freedom: The Pushkin Centennial of 1937 // Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 113–148.
239. *Pinkham S.* Pushkin for President: Russian Literary Cults in the Transition from Communism. New York, 2019. 303 p. (PhD. Diss., Columbia University)
240. *Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, 2004. 416 p.

Список иллюстративного материала

1. Иллюстрация 1. «<О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”>». Автограф. РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 340. Л. 4 об. (фрагмент) — *Глава 2. С. 156.*
2. Иллюстрация 2. «<Возражения на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”>». Автограф. РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 292. Л. 3 об. (фрагмент) — *Глава 2. С. 158.*
3. Иллюстрация 3. «<Возражения на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”>». Автограф. РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 292. Л. 2. (фрагмент) — *Глава 2. С. 159.*

Приложение 1. Хроника заседаний Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина и редакторских совещаний в 1934–1948 гг.: Архивные источники

№ п/п	Дата	Событие	Участники	Источник
1.	20 декабря 1934 <i>Ленинград</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина Обсуждение заключения договоров с Издательством АН СССР на редактирование томов АПСС	Ю. Г. Оксман (предс.), Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, С. Я. Гессен (секретарь), Т. Г. Зенгер, Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович	РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 31 <i>(протокол)</i>
2.	19 марта 1935 <i>Ленинград</i>	Совещание Непременного секретаря АН СССР с представителями Отделения общественных наук и Редакционного комитета академического издания Пушкина • Доклад Ю. Г. Оксмана о работе над VII томом • Доклад Ю. Г. Оксмана о положении издания	В. П. Волгин (предс.), А. А. Бусыгин, С. Я. Гессен (секретарь), В. А. Забиров, Ю. Г. Оксман, А. С. Орлов, Д. П. Якубович	РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 32–33 <i>(протокол)</i>
3.	1 июля 1935 <i>Ленинград</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина • Доклад С. Я. Гессена о ходе работ по изданию • Организационные вопросы (привлечение новых редакторов — В. В. Гиппиуса и Б. М. Эйхенбаума)	А. С. Орлов (предс.), С. Я. Гессен (секретарь), Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский, Д. П. Якубович, П. И. Чагин	РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 37–45 <i>(протокол)</i>
4.	5 декабря 1935 <i>Ленинград</i>	Совещание предполагаемых участников коллективных томов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина	Ю. Г. Оксман (предс.), П. Н. Берков, С. Я. Гессен (секретарь), В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий,	РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 46–47 <i>(протокол)</i>

		Сообщение Ю. Г. Оксмана о запуске двух новых томов критической прозы. Прения	Л. Л. Домгер, А. Я. Максимович, Б. С. Мейлах, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Д. П. Якубович	
5.	4 октября 1936 <i>Ленинград</i>	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина • Доклад С. М. Бонди о работе над IV томом. Прения • Обсуждение состава редколлегии «Временника Пушкинской комиссии» и содержания его первого выпуска	Ю. Г. Оксман (предс.), С. М. Бонди, С. Я. Гессен (секретарь), Л. Л. Домгер, Б. С. Мейлах, Л. Б. Модзалевский, Н. Г. Свирин, Б. В. Томашевский, Д. П. Якубович	РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 49–51 <i>(протокол)</i>
6.	11 октября 1936 <i>Ленинград</i>	Редакционное совещание по академическому изданию Полного собрания сочинений Пушкина Обсуждение графика утверждения к печати и сдачи в Издательство томов АПСС в свете предложения Непременного секретаря АН СССР «об обеспечении выпуска в свет пяти томов текстового варианта» АПСС к 10 февраля 1937 г.	Ю. Г. Оксман, Н. Г. Свирин, Б. В. Томашевский, П. И. Чагин	РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 27. № 58. Л. 55–55 об. <i>(протокол; без окончания)</i>
7.	15 декабря 1936	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 1– 2 <i>(протокол)</i> ; 3–12 <i>(стенограмма)</i>
8.	21 декабря 1936	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 13–14 <i>(протокол)</i>

9.	29 декабря 1936	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 15–16 <i>(протокол)</i>
10.	5 января 1937	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 17–21 <i>(протокол)</i>
11.	9 января 1937	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 22–23 <i>(протокол)</i>
12.	11 января 1937	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 24–27 <i>(протокол)</i>
13.	15 января 1937	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина Обсуждение и распределение работ по томам издания		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 28–30 <i>(протокол)</i>
14.	19 января 1937	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 32–35 <i>(протокол)</i>
15.	25 января 1937	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 36–37 <i>(протокол)</i>

16.	3 марта 1937 <i>Москва</i>	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Обсуждение составления инструкции для подачи прозы и для составления алфавитного указателя - Установление норм оплаты сотрудников издания	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. И. Даниельбек (секретарь), Т. Г. Зенгер, П. С. Попов, М. А. Цявловский	РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 1– 2 (<i>протокол</i>) РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 26. Л. 6– 7 об. (<i>протокол</i>)
17.	2 апреля 1937 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Доклад зав. Редакцией В. Д. Бонч-Бруевича об общем положении дел с изданием Прения по докладу. Выступления Д. П. Якубовича, П. И. Чагина, А. М. Эфроса и др. - Доклад М. А. Цявловского о переменах в распределении текстов между томами АПСС Прения по докладу. Выступление С. М. Бонди и др.	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, А. М. Деборин, Л. Л. Домгер, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, П. И. Чагин, А. М. Эфрос, Д. П. Якубович	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 1– 55 (<i>стенограмма</i>)
18.	3 апреля 1937 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Доклад Д. Д. Благого о XIII томе. Прения по докладу - Сообщение М. А. Цявловского о распределении текстов внутри XI и XII томов Прения. Выступление С. М. Бонди и др.	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, П. И. Чагин, А. М. Эфрос, Д. П. Якубович	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 56–105 (<i>стенограмма</i>)

19.	22 июля 1937 <i>Ленинград</i>	Совещание редакторов XI тома академического издания Полного собрания сочинений Пушкина Обсуждение XI тома (расположение материала, дополнительное редактирование текстов, поправки рецензента)	В. В. Виноградов, В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Л. Л. Домгер	РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 3–4 (<i>протокол</i>)
20.	28 сентября 1937 <i>Москва</i>	Заседание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Сообщение В. Д. Бонч-Бруевича о состоянии томов в результате проделанной за лето работы - Отчеты редакторов о работе над томами	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), Д. Д. Благой, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер, Л. Б. Модзалевский, П. С. Попов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский	РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 5–7 (<i>протокол</i>) РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 26. Л. 8–10 (<i>протокол</i>)
21.	1 ноября 1937 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Доклад зав. Редакцией В. Д. Бонч-Бруевича об общем положении дел с изданием Прения по докладу - Доклад Д. Д. Благого о работе над XIII томом Прения по докладу. Выступления Д. П. Якубовича, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевича и др. - Доклад В. В. Гиппиуса о работе над XI томом Прения по докладу. Выступление М. А. Цявловского - Сообщение Б. М. Эйхенбаума о работе над XI томом - Сообщение В. В. Виноградова о рецензировании XI тома Прения. Выступления С. М. Бонди, М. А. Цявловского	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. В. Гиппиус, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, П. С. Попов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, П. И. Чагин, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 135. Л. 106–179 (<i>стенограмма</i>)
22.	2 ноября 1937 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина Сообщение Л. Л. Домгера о ряде вопросов по XI тому	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди,	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 136. Л. 1–70 (<i>стенограмма</i>)

		Прения • Доклад П. С. Попова о работе над X томом Прения по докладу • Доклад П. С. Попова о работе над IX томом Прения по докладу. Выступления Д. П. Якубовича, Б. В. Томашевского, С. М. Бонди, Д. Д. Благого, Л. Л. Домгера • Сообщения Б. В. Томашевского и С. М. Бонди о работе над VIII томом Прения. Выступления Д. П. Якубовича • Сообщение Т. Г. Зенгер о работе над II и III томами • Сообщение В. Д. Бонч-Бруевича о работе над томом рисунков (автоиллюстрации и портреты) Прения. Выступление Т. Г. Зенгер • Организационные вопросы	В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, П. С. Попов, Т. В. Розанова, Б. В. Томашевский, Д. П. Якубович	
23.	27 декабря 1937 Москва	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина • Сообщение Б. В. Томашевского об отсутствии выплат по договорам с участниками издания Прения. Выступления В. Д. Бонч-Бруевича, Л. Л. Домгера • Сообщение В. Д. Бонч-Бруевича о работе над IX томом Прения. Выступления В. Л. Комаровича, М. А. Цявловского, Б. В. Томашевского • Сообщения В. В. Виноградова и П. С. Попова о работе над X томом • Обсуждение работы над указателями ко всему изданию и объема издания. Выступления Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Л. Л. Домгера и др.	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, В. Л. Комарович, П. С. Попов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 136. Л. 71–115 (стенограмма)

24.	28 декабря 1937 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Сообщение Л. Л. Домгера об итогах дневного заседания Редакции (обсуждение томов прозы и писем) Прения. Выступления Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Д. П. Якубовича и др. - Сообщение В. В. Виноградова о работе над XI томом (атрибуция статей из «Литературной газеты») Прения. Выступления В. В. Гиппиуса и др. - Обсуждение работы над томами прозы	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, В. В. Гиппиус, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, П. С. Попов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 136. Л. 116–157 (стенограмма)
25.	28 января 1938 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Организационные вопросы (финансовое обеспечение издания, сроки сдачи томов и др.) - Обсуждение работы над XI томом. Выступления Л. Л. Домгера и др. - Сообщение В. В. Виноградова о работе над X томом Прения. Выступления М. А. Цявловского, С. М. Бонди, А. И. Заозерского, Н. В. Измайлова и др. - Сообщение Н. В. Измайлова о работе над XIV томом Прения (в т. ч. дискуссия об орфографическом режиме издания). Выступления Д. Д. Благого, В. В. Виноградова, Л. Л. Домгера и др. - Организационные вопросы (распределение портретов Пушкина по томам, сроки сдачи томов и др.)	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Л. Л. Домгер, А. И. Заозерский, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, П. С. Попов, Т. В. Розанова, М. А. Цявловский	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137. Л. 1–64 (стенограмма)
26.	21 февраля 1938 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), М. Д. Беляев, Д. Д. Благой, С. М. Бонди,	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 137.

		- Обсуждение сроков сдачи и состава XI тома. Выступления Б. М. Эйхенбаума, М. А. Цявловского, Т. Г. Зенгер, С. М. Бонди, - Сообщения Б. В. Томашевского и Б. М. Эйхенбаума о работе над VIII томом Прения. Выступления М. А. Цявловского, Д. П. Якубовича, С. М. Бонди и др. - Обсуждение работы над IX томом	В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович	Л. 66–140 (стенограмма) Там же. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 9–12 (протокол)
27.	22 февраля 1938 (утро) Москва	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Обсуждение XI тома. Выступления Б. М. Эйхенбаума, Д. Д. Благого, С. М. Бонди, М. А. Цявловского, В. В. Виноградова и др. - Обсуждение VIII тома. Выступления С. М. Бонди, Б. В. Томашевского и др. - Сообщение Н. В. Измайлова о работе над XIV томом Прения. Выступления Д. Д. Благого, Д. П. Якубовича и др. - Сообщение М. А. Цявловского о содержании XII тома Прения	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, П. С. Попов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 138. Л. 36–84 (стенограмма) Там же. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 13–15 (протокол)
28.	22 февраля 1938 (вечер) Москва	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Продолжение выступления М. А. Цявловского о XII томе - Сообщение Т. Г. Зенгер о распределении портретов Пушкина по томам издания - Сообщение Т. Г. Зенгер о работе над томом рисунков Пушкина совместно с М. Д. Беляевым	П. И. Лебедев-Полянский (предс.), В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, В. Л. Комарович, Т. В. Розанова (секретарь), М. А. Цявловский, Д. П. Якубович	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 138. Л. 85–148 (стенограмма) РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 773. Л. 16–19 (протокол)

29.	20 мая 1938 <i>Москва</i>	Совещание редакторов академического издания Полного собрания сочинений Пушкина • Организационные вопросы (о снижении числа корректурных оттисков, о замене типографского шрифта «Боргес» на «Медиоваль») • Обсуждение V тома. Выступления С. М. Бонди, Н. В. Измайлова и др. • Обсуждение томов переписки (XV и XVI). Выступления Д. Д. Благого, Л. Л. Домгера, Л. Б. Модзалевского, Н. В. Измайлова и др.	М. А. Цявловский (предс.), Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Л. Л. Домгер, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский, Т. В. Розанова (секретарь)	РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 138. Л. 1–35 (<i>стенограмма</i>)
30.	15 июля 1938 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина • Доклад М. А. Цявловского о II и III томах • О дополнительном томе (т. XVII — рисунки) • О дополнительном томе (т. XVIII — алфавитные указатели и др. дополнения) • Об издании комментариев к АПСС		РГАЛИ. Ф. 384. Оп. 1. № 141. Л. 48 (<i>новестка</i>)
31.	3 ноября 1939 <i>Москва, квартира Цявловского</i>	Совещание Рабочей комиссии, созданной по постановлению Редкомитета от 1 ноября 1939 г. Обсуждение XI тома (композиция, датировка, заглавия текстов)	С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский	РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 42–44 (<i>протокол</i>)
32.	20 ноября 1939 <i>Москва, квартира Цявловского</i>	Совещание Рабочей комиссии, созданной по постановлению Редкомитета от 1 ноября 1939 г. Обсуждение XI тома (композиция, датировка, заглавия текстов) (продолжение)	С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский	РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 25. Л. 47–48 (<i>протокол</i>)

33.	20 октября 1943 <i>Москва</i>	Заседание Комиссии по редактированию Полного собрания сочинений Пушкина • Сообщение В. Д. Бонч-Бруевича о состоянии издания • Обсуждение Резолюции Президиума АН СССР по поводу сроков издания ПСС Пушкина • Обсуждение реэвакуации рукописей Пушкина в Москву	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер- Цявловская, Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский	РО ИРЛИ. Ф. 373 (протокол)
34.	3 февраля 1944 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина • Сообщение В. Д. Бонч-Бруевича о печатании всех томов АПСС в Ленинграде в связи с его освобождением • Обсуждение плана работ на 1944 год • Обсуждение работ над XI (критическая проза) и XVII (рисунки) томами	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер- Цявловская, И. Н. Медведева- Томашевская, А. Л. Слонимский, К. Б. Сурикова (секретарь), Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский	РО ИРЛИ. Ф. 373 (протокол)
35.	2 июня 1945 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина • Сообщение И. А. Мартынова о работе над АПСС в связи с распоряжением ЦК ВКП(б) • Обсуждение работ по конкретным томам издания; планирование работ на 1946 год	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), И. А. Мартынов (директор Издательства АН СССР), Лихтенштейн, М. Д. Беляев, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер- Цявловская, И. Н. Медведева- Томашевская, К. Б. Сурикова (секретарь), Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский	РО ИРЛИ. Ф. 373 (протокол)

36.	9 октября 1945 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Обсуждение письма директора Издательства АН СССР И. А. Мартынова. В. Д. Бонч-Бруевич декларирует невозможность внешнего вмешательства в редактирование томов АПСС, которое находится в ведении Редкомитета - Обсуждение работы над XI томом	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер-Цявловская, А. И. Корчагин, К. Б. Сурикова (секретарь), М. А. Цявловский	РО ИРЛИ. Ф. 373 (протокол)
37.	30 октября 1946 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Сообщение В. Д. Бонч-Бруевича о заседании у акад. И. И. Мещанинова 26 октября 1946 года в связи с подачей Издательством АН СССР неверных сведений о состоянии АПСС Президенту Академии наук - Обсуждение работ по конкретным томам издания; утверждение графика сдачи томов в Издательство АН СССР	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), М. Д. Беляев, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер-Цявловская, К. Б. Сурикова (секретарь)	РО ИРЛИ. Ф. 373 (протокол)
38.	4 декабря 1946 <i>Москва</i>	Заседание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина - Сообщение Т. Г. Зенгер-Цявловской о работе над XVII томом (рисунки) (проведена ревизия фотоматериалов) - Организационные вопросы (отказ Б. В. Томашевского редактировать XI том, отчет Л. А. Катанской о работе над XVIII томом и др.) - Обсуждение содержания XII тома	В. Д. Бонч-Бруевич (предс.), М. Д. Беляев, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Т. Г. Зенгер-Цявловская, К. Б. Сурикова (секретарь), М. А. Цявловский	РО ИРЛИ. Ф. 373 (протокол)
39.	28 января 1948	Совещание Редакционного комитета академического издания Полного собрания сочинений Пушкина совместно с дирекцией Издательства АН СССР - Обсуждение корректуры второй книги II тома - Обсуждение указателя к V тому	А. М. Деборин, В. Д. Бонч-Бруевич, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский, Т. Г. Зенгер-Цявловская, А. И. Назаров, Брусиловский, Лихтенштейн, Эстров, Корчагин	НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 117. № 23 (протокол)

Приложение 2. Докладная записка В. Д. Бонч-Бруевича С. И. Вавилову об академическом издании Полного собрания сочинений Пушкина

Тексты докладной записки и сопроводительного письма воспроизводятся по черновикам документов, отправленных в Президиум АН СССР 3 ноября 1946 года, из фонда Редакции АПСС (РО ИРЛИ. Ф. 373). Подлинники документов обнаружить пока не удалось. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

I.⁵⁵⁶

3 ноября 1946 г.

Академику И. И. Мещанинову⁵⁵⁷

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

При сем посылаю Вам мою докладную записку на имя Президента Академии наук академика С. И. Вавилова⁵⁵⁸. В записке этой я изложил все обстоятельства дела издания собрания сочинений А. С. Пушкина и документально показал неверность всех тех сведений, которые были сообщены Президенту⁵⁵⁹.

Зав. ред<акцией> Пушкина В. Б<онч>-Б<руевич>

⁵⁵⁶ Автограф. Обнаружен в одной из пачек с копиями исходящих писем.

⁵⁵⁷ Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) — языковед, археолог; академик АН СССР (1932). В 1937–1950 гг. был академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР.

⁵⁵⁸ Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) — физик; академик (1932) и президент (1945–1951) АН СССР.

⁵⁵⁹ Во второй половине октября 1946 г. Издательство АН СССР подало Президенту Академии наук сведения о состоянии работ по академическому изданию ПСС Пушкина, «причем всю вину невыхода в свет остающихся томов и<здательст>во переложило на редакторов издания» (РО ИРЛИ. Ф. 373. Протокол № 6 Заседания Редакционного комитета АПСС). 26 октября 1946 г. состоялось заседание у академика-секретаря ОЛЯ АН СССР И. И. Мещанинова, на котором В. Д. Бонч-Бруевич представил документы из архива Редакции, опровергающие обвинения Издательства. По совету Мещанинова Бонч-Бруевич подготовил докладную записку на имя Президента Академии наук С. И. Вавилова, текст которой приводится далее.

<начато 27 октября 1946 г.>

Президенту Всесоюзной Академии наук

Академику С. И. Вавилову

заместителя председателя Редакционного комитета

и заведующего редакцией

Полного собрания сочинений А. С. Пушкина

Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича

Докладная записка

Перед войной, еще в 1939–1941 гг., Редакция Полного собрания сочинений А. С. Пушкина сдала все тома в Издательство Академии наук, кроме алфавитных указателей, которые могут быть составлены только после выхода всех томов и тома «Рисунки Пушкина», который до войны был начат работой. Он должен был выйти в свет как приложение к Полному собранию после выхода всего собрания. Этот том не входит в подписное издание⁵⁶¹ и будет печататься особым тиражом.

Когда началась эвакуация, то все рукописи, корректура и прочие рабочие материалы всех томов, к этому времени находившиеся в редакции, были направлены в Издательство АН, которое должно было их сохранить, конечно, собрав и то, что находилось у корректоров, вычитывальщиков, в типографиях и пр., а также у редакторов, живших в то время в Ленинграде. Я лично в начале июля 1941 г. говорил тогда обо всем этом с руководящими лицами в Издательстве и мне

⁵⁶⁰ Текст докладной записки сохранился в двух вариантах: 1) черновой автограф на отдельных карточках рукой В. Д. Бонч-Бруевича (карточки были рассредоточены между разными папками с делопроизводственными документами) и 2) машинопись с правкой рукой В. Д. Бонч-Бруевича. Представленный вариант докладной записки реконструирован путем взаимного заполнения лакун обоих источников.

⁵⁶¹ Академическое издание распространялось по подписке. Л. Л. Домгер связывает довоенное снижение тиража каждого тома (с 35 тысяч экземпляров в 1937 году до 27 тысяч экземпляров в 1940 году) с результатами сталинских репрессий, коснувшихся прежде всего интеллигенции — основной аудитории подписчиков академического ПСС.

было обещано, что именно так все и будет сделано. Меня твердо уверили, что все эти материалы будут эвакуированы в полном порядке, и что ни о чем беспокоиться нам, Редакции, совершенно нечего. Но, на самом деле, к несчастью, совершилось как раз все наоборот.

Рукописи собраны не были; все осталось на руках третьих лиц, часть рукописей, как выяснилось после, были отправлены в Казань⁵⁶², где отчасти и затеряны. В ленинградских типографиях также все было оставлено в совершенно беспризорном состоянии. Руководители Издательства АН не выполнили самых элементарных своих обязанностей по сохранению драгоценного рукописного государственного имущества по Пушкину. Когда в сентябре 1942 г. я приступил в Москве к выяснению положения с рукописями Полного собрания сочинений Пушкина, сданным Редакцией в Издательство, то выяснил крайне печальное состояние их. Только благодаря тому, что до войны я настоял — вопреки желанию Издательства АН — все набранные тома в гранках и в листах тискать лишние экземпляры, которые раздавались мною редакторам в их собственность, удалось восстановить несколько томов совершенно исчезнувших. Точно так же удалось у редакторов отыскать некоторые не выправленные дубликаты и третьи экземпляры.

Все мы, вся Редакция, приняли самое деятельное участие в отыскании хотя бы неправленных дубликатов рукописей или наборов, чем и спасли положение, иначе, благодаря полной халатности, небрежности и паникерству Издательства во время эвакуации, все бы пришлось начинать сызнова.

Совершенно естественно, что редакторы отдельных томов пожелали при возобновлении печатания Полного собрания сочинений Пушкина после войны вновь просмотреть свои работы, так как за пять-шесть лет их лежания в портфеле Издательства накопилось много новых материалов и документов, усовершенствовался новый способ подачи «других редакций и вариантов», потребовавший пересмотра сделанной уже работы и некоторой доработки ее.

⁵⁶² В годы войны Издательство АН СССР находилось в эвакуации в Казани (см.: *Васильев В. И.* Становление и развитие издательского комплекса РАН: К 270-летию академического книгоиздания // *Вестник РАН.* 1998. Т 68. № 4. С. 352).

В это время совершенно неожиданно появился в Издательстве некий Корчагин⁵⁶³, который нам никому ранее не был известен и который выразил недовольство принципами работы, установленными Редакционным комитетом, и стал навязывать свои примитивные, давно устарелые взгляды на способ подачи вариантов и других редакций, от которых мы давно отказались⁵⁶⁴.

Это незаконное вмешательство служащего Издательства АН в редакционные дела Редакционного комитета, организованного по воле Президиума Академии наук, в свое время согласованного с директивными органами и утвержденного Правительством, — было в высшей степени изумительным, совершенно недопустимым, крайне мешавшим, тормозящим и задерживающим всю редакторскую работу специалистов высшей квалификации — пушкинистов.

Несмотря на все это, а также и на то, что один из основных редакторов собрания сочинений Пушкина В. В. Гиппиус погиб во время блокады немцами Ленинграда⁵⁶⁵, а вместе с его квартирой и всей его семьей погибли и все рабочие рукописи по Пушкину и Гоголю⁵⁶⁶, а также правленные им гранки и сверстанные

⁵⁶³ Корчагин Александр Иванович (1900–1978) — редактор, поэт-переводчик. Студент Высшего литературно-художественного института, выпускник филологического факультета МГУ. Исключен из ВКП(б) в 1925 г. Редактор собрания сочинений К. А. Тимирязева в 10 т. (М.; Л., 1937–1940), автор его биографии (М., 1943). Участник Великой Отечественной войны (ротный санитар). Многолетний сотрудник и руководитель Редакции классиков литературы Издательства АН СССР.

⁵⁶⁴ 9 октября 1945 г. на заседании Редакционного комитета АПСС Корчагин, поддерживаемый директором Издательства АН СССР И. А. Мартыновым, выступил с предложением изменить систему подачи других редакций и вариантов путем *сокращения* объемов текста, публикуемого в этом разделе. Ср.: «Промежуточный текст, если он буквально повторяет основной, <...> не облегчает изучение творческого процесса поэта, а, наоборот, затрудняет такое изучение, являясь ненужным нагромождением» и далее: «В разделе “Другие редакции и варианты” не следует воспроизводить тексты автографов или других источников не только тогда, когда такие тексты полностью совпадают с основным, но и в случаях, когда тексты очень близки друг к другу; <...> целесообразнее приводить только варианты стихов или групп стихов, относя их к основному тексту» (РО ИРЛИ. Ф. 373. Материалы к заседанию Редакционного комитета АПСС от 9 октября 1945 г.).

⁵⁶⁵ В. В. Гиппиус умер 7 февраля (по др. сведениям — 1 марта) 1942 г.

⁵⁶⁶ Значительная часть архива В. В. Гиппиуса уцелела. 13 октября 1948 г. Н. И. Мордовченко подготовил служебную записку с обоснованием целесообразности приобретения этих материалов для Рукописного отдела ИРЛИ: «В совокупности это — лаборатория ученого, которая должна быть сохранена, изучена и использована. <...> Лишь малая

листы одиннадцатого тома Пушкина, набор этого тома сохранился до сих пор. Кроме того, погибли от обстоятельств войны помощник редактора Л. Л. Домгер — убит немцами на Кавказе⁵⁶⁷; редактор тома «Пугачев» В. Л. Комарович⁵⁶⁸ и редактировавший отдельные опусы в собрании сочинений Пушкина Б. И. Коплан⁵⁶⁹, вместе со всей семьей, также погиб от голода во время блокады Ленинграда. Профессора А. И. Заозерский⁵⁷⁰ и М. Д. Приселков⁵⁷¹, помогавшие в некоторых случаях нам в работе, в это же время умерли от рака. Квартира редактора Н. В. Измайлова⁵⁷² вместе со всей семьей (кроме одной дочери) с обширной библиотекой и рукописным архивом профессора-пушкиниста была разбита немецкой бомбой и в пожаре все у него погибло вместе с рабочими рукописями и корректурами XV тома Полного собрания сочинений Пушкина. В типографии

доля его разысканий <...> отразилась в печати. Большая же часть — остается в карточках, планах и черновиках» (РО ИРЛИ. НСА. Дело ф. 47. Л. 2). Материалы были приобретены Пушкинским Домом в 1960 г. у вдовы В. В. Гиппиуса — Феодоры Ивановны Гиппиус (1893–1979) (Пост. 1960, № 74).

⁵⁶⁷ Достоверных сведений об обстоятельствах спасения и последующей эмиграции Л. Л. Домгера и его жены нет. Единственный биографический источник — машинописная копия письма Домгера (его вероятный адресат — сестра, Лидия Леопольдовна Домгер) от 29 января 1946 г., которая отложилась в архиве Б. И. Николаевского (см.: *Устинов А. Б.* Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // *Темы и вариации: Сб. ст. и мат. к 50-летию Лазаря Флейшмана.* Стэнфорд, 1994. С. 478–485). В соответствии с этим письмом Домгер вместе с женой оказались взяты в плен в августе 1942 г. в Пятигорске («Заставили служить переводчиком. <...> Отношение было хорошее» — Там же. С. 482). В марте 1943 г. супруги оказались в Берлине, где Домгер служил в «научном учреждении, занимавшемся изучением Советского Союза»; впоследствии они жили в окрестностях Праги, затем — в г. Блуденц (Австрия). В 1948 г. Домгеры переехали в Париж; спустя три года, в декабре 1951 г. они обосновались в Нью-Йорке, где Домгер стал научным сотрудником программы по изучению СССР (Там же. С. 485).

⁵⁶⁸ В. Л. Комарович умер 17 февраля 1942 г. О его смерти — по рассказам Т. Н. Крюковой и И. Н. Медведевой-Томашевской — в своих воспоминаниях написал Д. С. Лихачев (см.: *Как мы остались живы // Рукописи не горят: Рассказы. Повести. Воспоминания.* СПб., 2005. С. 455–456).

⁵⁶⁹ По данным официальной справки, Б. И. Коплан, арестованный 7 ноября 1941 г., умер в тюрьме 9 декабря 1941 г. от «острой сердечной недостаточности». По другим данным — расстрелян в декабре 1941 г. или в 1942 г.

⁵⁷⁰ А. И. Заозерский участвовал в подготовке т. 10 и 11. Умер 1 октября 1941 г.

⁵⁷¹ М. Д. Приселков был неофициальным консультантом т. 10. Умер 19 января 1941 г.

⁵⁷² Н. В. Измайлов в сентябре 1941 г. был эвакуирован в Чкалов (Оренбург), где до 1953 г. преподавал в Педагогическом институте.

«Печатный двор» Издательством была оставлена рукопись II тома (первая его часть), которую героические наборщики вместе с ответственным корректором набрали под градом нацистских бомб и артиллерийского огня этот том лирической поэзии Пушкина и там же сами почти все погибли (из 16 человек умело 14). Корректурa этого тома, прекрасно сброшюрованная, была найдена под развалинами типографии⁵⁷³. Там же был найден и набор. Вместо того, чтобы отпечатать этот том, а самую корректуру, труд этих изумительных тружеников-героев, сохранить как драгоценную реликвию трагического времени Великой Отечественной войны, Издательство не нашло ничего лучшего, как уничтожить этот набор, бросив металл в котел на переплав. Кроме того, в феврале 1946 г. смертельно заболел один из самых основных редакторов нашего издания — профессор, доктор филологических наук М. А. Цявловский. Совершенно изумительная операция, произведенная профессором-академиком хирургом С. С. Юдиным, который вырезал у него весь желудок без остатка, спасла ему жизнь⁵⁷⁴ — и он уже опять в самой трудоемкой работе по Пушкину. Все эти обстоятельства, а также и то, что один из редакторов, Б. М. Эйхенбаум, в силу личных обстоятельств — крайнего нездоровья — совершенно устранился от работ по Пушкину и уехал далеко на юг⁵⁷⁵, однако не помешали Редакционному комитету в целом выполнить все возложенные на него обязанности.

До начала войны все тома текста издания Пушкина были сданы в производство в Издательство, причем все сдавалось здесь, в Москве, и лишь один том, шестнадцатый, который находился в Ленинграде на доработке у профессора

⁵⁷³ Речь о здании Государственной типографии, возведенном в 1907–1910 гг. на Петроградской стороне. С 1936 г. типография носила имя М. Горького; в 1940 г. прошла ее реконструкция. С 1942 г. по октябрь 1944 г. типография была законсервирована.

⁵⁷⁴ «Здоровье М<стислава> А<лександровича> не поправлялось, он продолжал худеть. Выяснилось, что у него рак желудка. Хирург С. С. Юдин взялся делать операцию. Отправили его весной 1946 года в больницу Склифосовского. Операция была очень тяжелая, под местным наркозом, продолжалась более двух часов. <...> Юдин виртуозно удалил М<стиславу> А<лександровичу> две трети желудка» (Богаевская К. П. Рядом с Цявловскими // Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 23).

⁵⁷⁵ После возвращения из эвакуации в 1944 г. жил в Ленинграде. Вероятно, имеется в виду длительный летний отпуск.

Н. В. Измайлова и его соредактора Л. Л. Домгера, был сдан ими прямо в Ленинграде в Издательство Академии наук. Остался только не сданным восемнадцатый том, в который входят алфавитные указатели по всему изданию и который, само собой понятно, может быть окончен составлением после выхода последнего тома текстов Пушкина.

Семнадцатый том «Рисунки Пушкина» не входит в подписное издание, а (по просьбе Издательства) издается как особое приложение к Полному собранию сочинений, дорабатывается теперь ввиду того, что как только была объявлена война в июне 1941 г., весь архив Пушкина со всеми рукописями был эвакуирован в Томск, где в упакованном виде и пребывал до 1943 г. В этом году он прибыл в Москву и совсем недавно, наконец, нашел такое пристанище, где им можно пользоваться и работать⁵⁷⁶. Сейчас идет сверка множества негативов с подлинниками рисунков. Но и этот том, с которым Издательство совершенно не спешит, задержан Редакцией не будет, и будет сдан в сроки по договоренности с Издательством.

Как же обстоит дело с изданием собрания сочинений А. С. Пушкина на сегодняшний день?

До сего времени совершенно вышли в свет полным тиражом следующие тома: первый — лицейские стихотворения, четвертый — поэмы 1817–1824 гг., шестой — «Евгений Онегин», девятый (в двух переплетах) — «Пугачев», тринадцатый том — переписка 1815–1827 гг.

Еще три тома отпечатаны в весьма ограниченном числе экземпляров, а именно: седьмой том — драмы, восьмой том — художественная проза (в двух книгах) и четырнадцатый том — переписка 1828–1831 гг. Издательство считает, что они вышли, но это неправильно. Их надо еще допечатывать, брошюровать и переплетать, так как количество, в котором они были выпущены в свет, — столь

⁵⁷⁶ В годы войны фонды Государственного музея А. С. Пушкина были эвакуированы в Ташкент и Томск. В марте 1945 г. Музей был возвращен в Москву, однако из-за отсутствия помещения оставался в законсервированном виде. С рукописями Пушкина исследователи работали в помещениях архива Горького ИМЛИ. См.: *Краснобродько Т. И., Турчаненко В. В. Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам* // Русская литература. 2023. № 3. С. 26.

незначительно, что кроме самого малого круга лиц эти тома никуда не пошли, и подписчики их не видали. Четырнадцатый том, несколько лет уже совершенно отпечатанный, до 1946 г. был выпущен в свет в одном экземпляре, который как сугубо уникальная редкость, находился у ныне умершего Президента Академии наук — академика В. Л. Комарова⁵⁷⁷. Теперь этот «тираж» достиг десяти экземпляров, которые были Издательством розданы особо избранным лицам.

Многokrатно за все эти годы и множество раз в нынешнем году и я, и Комитет, и рабочая Комиссия нашего комитета и письменно, и устно напоминали, просили, уговаривали Издательство Академии наук выпустить в свет полным тиражом четырнадцатый том и допечатать VII и VIII, но все наши взывания оказались тщетными: Издательство Академии наук не пожелало выполнить свой долг и перед подписчиками, и перед нашей страной, и эти тома, номинально считающиеся вышедшими в свет, на самом деле лежат под спудом.

ВТОРОЙ ТОМ. Стихотворения 1817–1825 гг. Состоит из трех частей, каждая из которых должна выйти в свет в особом переплете. Редакторы М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. Был сдан в Издательство и набирался еще перед войной. Был набран героическими, в большинстве погибшими наборщиками Печатного двора. Корректурa и самый набор были идеальными. Нашли этот том корректур под развалинами типографии «Печатного двора» в 1945 г. В 1944 г. этот же том, считавшийся погибшим, после новой кропотливой работы, проделанной проф. М. А. Цявловским, по возобновлению всех примечаний, вариантов, новых редакций и пр. и после введения новых материалов, поднакопившихся за эти годы, был вновь целиком сдан 15 июня 1944 г. вторично в Издательство АН. Издательство отдало его набирать в типографию Ивана Федорова (в Ленинграде)⁵⁷⁸, где его и набрали 23 листа. Как раз в это время была найдена та корректурa в «Печатном

⁵⁷⁷ *Комаров Владимир Леонтьевич* (1869–1945) — ботаник; академик (1920), вице-президент (1930–1936) и президент (1936–1945) АН СССР.

⁵⁷⁸ До революции — типография Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг» на Звенигородской улице; после национализации — 15-я Государственная типография (с 1922 г. — имени первопечатника Ивана Федорова).

дворе», о которой я упоминал выше. Издательство почему-то решило уничтожить тот прекрасный набор, и остановилось на типографии Ивана Федорова. В это же время как раз стал тяжело болеть проф. М. А. Цявловский. Он дважды должен был бросить Москву и по бюллетеню врачей академической поликлиники уезжать в санаторий на серьезное и продолжительное лечение (каждый раз более 2-х месяцев). В силу этого крайне печального обстоятельства, а также и потому, что Издательство, несмотря на многократные указания, довольно долго не высылало оригиналов первой партии гранок, которые были присланы лишь при второй партии, — корректура гранок на этот раз была проф. М. А. Цявловским задержана лишнее время. Но он, преодолевая себя, имея категорическое запрещение от врачей усидчиво заниматься, все-таки сам прочел обе партии гранок, что составляло 23 печатных листа, сделал все исправления и дополнения. Все гранки 14 апреля 1945 г. проф. Цявловским были сданы в Издательство. Верстка этих гранок была получена из Издательства 27 июня 1945 г., т. е. через два с половиной месяца. Вся вновь прочитанная эта корректура, сверенная вновь по подлинникам Пушкина, была отослана проф. Цявловским в Издательство 2 августа 1945 г., т. е. через месяц и пять дней, что нельзя не признать очень быстрым чтением авторской корректуры сильно больным редактором этого тома.

Вторая половина этого тома, т. е. дальнейшие листы после 23-го, — сильно задержалась в Издательстве. Только 16 сентября 1946 г. эта вторая половина набора была прислана из Издательства на квартиру проф. Цявловского, т. е. через год и три месяца после присылки первых 23 листов были получены еще с 24 по 37 лл., т. е. всего-навсего 13 лл. Другими словами, Издательство в среднем в течение месяца обеспечило набор менее одного печатного листа! Такие темпы никуда не годятся. Они просто позорны для всякого издательства, а для Издательства Академии наук тем паче. Сейчас эти листы находятся у проф. М. А. Цявловского, который очень скоро сдаст их в производство.

Вторая и третья часть книги второго тома с 15 июня 1944 г. находятся без всякого движения в Издательстве, т. е. вот уже более двух лет эта вторично

проделанная гигантская работа сдана проф. М. А. Цявловским в Издательство, и она там находится такой огромный срок без движения!

Нам говорят, что будто бы набор этот в типографии Ивана Федорова предполагают опять рассыпать, ибо темпы этой типографии не удовлетворяют Издательство Академии наук. И это будет ужасно! Если Издательство будет заниматься набором, чтением корректуры, потом уничтожением сделанного набора, и опять все вновь набирать, то ясно, что никогда Пушкин не будет издан.

Таким образом, из всего этого видно, что утверждение Издательства, Вам сообщенное, что т. II, ч. I не выходит потому, что «долго находилась в редакции», не соответствует действительности.

ТРЕТИЙ ТОМ. Стихотворения 1826–1836 гг. (1-я и 2-я книги) и сказки (3-я книга). Редакционно том был готов и сдан в Издательство еще до войны. Ввиду накопившихся за это время новых материалов решено было вновь просмотреть и дополнить, прежде чем сдавать том в набор.

8 сентября 1945 г. сдана в Издательство машинопись основного текста третьего тома. 20 октября 1945 г. сдана в Издательство в том же виде вторая часть 1-й книги («Другие редакции и варианты»). 16 и 20 февраля 1946 г. получены редактором М. А. Цявловским гранки всех текстов 1-й книги третьего тома. Несмотря на страшную болезнь, проф. Цявловский 29 апреля 1946 г., т. е. всего через два месяца, сдал все гранки этого большого фолианта, тщательно им и Т. Г. Зенгер вычитанного. Через пять месяцев после этого, а именно 16 сентября 1946 г., получена верстка 1-й книги третьего тома, которую 24 октября с. г. проф. М. А. Цявловский сдал обратно в Издательство, все выправив и подписав ее на сверку, затратив на это минимальное время в один месяц и 8 дней. К сожалению, эта первая книга третьего тома технически набрана совершенно безграмотно, ниже всякой критики, что абсолютно недопустимо. Прежде всего, она набрана на линоTYPE, что совершенно недопустимо для такого сложного набора. Конечно, она должна была набираться ручным набором. Теперь придется вновь переливать огромное количество строк и, конечно, появятся новые недопустимые ошибки, а стало быть, опять надо будет все читать вновь тому же проф. М. А. Цявловскому, и

тратить на это огромное количество времени. Кроме того, чей-то карандаш — очевидно в Издательстве! — осмелился пройтись по рукописи, утвержденной к печати Редакционным комитетом, и сделал ряд грубейших ошибок, которые пришлось исправлять в корректуре. Еще неизвестно, но поговаривают в Издательстве, что придется опять рассыпать и этот набор — до такой степени он отвратителен.

Вторая и третья книги третьего тома сейчас находятся у проф. М. А. Цявловского, который пожелал после своей болезни еще раз просмотреть рукопись перед набором, чтобы еще более усовершенствовать подачу крайне сложного отдела «Другие редакции и варианты», который является замечательным новаторством в литературоведении, и уже заслуженно приобрел в западно-европейской научной печати не только полное одобрение, но и название «русской системы» исследования литературных текстов.

Рукописи этих обеих книг третьего тома могут быть представлены Издательству в любой день, так как по существу они совершенно готовы к печати, и лишь еще раз просматриваются проф. М. А. Цявловским, чтобы отточить и усовершенствовать этот отдел. Издательству это прекрасно известно. Оно не берет эти рукописи очевидно потому, что и с первой книгой третьего тома никак не может справиться. Вторая и третья книги этого же тома должны идти в той же типографии тем же шрифтом вслед за окончанием первой книги, а этого окончания еще совсем не видно. Сообщение Вам Издательством, что «том III, кн. I, 39 п. л. в верстке с 28 августа находится в редакции» — совершенно неверно. Прежде всего эти листы прибыли к проф. М. А. Цявловскому лишь 16 сентября 1946 г., а не 28 августа, как говорит Издательство. По тщательному расследованию этого инцидента оказалось, что с 28 августа по 16 сентября эти корректуры находились не у проф. Цявловского и не у меня в редакции, а, как ответственно заявил на нашем заседании 26 октября с. г. зам. директора Издательства Академии наук т. Лихтенштейн⁵⁷⁹, — все эти листы первой книги третьего тома находились с 28 августа по 16 сентября у них в

⁵⁷⁹ *Лихтенштейн Ефим Семенович* (1908–1987) — книговед и издательский работник; главный редактор Издательства АН СССР (1945–1962).

редакции, в редакции Издательства, а не у нас. Так что сообщенное Вам к нам, к действительной Редакции полного собрания сочинений А. С. Пушкина, никакого отношения не имеет. Вот что значит иметь ни к чему не нужную двухэтапную редакцию, как это — к несчастью! — укоренилось в Академии наук. Этот лишний бюрократический нарос только путает дело, как отчетливо видно в этом случае. Наша редакция сдала и эту работу по Пушкину в минимальный срок, точно выполнив все взятые на себя обязательства.

ПЯТЫЙ ТОМ. Поэмы 1825–1836 гг. Редактор проф. С. М. Бонди, основоположник всей новой «русской» системы подачи текстов и «других редакций и вариантов».

Про этот том в поданной Вам справке кратко сказано: «У Бонди в рукописи». Это сушая неправда. На самом деле этот том, после всяческого просмотра, улучшения способа подачи «других редакций и вариантов», введения новых, накопившихся за военное время исследовательских сведений и материалов, был окончательно сдан нашей редакцией в набор еще 27 октября 1945 г., т. е. ровно год тому назад.

Вычитывальщик Издательства, как это всегда бывает, нашел корректурные ошибки, сомнительные знаки препинания и пр. т. п. мелочи, которые всегда выправляются в корректурах, тем более что корректуры Пушкина у нас читают сами редакторы по подлинникам или по фотографическим снимкам рукописей.

На мой запрос проф. С. М. Бонди, редактор этого тома, ответил⁵⁸⁰:

«В ответ на Ваш запрос о судьбе V тома Пушкина — мною сдан в Издательство уже давно (не помню точно срока).

Рукопись тома была уже вычитана в Издательстве.

Все сомнения вычитчика были разъяснены мною, уточнены и согласованы. Осталось некоторое количество мелочей (уточнение отдельных букв, порядок вариантов и т. п.), которые нужно выяснить по рукописям Пушкина (или по снимкам)».

⁵⁸⁰ Вложено письмо С. М. Бонди от 26 октября 1946 г. с пометой В. Д. Бонч-Бруевича «к стр. 10-й».

Издательство, очевидно не имея возможности куда-либо сдать в набор этот том, всячески затягивает его сдачу. Редакция не единожды требовала сдать этот том в набор, но Издательство упорно занимается никому не нужными корректорскими мелочами, а вот в набор этот том все не сдает. Е. С. Лихтенштейн обещал на этом последнем нашем заседании (27 октября с. г.) положить конец этому нудному безделию.

ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМ. Критическая проза. Редакторы В. В. Гиппиус и Б. М. Эйхенбаум. Этот том давным-давно, еще в 1939 г., сдан редакцией в издательство для набора. Был набран и к моменту войны находился в листах (самый текст), а в гранках были другие редакции и варианты. Они находились у редактора этого тома В. В. Гиппиуса, жившего в Ленинграде. Издательство не выполнило в 1941 г. после возникновения войны взятое на себя обязательство собрать все рукописи, гранки, листы в одно сохранное место, где бы их целостность была бы обеспечена от бомб немецкой авиации. Бросив все на произвол судьбы и двинувшись с своих ответственных постов в паническую эвакуацию, оно бросило так же и все работы по Пушкину, сданные издательству редакцией и находившиеся на руках редакторов и в типографиях.

В силу этих обстоятельств при гибели от голода редактора В. В. Гиппиуса, вслед за ним погибла и его квартира, а в ней и его библиотека и архив, и рукописи, и корректуры. Погиб у него и после его смерти и весь рабочий материал по XI тому Пушкина, также как и по Гоголю, ответственным редактором которого в академическом издании он был.

«Мертвые сраму не имут» — честно погибшие от руки фашистского врага. Но живым деятелям издательства Академии наук стыдно было благополучно сидеть в г. Казани и не озаботиться о сохранении этого бесценного национально-культурного имущества. Неправду доложили Вам об одиннадцатом томе сочинений А. С. Пушкина, когда в справке написано: «XI том поступает в переделку».

Замдиректора издательства АН СССР Е. С. Лихтенштейн в письме ко мне от 27 августа сего года пишет: «Одновременно прошу всемерно ускорить редакторскую правку XI тома с тем, чтобы можно было использовать часть набора

этого тома, также сохранившуюся в той же типографии». Так что, как видите, том находился и находится у них в издательстве, он уже набран. Дело идет о редакторской правке, которая могла быть осуществлена лишь по представлению издательством рукописи, с которой они сделали набор, а также правленных гранок, по которым они верстали этот XI том. Ни того, ни другого до сего времени издательство нам не предоставило, так что и править не по чем. Таким образом XI том ни в какую «переделку» ни к кому не поступал и не поступит. Издательство все время надеялось найти и рукопись, и гранки, и только 26 октября с. г. на заседании в Литературном отделении Академии наук⁵⁸¹ Е. С. Лихтенштейн окончательно заявил, что все надежды на отыскание рукописи и корректур XI тома исчезли, их более нет. Теперь нам придется составить новую редакторскую бригаду этого крайне сложного и ответственного тома, чтобы дополнить все то, что поручалось комитетом ныне умершему редактору В. В. Гиппиусу, и что он должен был сделать в гранках, а также все корректуры проверить по подлинным рукописям, ввести все новое, что накопилось за эти семь лет по вопросам XI тома, и сделать комментарии и определить другие редакции, так как все это в издательстве исчезло.

Рабочая комиссия, предвидя печальный финал всех этих бесплодных и несвоевременных поисков Издательства (все это надо было собрать в первые дни войны), уже наметила новых редакторов и план всей работы, которая и будет закреплена 30 октября с. г. на собрании рабочей комиссии Редакционного комитета по собранию сочинений А. С. Пушкина.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ⁵⁸². Автобиографическая проза и др. материалы. Редакторы профессор М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. В этот том, помимо автобиографической прозы Пушкина, входят все иные материалы, не вошедшие в другие тома по своей тематике и сосредоточенные здесь по признаку написания их

⁵⁸¹ Речь о заседании 26 октября 1946 г. у академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинова.

⁵⁸² История подготовки т. 12 АПСС изучена Т. И. Краснобородько в статье «“Нетворческие” тексты А. С. Пушкина: проблемы издания (по материалам архива Редакции академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина)» (см.: Русская литература. 1989. № 1. С. 145–152).

«рукою Пушкина». Том давно, еще до войны готов и сдан был в издательство. По общему решению, принятому редакцией после реэвакуации редакторов и сотрудников по редактированию сочинений Пушкина о новом просмотре томов перед сдачей их в набор, двенадцатый том был вновь сдан в издательство проф. М. А. Цявловским еще 2 июня 1945 г., т. е. ровно год и четыре месяца тому назад.

Вместо того, чтобы этот весьма легкий для набора том отдать в набор, издательство взяло на себя совершенно не подходящую ему роль рецензента этого тома, и стало стараться на Пушкине экономить бумагу, предложив сократить этот том писаний А. С. Пушкина. Так как деятели издательства Академии наук никакого отношения к Редакционному комитету собрания сочинений А. С. Пушкина не имеют, то совершенно естественно, что это предложение не могло ничего иного вызвать среди членов Редакционного комитета как удивление, что люди эти садятся не в свои сани и не делают то техническое дело, которое является единственным им порученным по отношению к изданию сочинений Пушкина, и столь охотно берутся не за свое дело. Об этом Издательству было своевременно мною сообщено и письменно, и устно. Они не вняли доброму совету и продолжали интриговать дальше, бессмысленно отнимая у редакторов сочинений Пушкина драгоценное время, которого у всех нас и так мало. Нам пришлось ходить на разные совершенно излишние заседания, писать письма, бесконечно разговаривать по телефону и пр. Все это крайне дурно, расхолаживающее повлияло на редакторов, и без того крайне перегруженных работой по Пушкину, которая была вызвана особой щепетильной добросовестностью редакторов-пушкинистов. Формально они могли бы остановиться на той степени достижения совершенства редактирования пушкинских текстов, которая была ими достигнута еще до войны, когда, повторяю, все тома собрания сочинений А. С. Пушкина были сданы в Издательство, — и на этом успокоиться. Они, как известно, так не сделали, и после реэвакуации вновь тщательно просмотрели все то, что еще не было готово к выпуску в свет, введя и новые материалы, и новые расшифровки рукописей, и новые открытия при тщательном исследовании, и новые высшие способы подачи труднейшей, крайне трудоемкой части издания сочинений Пушкина — так называемых «других

редакций и вариантов» сочинений Пушкина. Причем я не могу не отметить здесь, что вся эта работа редакторов, так же как и чтение многократных редакторских корректур, производилась и производится ими до сих пор совершенно бесплатно, а издательство никак не может умудриться найти способ добросовестной оплаты этого невероятного, ответственного и тяжелого труда редакторов-фанатиков-пушкинистов, которые действительно вот уже десять лет работают не ради ничтожных материальных благ, а ради прославления святой памяти великого гения нашей земли, нашего отечества, Александра Сергеевича Пушкина. Издательству же Академии Наук должно быть стыдно такое скряжничество и неуважение к высококвалифицированному, исключительному по трудности, кропотливому труду ученых исследователей пушкинистов, отдавшим все лучшие годы своей жизни работам над сочинениями Пушкина.

Назойливость со стороны Издательства в деле, не подлежащем их ведению, по отношению XII тома собрания сочинений А. С. Пушкина, вызвала, наконец, решительный протест со стороны главнейших редакторов собрания сочинений Пушкина, который они выразили в нижеследующем заявлении на мое имя от 27 мая 1946 года⁵⁸³:

«Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Нижеподписавшиеся члены Редакционного Комитета собрания сочинений Пушкина выражают свое крайнее удивление по поводу полученных М. А. Цявловским предложений о сокращении рукописи XII тома. Совершенно независимо от того, приемлемы или неприемлемы эти предложения, они, по нашему твердому убеждению, прежде всего должны были быть адресованы Редакционному комитету, который, в случае надобности, мог бы их обсудить и вынести по ним то или иное решение. Редакторы сочинений Пушкина в академическом издании — не механические исполнители каких-либо предписаний, а научные работники, работа которых имеет исследовательский характер. Поэтому без личного участия в обсуждении вопросов такого рода редакторы не могут считать авторитетными никакие решения в этой области и тем более принимать их к исполнению.

27.V.46

М. Цявловский, С. Бонди,
Д. Благой, Г. Винокур»

⁵⁸³ Вложена машинописная копия заявления от 27 мая 1946 г.

Должен сообщить Вам, что еще в 1936 г., когда я был приглашен директивными органами заведовать редакцией академического собрания сочинений А. С. Пушкина и быть заместителем председателя Редакционного комитета этого собрания сочинений, то, приступая к работе, я имел длительную беседу с председателем Совнаркома того времени В. М. Молотовым, который указал мне, что желательно не обременять это академическое издание подробными сообщениями и статьями по поводу того или другого произведения А. С. Пушкина, — все это можно и должно издать после отдельно, прибавил он, — но зато все написанное рукою Пушкина, как бы это мало ни было, должно обязательно войти в свое место в это действительно полное академическое издание. Найдете два слова, — прибавил он, — написанные Пушкиным, — напечатайте и их. Можете объяснить, к чему они, — объясните. Нет — так и оставьте, придет время — другие объяснят⁵⁸⁴. Издание это юбилейное, и должно быть действительно академически полным. Я не мог не порадоваться этим широким взглядам на академические издания наших классиков, которые вполне соответствовали научным требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям, совершающимся раз в столетие и притом раз и навсегда. Такое действительно полное, не только научное, но ученое издание сочинений и всех писаний мирового классика всегда является неисчерпаемым источником для будущих всевозможных массовых изданий, а также для критического изучения писаний великого поэта-прозаика, историка и критика для новых и новых научных разысканий. Дело это после академического издания значительно облегчится для будущих поколений, так как все, находившееся в рассеянии рукописное наследство, здесь переведено на бумагу, отпечатано и, стало быть, тем самым приближено к массовому исследованию специалистов. Они не должны уже будут идти в архивы для нового изучения всего написанного, а также

⁵⁸⁴ Ср.: «Действительно, то, что непонятно современным исследователям, лучше опубликовать, честно признавшись в этом, чем “скрыть” от читателя. Ведь мы не сможем знать, в каком объеме следующие поколения ученых востребуют подобные “отрывки” — может быть, им дано будет счастье осмыслить их» (*Краснобородько Т. И.* «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: проблемы издания. С. 152).

не надо им будет рыскать по всему свету, добиваясь рассмотрения рукописей и редчайших, почти исчезнувших изданий нашего великого гения: все это будет сведено раз и навсегда в нашем академическом издании.

На нашем собрании я услышал, что будто бы Вам было сообщено издательством, что «XII том забракован». Это опять ложное сведение. Никакой «браковке» этот том не подвергался. Наоборот, он давно утвержден Редакционным комитетом к печати. Издательству же никем не дано право что-либо «браковать» в редакционной части. Разговоры, поднятые внутри комитета о сокращении этого тома, будут обсуждены на ближайшем общем собрании рабочей комиссии Редакционного комитета. Я лично не вижу ни причин, ни нужды в таком пустяшном сокращении, принимая во внимание, что Академия наук издает действительно полное первое юбилейное издание собрания сочинений А. С. Пушкина.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ. Переписка.

Весь том целиком и полностью вместе с комментариями и алфавитным указателем был набран до войны и тогда же подписан в листах к печати. Неоднократно я делал предложение Издательству отыскать этот набор и весь рабочий оригинал, гранки и подписанные листы и, наконец, я получил 27 августа с. г. от зам. директора Издательства АН СССР Е. С. Лихтенштейна нижеследующее уведомление⁵⁸⁵:

«Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

На Ваше письмо от 1 августа с. г., адресованное тов. Н. Е. Брусиловскому, сообщаю, что в нашей 1-й типографии (по справкам, наведенным Производственным управлением издательства) никаких рабочих корректур XV тома не сохранилось. Имеется лишь большая часть сверстанного набора этого тома, а именно листы 7–21, точнее — стр. 97–332, за исключением страниц 209–216 (1-й полулист 14-го листа) и 273–280 (1-й полулист 18-го листа).

Направляю Вам на просмотр и для передачи общему редактору тома Д. Д. Благому оттиск с названной части набора. Сопоставив этот оттиск с версткой XV тома, полученной

⁵⁸⁵ Вложена машинописная копия письма Е. С. Лихтенштейна к В. Д. Бонч-Бруевичу от 27 августа 1946 г.

от Вас, Д. Д. Благой, по-видимому, решит, как может быть практически использована сохранившаяся часть набора, и определит, сколько времени потребуется для надлежащей редакторской корректуры всего тома.

Понятно, что вся необходимая работа над направленной версткой XV тома должна быть проделана по возможности в кратчайший срок, так как издательству трудно будет сохранить имеющийся набор в течение длительного времени.

Одновременно прошу всемерно ускорить редакторскую правку XI тома с тем, чтобы можно было использовать часть набора этого тома, также сохранившуюся в той же типографии.

Зам. директора

Издательства АН СССР

Е. С. Лихтенштейн»

Из этого письма ясно видно, что этот том редакцией давным-давно, еще до войны, был сдан в Издательство, над ним была произведена огромная работа корректирования в гранках и в листах — и все это теперь пропало лишь потому, что Издательство вовремя не приняло никаких мер к сохранению этих ценнейших манускриптов и подписанных к печати листов. Я не знаю, кто в Издательстве персонально ответственен за эту преступную халатность, граничащую с прямым вредительством, но кто-то же был ответственен за эвакуацию всего этого важнейшего материала и драгоценного государственного литературного имущества.

В известной справке Вам сообщали: «Редакция не сдавала XV, XVI, XVII и XVIII тома». Вы уже видите, что по отношению к XV тому это является чистой ложью: том сдан был в Издательство еще до войны, весь набран, подписан редакцией к печати и весь растерян в последующее время ввиду крайней беспечности и халатности ответственных лиц Издательства. В настоящее время, когда только что выяснилось, что Издательство отказывается представить в Редакцию подписанные листы, и ввиду того что Издательство совершенно потеряло рукопись к этому тому писем, придется создать новую коллегия для этого тома и проделать всю работу сызнова, оформив ее особыми договорами в Издательстве.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ. Переписка 1835–1837 гг. Редакторы Н. В. Измайлов и Л. Л. Домгер. Этот том переписки был сдан в Издательство в Ленинграде ввиду того что редакторы жили в то время в Ленинграде, заканчивали там последние выправки рукописи согласно замечаниям Редакторского комитета и когда кончили, то, по моему указанию, сдали всю готовую и подписанную мною к печати рукопись XVI тома. Эта рукопись должна была со дня на день пойти в набор. Издательство не находит ее у себя и заявляет, что оно ее не получало, что неверно. Я распорядился поднять весь старый архив, который сохранился, и найти подтверждающий документ. Члены Редакторского комитета, отлично помнящие эту передачу, лично подтвердили это чрезвычайно важное обстоятельство на собрании 27 октября с. г. и удостоверили, что передачи XVI тома в свое время еще до войны были редакцией произведены.

Только сию минуту отыскано в довоенном архиве нашей Редакции, к счастью, сохранившемся в Гослитмузее, куда я поместил его перед эвакуацией, и который теперь находится у меня на квартире, следующее письмо⁵⁸⁶.

«Действительно, в декабре 1938 г. Президиумом АН было вынесено постановление об издании в 1939 году собр<ания> соч<инений> А. С. Пушкина, но бумаги на это издание мы в 1939 г. еще не получали.

Все меры, которые принимаются по этому делу, Вам, конечно, хорошо известны, как известно и то, что из 25 книг собр<ания> соч<инений> Пушкина вышли полным тиражом лишь 4 книги (I, IV, VI и XIII), неполным тиражом тоже 4 книги (X, VII, VIII и IX), набрано и находится в разных стадиях производства 6 книг (VIII₂, IX₂, XI₁, XI₂, XIV и XV), сданы в издательство, но еще не набраны 6 книг (V, XII₁, XII₂, XVI, III₁ и III₂), и не представлены 5 книг (II₁, II₂, XVII, XVIII₁ и XVIII₂).

При таком положении — когда 4 книги нужно будет допечатывать до полного тиража и по 6 книгам уже набранным продолжать все производственные процессы, чтобы при тяжелом положении с бумагой иметь возможность довести их лишь до матриц, — мы не решаемся приступать к набору еще каких-либо томов, так как в противном случае мы лишь

⁵⁸⁶ Вложена машинописная копия письма директора Издательства АН СССР Т. П. Самсонова к В. Д. Бонч-Бруевичу от 13 апреля 1939 г.

осложним финансовое положение издательства, сократим оборот металла в типографии (которого нам не хватает), и все это без ощутимой пользы для дела.

Если у Вас имеются мотивированные возражения, просим их нам сообщить.

Директор

Издательства АН СССР

Самсонов⁵⁸⁷»

Как видите, здесь имеется четкое уведомление, что XVI-й том находился, своевременно нами сданный, в Издательстве еще в апреле 1939 г., и он лишь ждал своей очереди, чтобы поступить в набор. Ясно, что Издательство и его затеряло и теперь упорно заявляет, что ему его не сдавали! Вот что значит иметь неправильно организованное издательское дело, которое всегда сложно и которое требует и хороших знаний самого дела, и хороших организаторских способностей у руководителей его, чем Издательство Академии наук отнюдь похвастаться не может.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ. Рисунки Пушкина. Редакторы М. Д. Беляев и Т. Г. Зенгер.

Этот замечательный том, впервые публикующий все рисунки поэта, не входит в собрание сочинений, на которое Издательством открыта подписка. Этот том дается как приложение и печатается на отдельной, другого сорта, бумаге и другим тиражом. Само Издательство неоднократно просило не торопиться с этим томом, ибо — как говорили они мне — сейчас у них нет подходящей типографской базы. Сейчас производится проверка подлинников с негативами, и я полагаю, что через несколько месяцев том будет совершенно готов и сдан в Издательство, которое вряд ли сможет, хотя теперь и обещает, отпечатать его немедленно из-за плохой техники. Во всяком случае и с этим томом задержки за Редакцией отнюдь не будет.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ. Указатели ко всему собранию сочинений. Составитель Л. А. Катанская, редактор М. А. Цявловский.

⁵⁸⁷ Самсонов Тимофей Петрович (1888–1955) — революционер, чекист, партийный работник. С 20 февраля 1938 г. по август 1939 г. — директор Издательства АН СССР.

Может быть готов (по самому своему характеру) лишь только тогда, когда будет дана последняя подписанная верстка последнего тома. Составляется все время, постепенно, с выходом каждого тома весьма ответственным, опытным и аккуратным работником Л. А. Катанской, а редактируется самым аккуратным редактором, проф., доктором филологических наук М. А. Цявловским. Никакой задержки в сдаче этого тома не будет. Само собой понятно, что ранее сдавать его и нельзя, и не нужно.

Таково положение дел с изданием Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Совершенно очевидно, что оно находится в далеко не удовлетворительном положении, и надо принимать самые экстренные меры к тому, чтобы наладить все это дело так, чтобы хотя бы к 1949 г. — году ста пятидесяти лет со дня рождения великого поэта его собрание сочинений, наконец, было бы все издано.

Естественно возникнет вопрос — что же теперь делать?

Прежде всего ответственно заверяю Вас, что со стороны Редакции не было, нет и не будет ни малейшей задержки в подаче совершенно готового материала, в прочтении гранок по рукописям, а также и сверстанных листов, подаваемых нам Издательством на подпись. Вся Редакция, весь Редакционный комитет и его рабочая комиссия воодушевлены вот уже десять лет единственным желанием как можно лучше и как можно скорее выпустить, наконец, в свет это единственное, первое действительно полное, юбилейное академическое научное и ученое собрание произведений и всех писаний великого нашего классика.

Все время за все эти десять лет, так же как и сегодня, дело стоит за Издательством, крайней его медлительностью, неповоротливостью, неорганизованностью. Плохое, если не сказать больше, техническое его оснащение, незнание типографского дела, когда вычитывальщики не могут различить шрифтов, невероятно скверный набор, медлительность в работе, отвратительная правка ответственных корректур и многое другое, — все это создает невероятно ужасное, нестерпимое положение, когда работать почти нет никакой возможности.

1) Надо прежде всего выделить ответственный технический комитет для оформления всей типографской работы по Пушкину.

2) Выбрать типографию, где есть весь нужный инструмент и шрифты, и сделать это заранее, до сдачи материалов в производство, а не после того, когда все сделано отвратительно.

3) Сложный набор текста ни в коем случае не сдавать на линотип, а лишь на ручной или на «типограф».

4) Посадить ответственных вычитывальщиков и особо ответственных, действительно знающих свое дело корректоров.

5) Обеспечить быстрый оборот набора и немедленное печатание, брошюрование и переплет, для чего все нужные материалы и бумагу запасти в достаточном количестве заблаговременно.

6) Выработать точный календарный план всех работ, принимая во внимание, что нужно еще выпустить новых пятнадцать книг-переплетов до полного окончания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина вместе с алфавитными указателями и томом рисунков.

7) Предложить прежде всего Издательству допечатать VII, VIII тома Пушкина и немедленно выпустить в свет также полным тиражом XIV том, взяв с ответственных лиц Издательства подписку с предупреждением уголовного наказания по всей строгости закона за невыполнение взятого на себя перед Президиумом Академии наук обязательства. Установить через ответственное лицо проверку исполнения этого обязательства с письменным доведением до сведения о положении вещей Президиуму Академии наук каждые две недели.

8) Немедленно отпечатать, предварительно исправив, первую книгу второго тома, которая на днях будет подписана к печати проф. М. А. Цявловским.

9) Сейчас же сдать в набор: а) вторую и третью книги второго тома; б) немедленно исправить корректуру листов первой книги третьего тома и представить ее в кратчайший срок на подпись проф. М. А. Цявловскому; в) тотчас же сдать в набор пятый том.

Если только это сейчас же проделает Издательство, то печатание собрания сочинений Пушкина, наконец, будет сдвинуто с мертвой точки. Чтобы все это осуществить, Издательству потребуется не менее полугода. За эти ближайшие месяцы Редакция вторично сдаст подписанные к печати листы первой книги второго тома, которые сейчас находятся на подписи у проф. М. А. Цявловского. Кроме того, кончаются просмотром рукописи второй и третьей книг третьего тома. На днях будет окончательно решен вопрос об объеме уже подписанного к набору двенадцатого тома, и в том или в другом виде он совсем скоро будет вторично сдан в набор. В нем исправлять нечего. Он совершенно апробирован Редакционным комитетом; разговор поднят из-за нескольких документов, которые и будут сейчас же нами рассмотрены и окончательное решение по которым будет вынесено на днях.

Одиннадцатый и пятнадцатый тома пойдут вновь в редакционную работу ввиду того что рабочие, совершенно готовые рукописи потеряны Издательством.

Шестнадцатый том, пока не найденный Издательством, они должны искать, и если не найдут, придется вновь организовывать его редакцию. Дадим им срок на розыски две недели.

Всю эту новую, вторичную редакторскую работу, которую придется нам проделывать из-за беспечности и халатности Издательства, полагаю, можно будет закончить к 31 декабря 1948 г., оставив Издательству еще год на отпечатывание этих последних томов, которые давным-давно были готовы и нами сданы в производство и растеряны Издательством.

Все это можно будет осуществить при одном обязательном условии: заключении новых договоров на эти тома по новым расценкам. Обращаю особое Ваше внимание на совершенную необходимость приравнивания самого трудного, действительно творческого раздела «Других редакций и вариантов» к авторству, т. е. к оплате гонорара как за оригинальный авторский труд, причем это приравнивание должно быть распространено на все тома, которые вышли в свет после войны, которые уже набраны и подготавливаются к набору.

Также необходимо оплачивать вторые, третьи и четвертые корректуры, которые редакторы вынуждены проделывать из-за крайне плохого набора и плохой корректорской издательской читки. Нет никакой возможности всю эту колоссальную работу взваливать бесплатно на ответственных редакторов, крайне занятых научными работами.

Вот все те объяснения по изданию Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, которые я считал нужным довести до Вашего сведения.

С искренним уважением к Вам

доктор исторических наук

<подпись В. Д. Бонч-Бруевича>

Приложение 3. Композиция томов критико-публицистической прозы, отредактированных Ю. Г. Оксманом

№ п/п	Издание	№ тома	Тексты, опубликованные при жизни Пушкина	Тексты, оставшиеся в рукописях
1.	КН	5	Критика • Статьи и заметки 1824–1829 гг. (6) • Статьи и заметки в «Литературной газете» 1830 г. ○ Из отдела «Библиография» (4) ○ Из отдела «Смеси» (8) ○ Из отдела «Библиография» 1831 г. (1) • Статьи в «Телескопе» и в «Литературных прибавлениях к Рус. Инвал.» 1831–1833 гг. (3) • Статьи в «Современнике» 1836–1837 гг. (10) • Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки (9) • Рецензии и заметки в отделе «Новые книги» (7) • Рецензии, заготовленные для «Современника» (3) История	Неизданное и черновое • Заметки о русской литературе и наброски журнальных статей • Заметки, связанные с изданием «Современника» (4) • Наброски статей для «Современника» (4) • Заметки о театре и драме (5) • Заметки о западноевропейской литературе (9) • Отрывки из писем, мысли и замечания • Филологические заметки • Исторические и социально-экономические заметки • Записи рассказов и анекдотов • Материалы по истории Петра Великого • Камчатские дела • Выписки и наброски Автобиография [Планы, наброски, заметки о собственных произведениях] Записки официального назначения (4) Приложение. Статьи из «Литературной газеты» 1830 г., приписываемые Пушкину (4)

2.	ГИХЛ 1931–1933	5 (в 2 кн.)	Кн. 1. Опубликовано и подготавливавшееся к печати - Журнальные статьи и заметки 1824–1837 гг. - Статьи и заметки в журналах 1824–1829 гг. (6) - Статьи в «Литературной газете» 1830–1831 гг. - В отделе «Библиография» (6) - В отделе «Смесь» 1830 г. (8) - В отделе «Библиография» 1831 г. (1) - Статьи и заметки в альманахе и журналах 1831–1833 гг. (5) - Статьи и заметки в «Современнике» 1836 г. - Статьи (8) - Рецензии и заметки в отделе «Новые книги» (7) - Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки (9) - Статьи и заметки, предназначавшиеся для «Современника» (10) - Исторические исследования и материалы (5)	Кн. 2. Неизданное и черновое - Литературно-критические и полемические наброски - Наброски статей для «Современника» - Исторические и социально-экономические наброски - Проекты пояснительных заметок к собственным произведениям и планы неосуществленных публикаций - Материалы записных книжек, черновые «мысли и замечания», выписки и анекдоты - Дневники и автобиографические записи - Записки официального назначения - Приложения - Критические заметки на полях книг и письма (4) - Записи (3) - Dubia (7)
3.	ГИХЛ 1934	5, 6	Т. 5. Опубликовано и подготавливавшееся к печати - Журнальные статьи и заметки 1824–1837 гг. - Статьи и заметки в журналах 1824–1829 гг. (6) - Статьи в «Литературной газете» 1830–1831 гг. - В отделе «Библиография» 1830 г. (6) - В отделе «Смесь» 1830 г. (8) - В отделе «Библиография» 1831 г. (1)	Т. 6. Неизданное и черновое - Литературно-критические и полемические наброски - Наброски статей для «Современника» - Исторические и социально-экономические наброски

			○ Статьи и заметки в альманахе и журналах 1831–1833 гг. (5) ○ Статьи и заметки в «Современнике» 1836 г. 1) Статьи (8) 2) Рецензии и заметки в отделе «Новые книги» (7) 3) Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки (9) ○ Статьи и заметки, предназначавшиеся для «Современника» (9) ● Исторические исследования и материалы (5)	● Проекты пояснительных заметок к собственным произведениям и планы неосуществленных публикаций ● Материалы записных книжек, черновые «мысли и замечания», выписки и анекдоты ● Дневники и автобиографические записи ● Записки официального назначения ● Приложения ○ Критические заметки на полях книг и письма (4) ○ Записи (3) ● Dubia (7)
4.	Academia в 9 т.	8, 9	Т. 8. Критика. История. Публицистика: (Опубликованное и подготовленное к печати) ● Журнальные статьи и заметки 1824–1837 гг. ○ Статьи и заметки 1824–1829 гг. (6) ○ Статьи в «Литературной газете» 1830–1831 гг. 1) В отделе «Библиография» (6) 2) В отделе «Смесь» (8) ○ Статьи и заметки 1831–1833 гг. (5) ○ Статьи и заметки в «Современнике» 1836 г. 1) Статьи (8) 2) Рецензии в отделе «Новые книги» (7) 3) Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки (8) ○ Статьи и заметки, предназначавшиеся для «Современника» (10)	Т. 9. Критика. История. Автобиография: (Материалы записных книжек и черновые наброски) ● Литературно-критические, исторические и полемические наброски ○ Наброски статей для «Современника» ● Материалы записных книжек, черновые «мысли и замечания», выписки и анекдоты ● Дневники и автобиографические записи ● Записки официального назначения ● Приложения ○ Критические заметки на полях книг (5) ○ Записи (1) ○ Альбомные записи (3)

			• Исторические исследования и материалы (5) • Dubia ○ Заметки в «Литературной газете» 1830 г. (7) ○ Статьи и заметки 1836 г. (2)	
5.	Academia в 6 т.	5	Критика. История. Публицистика: (Опубликованное и подготовленное к печати) • Журнальные статьи и заметки 1824–1837 гг. ○ Статьи и заметки 1824–1829 гг. (6) ○ Статьи в «Литературной газете» 1830–1831 гг. 1) В отделе «Библиография» (6) 2) В отделе «Смесь» (8) ○ Статьи и заметки 1831–1833 гг. (5) ○ Статьи и заметки в «Современнике» 1836 г. 1) Статьи (8) 2) Рецензии в отделе «Новые книги» (7) 3) Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки ○ Статьи и заметки, предназначавшиеся для «Современника» (10) • Исторические материалы (1)	Критика. История. Публицистика. Автобиография: (Неопубликованное и черновое) • Литературно-критические, исторические и полемические наброски • Материалы записных книжек, черновые мысли и замечания, выписки и анекдоты • Дневники и автобиографические записи • Записки официального назначения • Приложения ○ Критические заметки на полях книг (5) ○ Записи (1) ○ Альбомные записи (3) • Dubia ○ Заметки в «Литературной газете» 1830 г. (7) ○ Статьи и заметки 1836 г. (2)
6.	ГИХЛ 1959–1962	6	Статьи и заметки: 1824–1836 • Публикации 1824–1830 гг. (6) • Публикации в «Литературной газете» (1830–1831) (22) • Публикации 1831–1833 гг. (5) • Публикации в «Современнике» 1836 г. (25) • Статьи и заметки, предназначенные для «Современника» (14)	Незавершенное, отрывки, наброски, планы • Материалы и заметки, связанные с изданием газеты «Дневник» (<i>выделены особо</i>)

Приложение 4. План расположения текстов тома 11 (Критика и публицистика) академического издания Полного собрания сочинений Пушкина. 1938 год, июнь (?)

Источники. За основу взят план из архива В. В. Гиппиуса (РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 2. № 21. Л. 1–8), уточненный по документам из архива Б. М. Эйхенбаума (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 104 и 770). Обоснования датировок, подготовленные В. В. Гиппиусом и Б. М. Эйхенбаумом, приводятся по правленному М. А. Цявловским экземпляру из архива Б. В. Томашевского (НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 16. № 28) и в отдельных случаях дополняются уточнениями Т. Г. Цявловской (РО ИРЛИ. Ф. 373. АПСС, т. 11 (маргиналии на полях раздела «Примечания»)).

Условные обозначения. (*) отмечены редакторские заглавия, отличные от АПСС. **Полужирным** помечены тексты, не учтенные в плане 1938 года, но помещенные в АПСС.

№ п/п	Год	Название	АПСС	Обоснование датировки ⁵⁸⁸ (В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум)
<u>ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ</u> Статьи и заметки				
1.	1820	Мои замечания об русском театре	XI, 9	Январь 1820. – «Кривой безрукий инвалид»; – Водяной знак 1818 г. <i><уточнение Т. Г. Цявловской:></i> январь, 1–17

⁵⁸⁸ Отмечу тексты, датировка которых в «Пушкинской энциклопедии» существенно разнится с датировкой В. В. Гиппиуса и Б. М. Эйхенбаума (в скобках указан номер текста в данной таблице): «<О прозе>» (3), «<О причинах, замедливших ход русской словесности>» (5), «О поэзии классической и романтической» (13), «<Возражение на статьи Кюхельбекера>» (16), «<Общество московских литераторов>» (34), «<Разговор о критике>» (38), «<Баратынский>» (66), «<О железной маске>» (88), «<Предисловие к “Запискам Дуровой”>» (92).

2.	1822	<Замечания по русской истории XVIII в.>	XI, 14	1822. Беловой автограф датирован Пушкиным 2 августа 1822 г., черновой — в тетр<ади> 2365: осень 1821 г. (по положению в тетради).
3.		<О прозе>	XI, 18	1822. По положению в тетради № 2366 — лето 1822 г.
4.	1824	<Письмо к издателю «Сына Отечества»>	XI, 20	1824. <...> Написано в начале апреля 1824 г. (ср. письмо к Вяземскому)
5.		<О причинах, замедливших ход русской словесности>*	XI, 21	1824. После прочтения «Полярной Звезды на 1824 год» (январь 1824) и, вероятно, не раньше апреля 1824 (см. письмо к Вяземскому № 79). <i><уточнение Т. Г. Цявловской:></i> апрель, 5...30
6.		<Примечания к «Цыганам»>	XI, 22	
7.		<Воображаемый разговор с Александром I>	XI, 23	1824. По положению в тетр<ади> 2370 — декабрь 1824 г. (среди работы над «Б<орисом> Годуновым»; между 1-й и 2-й сценой).
8.		<Возражение на статью А. Бестужева>*	XI, 25	1825. Апрель–май. После 21 марта 1825 г. (выход «Полярной Звезды») и, вероятно, до письма к Бестужеву от мая–июня 1825 г.
9.	1825	О г-же Сталь и г-не А. М-ве*	XI, 27	1825. Датировано Пушкиным: 9 июня 1825 г.
10.		О стихотворении «Демон»	XI, 30	
11.		О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова	XI, 31	1825. Датировано Пушкиным: 12 августа <1825 г.>
12.		<Об Андре Шенье>	XI, 35	
13.		О поэзии классической и романтической	XI, 36	1825. Вторая половина 1825 г. — датировка С. М. Бонди по сопоставлению с письмами и статьями (см. «Лит. Насл.», с. 424).

14.		<О трагедии>	XI, 39	1825. Датируется приблизительно — по содержанию и по характеру бумаги.
15.	1825– 1826	<О народности в литературе>	XI, 40	1825. После 15 мая (см. в письме к Л. С. Пушкину № 137 «Талию получил»; там же — о послании Козлову, датир<ованному> 15 мая 1825 г.). <уточнение Т. Г. Цявловской:> июнь... декабрь? 1825
16.		<Возражение на статьи Кюхельбекера>*	XI, 41	1826–1827. <уточнение М. А. Цявловского:> с октября. Слова «в последние два года» (с выхода «Мнемозины» ч. 3 — т. е. с октября 1824 г.). Там же — план «Отрывков из писем». См. В. Срезневский в «Пушк. и совр.» XXXVI, с. 37–38.
17.		О народном воспитании	XI, 43	1826. 15 ноября 1826 г. — датировка Пушкина.
18.	1827	<Альманах «Северная лира»>*	XI, 48	1827. До 21 февраля 1827 г. — по цензурной дате № у «Моск. Вестника» (рецензия с подписью «--Н» — Рожалина). <уточнение М. А. Цявловского:> Крупно и широко. Первая предельная дата — ? До 15 янв., т. к. в № 2 «Моск<овского> Вестн<ика>» есть объявление о продаже «Сев<ерной> лиры».
19.		<«Стихотворения» Баратынского>*	XI, 50	1827. Август 1827 — по положению в тетр<ади> 2367. <уточнение Т. Г. Цявловской:> не ранее 25 сентября*, даже ноября (книга запоздала <нрзб>) * Билет на выпуск «Стихотворений Евгения Баратынского» выдан в Моск<овском>

				ценз<урном> комитете 21 сентября 1827 г. — ГИАМО, ф. 31, оп. 5, ед. хр. 15, л. 73.
20.		<О драмах Байрона>	XI, 51	1827. Август 1827 — по положению в тетр<ади> 2367.
21.		Отрывки из писем, мысли и замечания	XI, 52	1827. Черновые в тетр<ади> 2367 — август 1827 г. Приезд в Петербург — октябрь 1827 г.
22.		<Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»>	XI, 59	1827. Датируются по тетр<адям> 2367 и 2368 — осенью 1827 г.
23.		<Записки любителя отечественной литературы>*	XI, 62	
24.		<О Байроне и о трагедии Олина «Корсер»>*	XI, 64	1828. Февраль 1828 г. — по письму Титова к Погодину от 11 февраля 1828 г.
25.		<Письмо к издателю «Московского вестника»>	XI, 66	1828. Январь–февраль. Выход «Моск<овского> Вестн<ика>» № 1 со статьей Шевырева — ок<оло> 18 января. Письмо Титова к Погодину от 11 февраля 1828 г.
26.	1828	<Возражение на статью «Атенея»>	XI, 70	1828. Датируется выходом «Атенея» 1828 г., № 4 (ценз<урное> разр<ешение> 10 февраля 1828 г.) — март.
27.		<О поэтическом слоге>	XI, 73	1828. Ноябрь 1828 г. — по седьмой главе «Онегина» («Как описал покойных дедов» на том же листе).
28.		<«Бал» Баратынского>	XI, 74	1828. До 15 декабря (выход отд<ельного> изд<ания> «Бала» и «Гр<афа> Нулина»). Ссылка в тексте только на СЦ.
29.		<Письмо к издателям «Северных Цветов»>	XII, 182	1828. Первая половина декабря.
30.		Отрывок из литературных летописей	XI, 77	1829. Датировка Пушкина — 27 марта 1829 г.
31.	1829	<О публикациях ... в «Северной звезде»>*	XI, 82	1829. Октябрь (?) по биографич<еским> данным и положению в рукописи.

32.		<О «Ромео и Джульете» Шекспира>	XI, 83	1829. Декабрь. (СЦ на 1830 г. — ценз<урное> разр<ешение> 20 дек.). Годовая дата — по бумаге на тетр<ади> 82.
33.		<О «Некрологии генерала Н. Н. Раевского»>*	XI, 84	1829. Вторая пол<овина> декабря. Ценз<урное> разр<ешение> книги — 4 декабря 1829 г. Напечатано в «Лит. газете» от 1 января 1830 г.
34.		<Общество московских литераторов>	XI, 85	1829. Вторая пол<овина> декабря 1829 г. по положению в тетр<ади> 2382.
35.		<О переводе «Адольфа» Б. Констана>*	XI, 87	1829. Конец декабря. «Лит. газета» от 1 января 1830 г.
36.		<«Илиада» в переводе Гнедича>*	XI, 88	1830. Начало января. Напечатано в «Лит. газете» от 6 января 1830 г. В рукописи — перед письмом 7 января 1830 г.
37.		<О журнальной критике>	XI, 89	1830. Между 7 и 10 января. Напечатано в «Лит. газете» от 11 января 1830 г. В рукописи — после письма 7 января 1830 г.
38.	1830	<Разговор о критике>	XI, 90	1830. Январь между 9 и 21. После выхода «Денницы» со статьей Вяземского и до статьи о «Юрии Милославском» (положение в рукописи).
39.		<«Юрий Милославский» Загоскина>*	XI, 92	1830. До 21 января. «Лит. газета» от 21 января 1830 г.
40.		<О записках Самсона>	XI, 94	1830. До 21 января. «Лит. газета» от 21 января 1830 г.
41.		<О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина>	XI, 96	1830. До 31 января. «Лит. газета» от 31 января 1830 г.
42.		<О статьях кн. Вяземского>	XI, 97	1830. До 15 февраля (по пол<ожению> в тетр<ади> конец января – начало февраля). «Лит. газета» от 15 февраля 1830 г. <i><уточнение Т. Г. Цявловской:></i>

				[21] января – 13 февраля.
43.		<Отрывок статьи о приличии в литературе>*	XI, 98	
44.		<Объяснение по поводу заметки об «Илиаде»>	XI, 100	1830. Написано до 4 февраля (дата рассмотрения в ценз<урном> комитете). Напечатано в «Лит. газете» от 25 февраля 1830 г. <уточнение М. А. Цявловского:> После 25 января (дата выхода № 4 «Галатеи») <уточнение Т. Г. Цявловской:> Не ранее 27 января — № 4 «Галатеи» вышел в М<оскве> 24 января, шел в СПб дня 3.
45.		Детская книжка	XI, 101	1830. Февраль (начало?). В рукописи — непосредственно за письмом к Бороздину, датируемым временем между 26 января и 4 февраля 1830 г. (по содержанию). <уточнение Т. Г. Цявловской:> Не позднее 2 февраля (засед<ание> ценз<урного> комит<ета> по поводу этой заметки)
46.		«Денница» на 1830 год*	XI, 103	1830. До 5 февраля. «Лит. газета» от 5 февраля 1830 г.
47.		«Карелия» Ф. Глинки*	XI, 110	1830. До 15 февраля. «Лит. газета» от 15 февраля 1830 г.
48.		«История русского народа» Н. Полевого*	XI, 119	1830. Датируется началом января 1830 г.: напечатано в «Лит. газете» 1830 г., т. 1, № 4, 16 января. Статья вторая — февраль 1830 г. — в «Лит. газете» 1830 г. № 12, 25 февраля.
49.		<Наброски статьи третьей [об «Истории русского народа» Полевого]>*	XI, 125	1830. В конце октября–начале ноября П<ушкин> пишет из Болдина Погодину: «А то ничего не делаю; даже браниться не с кем. Дай бог здоровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешение мое». П том «Истории» вышел в августе-сентябре 1830 г.

				<i><комментарий Т. Г. Цявловской:></i> Зачем это здесь, надо ниже ⁵⁸⁹
50.		<О Записках Видока>	XI, 129	1830. Март. Написано после 11 марта 1830 г. Напечатано в «Лит. газете» от 6 апреля 1830 г.
51.		<Письмо к издателю «Литературной Газеты»>	XI, 132	1830. Апрель, после 6. После статьи «О записках Видока» 6 апреля 1830 г. (ссылка на нее). В рукописи предшествует письму 3 мая 1830 г. к Гончарову.
52.		Альманашик	XI, 133	1830. По положению в тетр<ади> 2382 — май 1830 г.
53.		<О критике как науке>*	XI, 139	1830. Сентябрь (?). Соседство с черновиками строф 25 и 26 восьмой главы «Онегина». <i><уточнение Т. Г. Цявловской:></i> Сентябрь (?), 3 (?)... 15 (?)
54.		<Наброски предисловия к «Борису Годунову»>	XI, 140	1829–1830.
55.		<Опровержение на критики>	XI, 143	1830. Сентябрь–октябрь. Написано в Болдине («в несносные часы карантинного заключения»). Помета на предисловии 2 октября 1830 г. Есть данные думать, что статья начата не с предисловия. <i><комментарий М. А. Цявловского:></i> Предисловие всегда пишут по окончании самого произведения.
56.		<Возражение критикам «Полтавы»>	XI, 164	
57.		Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений	XI, 166	1830. Октябрь. См. «Опровержение на критики». 4 ноября 1830 г. пишет Дельвигу, что написал «пропасть

⁵⁸⁹ Речь о соблюдении хронологического принципа расположения материала в томе.

				полемиических статей». Ср. письмо 5 ноября 1830 г. Вяземскому.
58.		<Об А. Мюссе>	XI, 175	1830. 24 октября — дата Пушкина. Год определяется выходом книги Мюссе — в 1829 г. и водяным знаком — 1830. Ср. в «Материалах» Анненкова: написано в Болдине.
59.		<О народной драме и о драме «Марфа Посадница»>	XI, 177	1830. Ноябрь, вторая половина. 8 ноября 1830 г. Погодин посылает Пушкину «Марфу». В ответном письме — еще из Болдина — Пушкин обещает «разобрать» ее.
60.		<Наброски статьи о русской литературе>	XI, 184	1830. Осень — по хар<акте>ру бумаги.
61.		<Заметка о «Графе Нулине»>*	XI, 188	1830 (?) Бумага, употреблявшаяся в 1830 г.
62.		Записки П. В. Н<ащокина>, им диктованные в Москве ⁵⁹⁰	XI, 189	
63.		Писатели, известные у нас под именем аристократов	XI, 193	1831. В пределах года точнее не датируется; по содержанию — начало года. Вод<яной> знак 1831; обращение к этой теме после 1831 г. маловероятно.
64.	1831	[Обозрение обзрений]	XI, 194	1831. Вод<яной> знак 1830. Бумага, употреблявшаяся в 1831 г. Предшествует черн<овому> письму от 18 января 1831 г.
65.		<О Сент-Бёве>* ⁵⁹¹	XI, 195	1831. Апрель–май. Письмо Плетневу от 11 апреля 1831 г.; отъезд Пушкина из Москвы ок<оло> 15 мая и ценз<урное> разр<ешение> «Лит. газеты» — 4 июня 1831 г.

⁵⁹⁰ Вписано позднее.

⁵⁹¹ В АПСС под заглавием: «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme».

66.		<Баратынский>	XI, 185	1831. Апрель–май (?) После выхода «Наложницы» (ценз<урное> разр<ешение> 20 марта 1831 г.) и, вероятно, до рецензии на нее в «Лит. газете» от 2 мая 1831 г. <уточнение М. А. Цявловского:> 14 мая. Три дня на доставку «Лит. газ.» в Москву.
67.		<О французской революции>	XI, 202	1831. Май–июнь. Черн<овая> редакция датирована 30 мая 1831 г. Письмо к Хитрово от июня 1831 г. Вод<яной> знак беловика — 1831.
68.		Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов	XI, 204	1831. Конец июля. После письма 21 июля 1831 г. Нащокину и до ценз<урного> разр<ешения> «Телескопа» № 13 от 2 августа 1831 г.
69.		Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем	XI, 211	1831. Начало сентября. Кусок черновика на обороте письма Плетнева от 5 сентября 1831 г. Ценз<урное> разр<ешение> «Телескопа» № 15 от 27 сентября 1831 г.
70.		<Письмо к издателю «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду»>	XI, 216	1831. После 10 сентября (Лернер, с. 466). ЛПРИ от 3 октября. <уточнение Т. Г. Цявловской:> и до 24 сент<ября>.
71.	1832	<«Путешествие к святым местам» А. Н. Муравьева>	XI, 217	1832 (?). Не раньше февраля 1832 г. Ценз<урное> разр<ешение> I-го издания книги Муравьева 2 февраля 1832 г. Рукопись не дает указаний.
72.		<О Салиери>*	XI, 218	
73.		<Начало статьи о В. Гюго>	XI, 219	1832. Датируется осенью 1832 г. на основании письма Пушкина к Погодину от сентября 1832 г. «Les Feuilles d'automne» вышли в 1831 г.

74.	1833	<О сочинениях Катенина>*	XI, 220	1833. Дата на беловом автографе — 14 марта 1833 г. В печати — 1 апреля 1833 г.
75.		Москва была освобождена...*	XI, 222	
76.	1834	<Путешествие из Москвы в Петербург [черновая редакция]>	XI, 223	1833–1834. Черновая редакция. Декабрь 1833 – март 1834. Пометы 2 и 9 декабря 1833 г.; упоминание о «Моск<овском> Телеграфе» в главе «Москва».
77.		<Путешествие из Москвы в Петербург [беловая редакция]>	XI, 243	1834–1835. Беловая редакция. Вставка в главу «Шоссе» на письме кн. Трубецкой от 3 января 1835 г.
78.		О ничтожестве литературы русской	XI, 268	1834–1835. Начало года (?) В рукописи — среди черновиков «Путешествия из Москвы в Петербург».
79.		Дельвиг	XI, 273	1834. В пределах года точнее не датируется. Водяной знак — 1833. Бумага, употреблявшаяся начиная с 1834 г. «Воспоминания о Дельвиге» на бумаге с вод<яным> зн<аком> 1834.
80.	1835	<Байрон>	XI, 275	1835. 25 июля — дата Пушкина. <комментарий М. А. Цявловского:> Датирует ли эта дата статью?
81.	1835– 1836	<«Три повести» Павлова>	XII, 9	1835–1836. Вероятно — в первой половине 1835 г. (ссылки на «Моск<овский> набл<юдатель>» 1835, ч. 1, вышедший 15 марта 1835 г.). <комментарий М. А. Цявловского:> Зачем 1836 год? Рецензию не пишут через год. Когда вышла книга? Зачем первая половина 1835 г., когда после 15 марта? Очевидно: 15 марта – начало мая 1835 г.

82.		<«Записки Чухина» Булгарина>	ХП, 10	1835–1836. Ценз<урное> разр<ешение> 2-й части «Записок» — 19 сентября 1835 г.
83.	1836	<«Недовольные» Загоскина>*	ХП, 11	1836. Февраль. В рукописи предшествует февральскому письму Вл. Соллогубу; о дате его см. А. Поляков. О смерти Пушкина. Выход в свет «Недовольных» — около 19 февраля 1836 г.
84.		Собрание сочинений Г. Конисского*	ХП, 12	1836. До 31 марта. Ценз<урное> разр<ешение> «Современника» № 1 — 31 марта 1836 г.
85.		<Послесловие к «Долине Ажитугай»>	ХП, 25	1836. До 31 марта («Совр<еменник>» № 1).
86.		<«Востола» Виланда>	ХП, 26	1836. Ценз<урное> разр<ешение> «Востолы» — 12 марта 1835 г. Ценз<урное> разр<ешение> Современника № 1 — 31 марта 1836 г.
87.		«Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя*	ХП, 27	1836. Февраль – март. Выход в свет 2-го изд. «Вечеров» — конец января (см. «Сев. пчелу» от 1 февраля 1836 г.). Ценз<урное> разр<ешение> «Современника» № 1 — 31 марта 1836 г.
88.		<О железной маске>	ХП, 28	1836. Предположительно — до мая 1836 г. (выход в свет «Телескопа» № 22 с переводом статьи Лакруа).
89.		Александр Радищев	ХП, 30	1836. Март – август. Черновая редакция датирована 3 апреля 1836 г., беловая — до 18 августа 1836 г. (первое рассмотрение в ценз<урном> комитете).
90.		Российская академия	ХП, 41	1836. До 26 апреля. 28 апреля 1836 г. статья рассмотрена в заседании цензурного комитета.
91.		Французская академия	ХП, 46	1836. До 30 июня. Ценз<урное> разр<ешение> «Современника» № 2 — 30 июня 1836 г.

92.	<Предисловие к «Запискам Дуровой»>	XII, 64	1836. Май – июнь. «Совр<еменник>» 1836, кн. 2 (ценз<урное> разр<ешение> 30 июня).
93.	«История поэзии» Шевырева	XII, 65	1836. Первая пол<овина> 1836 г. (упомянута Гоголем среди рец<ензий> № 1; гоголевская рецензия не пошла; вероятно — между выходом № 1 и сдачей № 2).
94.	Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной	XII, 67	1836. До сентября. Ценз<урное> разр<ешение> Современника № 3 — сентябрь 1836 г.
95.	Вольтер*	XII, 75	1836. До сентября. Ценз<урное> разр<ешение> Современника № 3 — сентябрь 1836 г. <комментарий М. А. Цявловского:> А после чего? Это — рец<ензия> на книгу 1836 г. Когда она вышла? Когда появилась в России? Это сузит датировку.
96.	«Фракийские элегии» Теплякова*	XII, 82	1836. Май – август. Ценз<урное> разр<ешение> части второй «Фрак<ийских> элегий» — 17 апреля 1836 г. Ценз<урное> разр<ешение> Современника № 3 — сентябрь 1836 г.
97.	<Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину>	XII, 92	1836. До 1 сентября (1 сентября 1836 г. в ценз<урном> комитете рассмотрена статья Погодина, к которой было написано примечание).
98.	Путешествие N. N. В Париж и Лондон*	XII, 93	
99.	Письмо к издателю	XII, 94	1836. Июль – август. Основная полемика о «Современнике» в мае – июне. Ценз<урное> разр<ешение> Современника № 3 — сентябрь 1836 г. Ср. редакционную заметку в № 2 (до июля) — статья к этому времени, вероятно, еще не написана.

100.	«Об обязанностях человека» Сильвио Пеллико*	ХП, 99	1836. Напеч<атано> в «Совр<еменнике>» 1836 г., кн. 3 (ценз<урное> разр<ешение> — сентябрь).
101.	«Словарь о святых»	ХП, 101	1836. Июнь – сентябрь. Напеч<атано> в «Совр<еменнике>» 1836 г., кн. 3 (ценз<урное> разр<ешение> — сентябрь). Ценз<урное> разр<ешение> книги — 13 мая 1836 г.
102.	Джон Теннер	ХП, 104	1836. Сентябрь. Напечатано в «Совр<еменнике>» 1836 г., кн. 3 (ценз<урное> разр<ешение> сентябрь 1836 г.). В библиотеке Пушкина — франц<узский> перевод, купленный им 29 августа 1836 г.
103.	Объяснение	ХП, 133	
104.	«Кавалерист-девица»	ХП, 135	1836. «Совр<еменник>» 1836 г., кн. 4, ценз<урное> разр<ешение> 11 ноября. Не позже октября 1836 г. Только с 1-й части, ценз<урное> разр<ешение> которой — 5 августа 1836 г. Сентябрь – начало ноября.
105.	«Ключ к Истории Государства Российского»	ХП, 136	1836. Октябрь – нач<ало> ноября (до 11 ноября, «Совр<еменник>» № 4). Ценз<урное> разр<ешение> «Ключа» — 20 сентября 1836 г.
106.	<О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»>	ХП, 137	1836. 1836 — год выхода книги. Вторая половина года? Письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 7 сентября 1836 г. с напоминанием, что 3 (15) июля Вяземскому послан из Парижа «Мильтон» Шатобриана. Надо полагать, что тогда же ознакомился с этой книгой и Пушкин. Экземпляр его личной библиотеки не разрезан.

107.		<<Песнь о полку Игореве>>	ХII, 147	1836. Конец года. Письмо А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу от 3 декабря 1836 г. о работе Пушкина над «Словом».
108.		Последний из свойственников Иоанны д'Арк	ХII, 153	1836–1837. До 9 января 1837 г. Запись в дневнике А. И. Тургенева.
109.		Table-talk	ХII, 156	1834–1836
Заметки и афоризмы разных годов				
110.	1829– 1836	Только революционная голова ⁵⁹²	ХII, 178	
111.		<1.> Торвальдсен, делая бюст...	ХII, 178	
112.		<2.> Первый несчастный воздыхатель	ХII, 179	
113.		<3.> В миг, когда любовь...	ХII, 179	
114.		<4.> Литература у нас существует...	ХII, 178	
115.		<5.> Французские критики...	ХII, 179	
116.		<6.> Переводчики — почтовые лошади...	ХII, 179	
117.		<7.> Зависть — сестра соревнования...	ХII, 179	
118.		<8.> Критикою у нас большею частью...	ХII, 180	
119.		<9.> Грамматика не предписывает...	ХII, 180	
120.		<10.> Д. говаривал...	ХII, 180	
121.		<11.> Не откладывай до ужина...	ХII, 180	
122.		<12.> L'exactitude... ⁵⁹³	ХII, 180	
123.		<13.> Желудок просвещенного человека... ⁵⁹⁴	ХII, 180	

⁵⁹² Вероятнее всего, пропущен случайно, т. к. до этого входил и в старое АПСС (т. 9, с. 398), и в тома под ред. Ю. Г. Оксмана.

⁵⁹³ В АПСС напечатано в составе комплекса афоризмов «Не откладывай до ужина...».

⁵⁹⁴ В АПСС напечатано в составе комплекса афоризмов «Не откладывай до ужина...».

124.		<14.> Буквы, составляющие славянскую азбуку...	ХІІ, 180	
125.		<15.> Множество слов и выражений...	ХІІ, 181	
Редакционные заметки				
126.	1836	<1.> Журнал под названием Современник	ХІІ, 182	
127.		<2.> Известие	ХІІ, 182	
128.		<3.> <Обращение к подписчику из г. Холма>	ХІІ, 182	
129.		<4.> Статья, присланная нам из Твери...	ХІІ, 183	
130.		<5.> Примечание к слову «богадельня»*	ХІІ, 183	
131.		<6.> Новый роман	ХІІ, 183	
132.		<7.> <Примечание к повести Гоголя «Нос»>	ХІІ, 183	
133.		<8.> «Современник» будет издаваться	ХІІ, 183	
134.		<9.> Издатель «Современника» не печатал	ХІІ, 183	
135.		<10.> Обстоятельства не позволили	ХІІ, 184	
136.		<11.> В первом томе «Современника»	ХІІ, 184	
137.		<12.> Редакция «Современника» не может...	ХІІ, 184	
138.		<13.> <Примечание к «Записке о Древней и Новой России» Карамзина>	ХІІ, 185	
139.		<14.> <Примечание к стихотворению Л. Якубовича «Предназначение»>	ХІІ, 185	
ВТОРОЙ ОТДЕЛ				
Наброски / записи, конспекты, планы				
140.	1819 (?)	Но где обязанность, там и закон*	ХІІ, 189	

141.	1821	<Запись споров о вечном мире>	XII, 189	1821. Письмо Е. Н. Орловой А. Н. Раевскому от 23 ноября 1821 г.
142.		Note sur la révolution d'Ipsylanti	XII, 190	1821–1822. Годовые даты — по хар<актеру> почерка. После августа 1821 (смерть Иордаки-Олимбиоти).
143.		Note sur Penda-Déka	XII, 190	1821–1822. Годовые даты — по хар<актеру> почерка и по содерж<анию>.
144.	1822 (?)	О французской словесности	XII, 191	1822. Ср. письмо Гнедичу 27 апреля 1822 г. Бумага, употреблявшаяся в 1822.
145.	1825	<Заметка о Катенине>	XII, 192	1825. Январь (?). По соседству со сценой в Чудовом монастыре.
146.	1825– 1826	Je suppose...	XII, 194	
147.	1825– 1827	<Замечания на «Анналы» Тацита>	XII, 192	1825–1827. Первые 8 заметок — 1825 г. по письму к Дельвигу от 23 июля 1825 г. Девятая заметка (№ 2367) — 1827 г. по положению в тетради.
148.	1829	Ne pas admettre...	XII, 195	
149.	1830	Presque toutes les religions...	XII, 195	
150.		<О романах Вальтера Скотта>	XII, 195	1830 (?). Датируется предположительно — по характеру бумаги. Вероятно — рецензия для «Лит. газеты» на один из русских переводов В. Скотта (возможно на «Монастырь» 1829 г. или «Вудсток» 1830 г.).
151.		Ignorance des seigneurs russes...	XII, 195	1830 (?) Датируется предположительно. На одном листе с заметкой о романах В. Скотта (см.)
152.	1831	Stabilité — première condition...	XII, 196	
153.		<О Генеральных штатах>	XII, 196	

154.		<Очерк истории Украины>	XII, 196	1831. Точнее не датируется. Исходная дата: письмо Погодина Шевыреву от 28 апреля 1829 г.; вод<яные> знаки 1830 и 1831; бумага, употреблявшаяся в 1831–1832 гг.
155.		<Материалы для заметок в газете «Дневник»>	XII, 199	1831. Даты заметок: 26 июля – 4 сентября.
156.		Богородицыны дочки	XII, 201	1831. Упоминание 1830 года как прошлого.
157.	1831–1832	<Заметки по русской истории>	XII, 202	1831. Две первые заметки датируются только предположительно. «Мнение митрополита Платона...» — дата Пушкина: 6 июля 1831 г.
158.		<О 18 брюмера>*	XII, 204	
159.	1832	О новейших романах	XII, 204	1832. Лето–осень (?) Запись Н. Муханова от 29 июля 1832 г. с отзывом Пушкина о Поле Мюссе; сентябрьское письмо к Погодину с оценкой французской литературы; даты выхода всех упоминаемых книг.
160.	1830–1834	<Заметки о дворянстве>*	XII, 205	1830–1834. 1. Ср. письмо к Вяземскому 16 марта 1830 г. 2. На бумаге, употреблявшейся в Болдине в 1830 г. 3. По положению в тетради.
161.	1834	<Замечания на книгу М. Ф. Орлова «О государственном кредите»>*	XII, 206	1834. Начало 1834 (?). Ценз<урное> разр<ешение> книги Орлова 23 августа 1833 г., дата ее — 1834.
162.	1835	La libération de l'Europe...	XII, 207	
163.	1836	<«Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша>*	XII, 207	1836. Июнь – август. Упомянуто в перечне, составленном между 9 июня 1836 г. (номер «Сев<ерной> пчелы», вызвавший статью о Пугачеве) и 1 сентября 1836 г. (запрещение статьи о Радищеве).

164.		<Заметки при чтении «Нестора» Шлецера>	ХII, 207	1836. Не ранее октября. Упоминание о «философическом письме» Чаадаева («Телескоп» вышел ок<оло> 3 октября 1836 г.).
165.	1830– 1836	<Планы истории древней русской литературы>*	ХII, 208	1830 (?) Предположительно — по связи с набросками статьи.
166.		<План предисловия к собранию русских песен>*	ХII, 208	
167.		<План статьи о цивилизации>	ХII, 209	1833 (?). Твердых оснований для датировки нет. Бумага, характерная для 1828–1829 гг.
168.		<План статьи о правах писателя>	ХII, 209	1836 (?). Датируется предположительно по связи с письмом к Баранту 16 декабря 1836 г.
ТРЕТИЙ ОТДЕЛ Заметки на полях				
169.	1826	<Заметки на полях статьи П. А. Вяземского об Озере>*	ХII, 213	1826. Сентябрь–декабрь. Ценз<урное> разр<ешение> издания Озерова 1828 г. — 5 января 1827 г.
170.	1829	<Заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия»>	ХII, 243	1829. Сентябрь. Если 1829 год — то сентябрь, т. е. после выхода «Моск<овского> Вестника» № 3 (в июне) и после возвращения Пушкина в Москву (в сентябре). Ср. показания Погодина о споре 26 сентября 1829 г. Менее вероятен 1831 год.
171.	1830	<Заметки на полях «Опытов» Батюшкова>*	ХII, 257	1830. Осень (?) О датировке см. ст. В. Л. Комаровича в ЛН 16–18. Пять замечаний — 1817 г.
172.	1836	<Заметки на полях письма П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова	ХII, 285	1836. Конец года. Ценз<урное> разр<ешение> книги Устрялова — 14 сентября 1836 г.

		«О системе прагматической русской истории»>		
<u>ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДЕЛ</u> Dubia				
173.		Когда Макферсон издал...*	XI, 281	
174.		Старый генерал Щ...	XVII, 67	
175.		Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым...	XVII, 67	
176.		Острая шутка...*	XII, 178	
177.		Невский альманах на 1830 год	XI, 117	
178.		Англия есть отечество...*	XI, 118	
179.		В одной из Шекспировых комедий...	XII, 178	
180.		Г. Раич счел за нужное...	XI, 128	
181.		Мильтон говаривал...	XII, 178	
182.		С некоторых пор... ⁵⁹⁵		
183.		«Собрание насекомых», стихотворение А. С. Пушкина	XI, 131	
184.		Новые выходки...	XI, 282	
185.		В газете «Le Furet»...	XII, 179	
186.		Для очистки совести нашей... ⁵⁹⁶		

⁵⁹⁵ См. в списке произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину (XVII, 558). Предполагаемый автор — А. А. Дельвиг.

⁵⁹⁶ См. в списке произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину (Там же). Предполагаемый автор — П. А. Вяземский.

187.		Об альманахе «Старина и новизна» ⁵⁹⁷		
188.		О Татищеве	XII, 341	

⁵⁹⁷ См. в списке произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину (Там же). Автор — П. А. Вяземский.